

БАМБУК В СНЕГУ

Корейская
лирика
VIII-XIX
веков

Перевод
АЛЕКСАНДРА ЖОВТИСА

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1978

Составитель *Л. Концевич*

Предисловие *М. Никитиной*

Авторы подстрочных переводов
со старокорейского
М. Никитина и Л. Концевич

Сверка и научная редакция переводов
Л. Концевича

Примечания
Л. Концевича и М. Никитиной

Бамбук в снегу. Корейская лирика
Б22 VIII—XIX веков. Пер. А. Жовтиса.
Предисл. М. Никитиной. М., Главная
редакция восточной литературы изд-ва
«Наука», 1977.

327 с.

Сборник является своего рода антологией корейской поэзии за тысячелетний период. В него вошло около 400 стихов, написанных как прославленными мастерами слова, так и неизвестными авторами. Стихи размещены по разделам и в хронологическом порядке, что позволяет проследить эволюцию наиболее популярных жанров и жанровых форм корейской средневековой поэзии. Почти все переводы выполнены заново поэтом-переводчиком Александром Жовтисом.

Б $\frac{70404-120}{013(02)-78}$ 182-77

И (Кор)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

423449

БИБЛИО

Предисловие

В сборнике «Бамбук в снегу» перед читателем пройдут тысяча двести лет корейской поэзии на родном языке. Открывает его хянга «Песня о туе», датируемая VIII в., а завершают чапка XVIII в. Включены в сборник и стихи XIX столетия. Не все виды и жанры корейской поэзии представлены в книге одинаково полно, однако читатель сможет ощутить и своеобразие, «индивидуальность» жанров, и живое единство корейской поэтической традиции, сохранявшейся веками.

Выражение «поэзия на родном языке» употреблено не случайно. С древних времен корейская литература, так же как и литература Японии и Вьетнама, была двуязычной. Она создавалась на родном языке и на ханмуне (так называли в Корее язык старой китайской литературы — вэньянь).

В ранний период поэзию на родном языке в Корее представляют *хянга*, или *санве норэ* («песни востока», или «песни родной стороны»). Это первые письменные поэтические произведения на корейском языке, которые записывались при помощи *хянчхаль*¹. Возникли хянга в древнем государстве

¹ Хянчхаль — разновидность *иду* — способа записи отдельных корейских слов и целых текстов при помощи китайских иероглифов путем комбинированного использования их значений и звучания.

Силла (IV — VII вв.) и расцвели в эпоху Объединенного Силла (VII — IX вв.). В это время они занимают одну из высших рубрик на шкале государственных и культурных ценностей. Ими гордятся, их противопоставляют «танским стихам» (*тан-си*). В VII — X вв. корейские авторы переводят сборники хянга на китайский язык, чтобы сделать известной свою поэзию за пределами государства. В 888 г. по особому указу государыни Чинсон-ёван создается антология поэзии на корейском языке «Свод поэзии древности» («Самдэмок»), к сожалению, до наших дней не дошедшая.

Однако со временем отношение феодального государства к словесности на родном языке меняется. Примерно с XI в. заметно возрастает роль китайской учености. По китайскому образцу готовятся кадры чиновников, от которых требуется знание конфуцианских классиков, определенного круга философской и исторической литературы, а также умение слагать китайские стихи. Официальным языком корейского государства становится ханмун, на первый план выдвигается и литература на нем. В связи с этим часть представителей высшего сословия проявляет пренебрежительное отношение к исконной корейской культуре, прежде всего к словесности на родном языке. Так продолжалось до XX в.

В корейском обществе существовала и другая точка зрения на свою культуру и на свою поэзию, и на протяжении почти тысячелетия не прекраща-

четырнадцать хянга и сообщал различные сведения о поэзии корейской древности. Записывает в переводе на ханмун современные ему поэтические произведения на родном языке, стремясь уберечь их от забвения, Ли Джехён (1287—1367), талантливый поэт и прозаик. В XV в., в пору создания корейского фонетического письма, вновь проявляется интерес к поэзии на родном языке, на сей раз со стороны правителей новой династии Ли (1392—1910), в частности просвещенного государя Седжона. Одними из первых на новом алфавите были записаны поэтические произведения, вошедшие в государственный ритуал.

И все же изменения к лучшему в судьбе поэзии на корейском языке наступили нескоро. Этапными явились XVII—XVIII века — время подъема идейного течения «Сирхак» («Реальные знания»). Эти столетия были периодом общей демократизации литературы, расцвета жанров прозы и поэзии на корейском языке. В конце XVII в. впервые в истории корейской литературы выходит изданный посмертно авторский сборник выдающегося поэта Чон Чхоля (1537—1594), включавший в себя только стихи на родном языке.

Стихотворения Чон Чхоля оценивались современниками и последующими поколениями как высшее достижение корейской поэзии. Прославленный прозаик Ким Манджун (1637—1692), отзываясь о поэзии Чон Чхоля как об «отечественных „Лисао“»², доказывал, что истинной поэзией народа может считаться только та, которая создается на родном

² «Лисао» — поэма великого китайского поэта Цюй Юаня (340—287 гг. до н. э.).

его языке. Ким Манджун писал, что любой человек, говоря на своем языке и слагая на нем стихи, «следует законам своего языка и поэтического ритма» и что «всякая поэзия способна потрясти Небо и Землю и помочь общению с духами; не одному Китаю это дано».

Борьба демократических и патриотических сил в корейской культуре не привела к полному уравниванию в правах поэзии на родном языке с поэзией на ханмуне, однако существенно изменила ее положение. В 1727 г. впервые после давно утраченной антологии «Свод поэзии древности» усилиями поэта Ким Чхонтхэка издается крупнейшая антология на корейском языке «Вечные слова Страны зеленых холмов» («Чхонгу ёнон»), включающая около тысячи стихотворений XIV—XVIII вв. Это было началом. После нее на протяжении XVIII—XIX вв. выходят около десятка антологий поэзии на корейском языке. Поэзия на родном языке приобретает невиданную популярность. Так, в жанре *сиджо*, особенно бурно расцветшем в XVI—XVIII вв., авторами выступают и государи, и певицы — кисэн, парии сословного феодального общества.

Изменения в судьбе поэзии на родном языке — один из внешних показателей тех глубинных процессов, которые протекали в недрах корейского феодализма и с неизбежностью преломлялись в корейской культуре. Независимо от официального отношения к ней корейская поэзия на родном языке всегда оставалась средоточием духовной жизни народа, находилась ближе всего к животворным фольклорным истокам.

В отличие от поэзии на ханмуне, которая развивалась в рамках китайской системы жанров, воспринятой в ранний период, поэзия на родном языке

представлена самобытными корейскими жанрами. Эти жанры возникали, расцветали и затем сходили со сцены, уступая место новым. При этом традиции корейской поэзии на родном языке не прерывались: то, что уходило, не исчезало бесследно, нередко возрождаясь в новом облике спустя века.

Первый раздел сборника — «Песни древности» — отведен *хянга* и *каё*. До нас дошли двадцать пять хянга. Большинство из них — «десятистрочные». Это — наиболее поздние хянга, представляющие особый жанр. Они имеют четкую тройственную структуру. Последняя, третья строфа, несущая особую смысловую и эмоциональную нагрузку, выделяется междометием. О размере хянга сейчас трудно судить из-за сложности расшифровки текстов, однако можно сказать, что уровень звуковой организации стиха в произведениях этого жанра был очень высок.

В десятистрочных хянга изображается какое-то одно событие. В начальной строфе обычно сообщается об обстоятельствах, вызвавших появление хянга, воспроизводится в общих чертах ситуация, в которой она сочинялась, и в заключительной строфе дается оценка сказанному.

В те времена, когда господствовали хянга, отношение к поэтическому слову в корейской культуре было особым. Поэтические произведения считались магическими. Сочинение, написание, исполнение хянга предполагали воздействие на мир в целом или на отдельные его феномены. Хянга входили в состав погребального ритуала, молебствий о предотвращении бедствий в стране, в состав шаманских заклинаний болезней, сопровождали буддийские церемонии. Хянга сочиняли и исполняли в критических ситуациях в судьбе отдельной личности и в

судьбе государства. Обращение к поэтическому слову было делом ответственным. Человек, сочинявший и исполнявший хянга, должен был обладать нравственным правом на ее сочинение и исполнение. Он специально готовился к этому акту (очищался постом, как, например, Вольмён, автор «Плача по умершей сестре»), выбирал соответствующее время. Обычно это была лунная ночь, а точнее, если судить по корейской календарной обрядности, полнолуние. Очевидно, выбиралось и место. Как свидетельствуют «Песня о хваране Кипха» Чхундама и «Песня о туге» Синчхуна, это был берег реки или пруда, скорее всего с хвойным деревом. Хянга исполнялись также перед «лицом» божества (изображение Будды и т. д.) или духа болезни (т. е. у постели больного, как свидетельствует «Песня» Чхоёна). А поскольку в хянга воспроизводились время и место, где ее сочиняли, существенными элементами «пейзажа» стали луна (единственное светило в хянга), вода (река, пруд), дерево (хвойное или лиственное).

Человек, его жизнь осмысливаются в хянга в «растительных» образах. Особое внимание уделяется осени, которая осознается как критический этап в «жизни» дерева и в развитии человека — физическом и духовном. Лист, сорванный осенним ветром, ассоциируется со смертью человека: дерево завершает свой годовой цикл, человек — жизненный. Осень несет смерть листьям, но она же выявляет бессмертную сущность хвойного дерева. Оно представляется вечным, так как не боится холодов, снега, инея, которые приносит конец года. С тугей соотносится нравственно безупречный человек — «старший» по отношению к автору хянга — наставник, государь, образ которого навечно запечатлевается

в сознании «младшего» (ср. «Песня о хваране Кин-хас»). Проблема нравственной ценности личности как проблема преодоления смерти в корейской поэзии отчетливо формулируется уже в хянга.

В первых веках нашей эры на Корейский полуостров проникает буддизм, который в VII—IX вв. заметно укрепляет свои позиции. Деятели корейского буддизма активно вводят в ритуал корейские поэтические тексты, заменяя ими непонятные прихожанам китайские и санскритские. Примером является цикл из одиннадцати хянга, принадлежащий крупному деятелю корейского буддизма и выдающемуся поэту Кюнё (917—973). Его произведения, самые поздние из сохранившихся десятистрочных хянга, обнаруживают связь с образным строем предшествующей поэтической традиции. Так, в хянга «Молю о том, чтобы повернулось Колесо Закона...» мы встречаем знакомые нам луну и осень, но здесь осень символизирует пору духовного просветления, время созревания плодов познания, сам же процесс духовной эволюции человека представлен как трудный рост растения, которому необходим «дождь истины».

Хянга были связаны с традициями особой социальной организации хваранов, ведавшей воспитанием юношества, очень влиятельной в государстве Силла. Она строилась по иерархическому принципу и подразумевала послушание и преданность ученика. Но наставник-хваран, обязанный заботиться о физическом, умственном и нравственном воспитании ученика, мог претендовать на его преданность только при условии соблюдения им самим определенных нравственных норм. «Младший» следил за «обликом» «старшего», отмечал малейшие нарушения и стремился их исправить, указав на

них. Это рассматривалось как крайне важный акт, поскольку, по представлениям того времени, от «облика» «старшего» зависел порядок в мире. Искажение этого «облика», о котором сам «старший» мог и не знать, влекло нарушение гармонии в космосе. И здесь на помощь призывались хянга, сочинение и исполнение которых было ритуальным актом. Предполагалось, что поэтическое описание нарушения порядка в космосе или, напротив, изображение его идеального состояния вело соответственно к исправлению нарушения («Песня о туге») или содействовало упрочению идеального положения дел в мире («Песня о хваране Кипха»).

Принципиальным моментом, во многом определившим характер и дальнейшее развитие корейской поэзии, была высокая степень активности отдельной «рядовой» личности («младшего» — ученика, подданного), которая осознавала себя ответственной за происходящее в мире и осознавала за собой право и возможность влиять на космос в целом. Вероятно, поэтому, хотя в древней Корее к поэтическому слову все же прибегали, хянга создавались и исполнялись представителями самых разных общественных слоев. Буддийский монах Вольмён, бывший хваран, слагает хянга — заупокойную молитву, дабы помочь духу усопшей сестры; должностное лицо Чхоён с помощью хянга изгоняет духа болезни, завладевшего его женой; сановник Синчхун, видя, что его государь нарушил нравственные принципы, — а это грозит неполадками в космосе, — слагает хянга, чтобы выправить положение, и т. д.

Хянга это поэзия в подлинном смысле слова, обладающая огромной силой эмоционального воздействия и представляющая собой непреходящую эстетическую ценность. Она доносит боль, тревоги, ра-

ности живых людей, отдаленных от нас многими столетиями.

Новое время — новые песни. Хянга Корё, видимо, были последним всплеском некогда могучего поэтического потока. Период династии Корё (X—XIV вв.), сменившей Силла, связывается в истории корейской поэзии с особым видом поэтических произведений на родном языке, называемых ныне *Корё каё* (букв. «песни Корё»). Их сохранилось не больше, чем хянга. Сказалась официальная ценностная установка: в период Корё в отличие от периода Силла не делалось попыток собрать антологию поэзии на родном языке.

Каё более разнообразны по форме, чем хянга. Среди них можно встретить и короткие, в несколько строк, и длинные, содержащие несколько строф. (Вспомним, что предел в дошедших до нас хянга — три строфы, десять строк.) Лишь в единичных из них угадывается тройственное деление, свойственное хянга. Если хянга воспроизводят в основном какую-то одну ситуацию, то многострофные каё изображают событие развернутым в пространстве и во времени. Так, в каё неизвестного автора «В зеленых горах буду жить...» человек ищет прибежище то в горах, где собирает плоды и ягоды, обрабатывает поле, наблюдает за птицей, в тоске и одиночестве проводя дни и ночи, то на морском берегу, где собирает водоросли и моллюсков, наблюдает за происходящим в море и т. д.

Тематический диапазон каё иной, чем хянга. Среди них нет буддийских произведений, хотя воздействие стиля буддийских сочинений прослеживается на некоторые из них. (Возможно, и на упомянутую каё «В зеленых горах буду жить...».) В каё уделяется внимание любовной теме. Несколько каё

(например, «В городе Согёне») посвящены разлуке с любимым. В XV в. каё уже не сочиняли, но исполняли: они были включены в состав государственного ритуала.

Как известно, новаторство — это по-новому пережитая традиция, что вполне может быть отнесено к жанрам *сиджо* и *каса*, оформлению и развитию которых помогло создание в середине XV в. корейской фонетической письменности. Эти жанры занимали центральное место в поэзии на родном языке в последующие века.

Жанру *сиджо* отведен второй раздел сборника — «Короткие песни». Этот жанр возник на рубеже XIV—XV вв., достиг своего расцвета в XVI—XVIII вв.; к нему нередко обращаются и современные поэты. Сохранилось около двух тысяч *сиджо* XIV—XIX вв. Они удивительно напоминают десятистрочные *хянга*: повторяют их тройственную структуру, отводят особую роль третьей, заключительной, части, которая, как и последняя строфа *хянга*, нередко предваряется междометием; большое внимание уделяется звуковой стороне стиха.

Вместе с тем *сиджо* — принципиально новое явление в корейской поэзии. Стихотворение этого жанра довольно четко организовано метрически. Все три его строки делятся на два полустипшия (что дает основание переводить его на русский шестистипшием); каждое полустипшие состоит из двух стоп — трех- и четырехсложной; исключением является первое полустипшие третьей строки, которое обычно трехстопно. Первая стопа этого полустипшия трехсложна, в остальных стопах допускаются колебания в один-два слога.

Требования жанра налагали ощутимые ограничения на содержание *сиджо*, на выбор поэтиче-

ских средств. Вместе с тем сфера индивидуального шаблона не захватывала звуковой уровень. Хотя ни один из приемов звуковой организации стиха в сиджо не является обязательным, в произведениях этого жанра широко используются, произвольно сочетаясь в одном стихотворении, сложные аллитерации и эпизодические (факультативные) рифмы. Именно при сходстве содержания поэтическая индивидуальность авторов сиджо проявляется часто в звуковой организации стиха.

Как и хянга, сиджо посвящается какому-то одному событию, одной ситуации, которым в стихотворении дается определенная оценка. Однако в сиджо отсутствует присущий хянга «физический» контакт автора или исполнителя с «адресатом», который был обусловлен ритуалом. (В хянга человек должен был непосредственно видеть «облик» того, к кому обращал хянга, или мысленно воспроизвести его образ, увидев отраженным в зеркале воды пруда, реки, как, например, в «Песне о хваране Кишха» и «Песне о туге».) В сиджо нарушается эта жесткая пространственно-временная замкнутость, событие, факт словно обретают историческую и географическую перспективу: о «пяти столетиях деяний государей» династии Корё, ушедшей в прошлое на их памяти, говорят Вон Чхонсок и Киль Джэ, об отдаленности границ родины пишут в своих стихах из дальних краев военачальники Ким Джонсо. Нам И.

Сиджо отразило драматические события в истории страны. Смена династии на рубеже XIV—XV вв. расколола высшее сословие на две группировки. Для тех, кто остался верным последнему государю династии Корё в «проигрышной ситуации», нравственным прибежищем явились вековые культурные

ценности. Это хорошо заметно в ранних сиджо. Так, Чон Монджу (1337—1392), видный сановник, конфуцианский мыслитель, отказавшийся примкнуть к сторонникам дома Ли и убитый за это, обратился за вдохновением к одной из хянга Кюнё.

Суровым испытанием для представителей высшего сословия оказалось и восшествие на престол в 1456 г. государя Седжо, казнившего своего малолетнего предшественника — Танджона. Выступившие с осуждением этой акции были преданы казни; в их числе оказался и Сон Саммун, выдающийся ученый, один из создателей корейской фонетической письменности. В поэзии в это время с большой остротой встает проблема нравственной позиции человека. И вновь появляется знакомый нам по хянга образ хвойного дерева, над которым не властен снег и непогода. В хянга это была туя, в сиджо — сосна. В хянга это «старший», в сиджо — «младший», верный своему государю в тяжкое время подданный. Не прошли бесследно века воздействия конфуцианской традиции, в которой со времен Конфуция «сосна» ассоциировалась с преданным подданным. Этот образ мы встречаем в сиджо поэтов, известных как «шесть казненных» при Седжо. Самоутверждение личности идет по новому руслу, но сила импульса к самоутверждению своего «я» перед лицом нравственно неправого «старшего» говорит о воскрешении духа хянга.

В сиджо в той же роли, что сосна, выступают бамбук, зеленеющий среди снега, дикая слива — махва, цветущая в холода и метель, хризантема, неподвластная осенним дождям и снегу. В этом случае, как и во многих других, круг поэтической образности расширяется за счет китайской, пришедшей из творчества Тао Юань-мина, Ли Бо, Ду Фу,

Су Шм, Шан Юна и других поетов, которых очень хорошо знали в средневековой Корее.

Стихи сторонников новой династии, активно укреплявших государство, и стихи ее противников, а также авторов, не признававших законным воцарение Седжо, полны пафоса гражданственности. Авторская личность проявляется в них как активная, утверждающая свои нравственные устои в трудных и смертельно опасных ситуациях. Это относится и к стихам военачальников, особенно Клим Джонсо.

Стихи этого автора, а также Нам И и других наводят на мысль о том, что «военные» сиджо развивали традиции не дошедших до наших дней воинских хянга, существование которых вполне можно предположить. Известно, что организация хваранов ведала не только «песнями и танцами государства и общением с духами». Она отвечала и за воинскую подготовку юношества и культивировала личную храбрость, готовность пасть в бою во имя интересов своего государства. А то, что воинские хянга не сохранились, объяснимо: хянга записывались буддийскими авторами, для которых военная проблематика была менее всего привлекательной.

Воцарение новой династии не принесло социальной и нравственной справедливости и не дало гарантий безопасности отдельной личности. Усиливаются «индивидуалистические» тенденции в корейском обществе, которое выработало в этих условиях особый идеал поведения и образа жизни — отшельничество. «Идеологической» его базой были даосизм и буддизм чаньского толка (кор. *сон*, яп. *дзэн*), получивший широкое распространение в Корее в XV—XVII вв. Бегство от мира становится чуть ли не массовым явлением. Расцветает пейзаж-

ная поэзия, подученная наименованием *кэнго* поэзия «рек и озер».

В сиджо тема природы вошла в середине XV в. с циклом из четырех стихотворений Мэн Сасона, воспевавшего жизнь отшельника в разные времена года, и с тех пор господствует в этом жанре. Так же как и в хянга, в сиджо Мэн Сасона отражаются древние представления о зависимости между «старшим», в данном случае государем, и состоянием космоса, переосмысленные, однако, под воздействием китайской имперской идеологии. Государь, обладающий особой силой (кит. *дэ*, кор. *ток*) и отвечающий за гармонию в космосе, является источником милости (кит. *инь*, кор. *ым*) для подданного.

Авторов пейзажных сиджо привлекает главным образом тип пейзажа, который наметился в хянга. Луна и здесь — высшая точка пространства и немеркнущее светило, вода — практически единственная горизонтальная поверхность, хвойное дерево — вертикаль, человек (и его жилище) обращен к воде. Естественно, сиджо расширяет пейзажные возможности, доставшиеся в наследство от хянга: сосна — не единственная вертикаль в сиджо, не менее часто в этой роли выступает гора (иногда с сосной на вершине, как в сиджо Сон Саммуна), изображаются наряду с ночным пейзажем и картины вечера и заката как времени, предшествующего ночи, изредка появляются и зарисовки утреннего пробуждения природы.

Вероятно, связью с традицией хянга можно объяснить и то обстоятельство, что пейзажная поэзия крайне редко изображает море. И это в поэзии страны, где расстояние между западным и восточным морскими побережьями не превышает 250—400 км почти на всем ее протяжении и где три четверти

границ — морские. (Напомним, что в качестве горизонта в хянге выступают горы или море, — «обозримо ограниченная водная поверхность».)

Сходство пейзажных сиджо с хянга угадывается и еще в одном аспекте. Сиджо подчас воспроизводит некий индивидуальный ритуальный акт, осуществлявшийся обычно в полнолуние на рубеже заката солнца и восхода луны. Изображаются окружающая обстановка и сам момент переживания человеком особого психологического состояния. Непременное условие достижения этого состояния — одиночество, и лучше всего — на лоне природы. Созерцание гор, расцвеченных осенними красками, реки, в которой отражаются горы, рыбацкой деревушки на берегу, освещенных солнцем цветов сливы, созерцание, дающее эстетическое наслаждение, приближает это состояние. Внутренняя раскованность позволяет отождествить себя с белой чайкой, белой цаплей — представителями мира природы. «Общение» с луной приводит к озарению, к ощущению своей связи с мирозданием, к ощущению «выпадения» из времени, неподвластности его ходу и причастности к вечности. Именно эти мотивы отмечаются в хянге.

Сфера «индивидуального» ритуала в XV — XVII вв., породившая пейзажные сиджо и каса, тяготеет к пришедшим из Китая даосизму и чаньскому буддизму, которые ориентировали личность на освобождение от рамок обыденного сознания. Однако восприятие философских и эстетических воззрений даосизма и чаньского буддизма в корейской культуре было подготовлено развитием собственных философско-эстетических представлений, отразившихся в поэзии на родном языке в древний период. Во всех случаях при ближайшем рассмотрении в сиджо

обнаруживается древнее наследие хянга, переосмысленное в иных исторических условиях и давшее сплав с принятой китайской традицией.

В ряде аспектов сиджо наследует и традиции каё. К жанру каё восходит любовная тематика, получившая развитие в сиджо XVI—XVIII вв., когда литература обратилась к человеку вне «деловой» сферы. Особенно она культивировалась в творчестве кисэн — певец и танцовщик, среди которых было немало образованных и талантливых поэтесс. О наиболее известных из них слагались легенды, и их имена были знакомы каждому корейцу. Самой прославленной была Хван Джини (1506—1544). Популярность ее стихов и легенд о ней в средневековой Корее можно сравнить лишь с популярностью «Повести о Чхунхян». Поэтическое совершенство сиджо Хван Джини, обращенных к личному в человеке, изящный юмор делают ее творчество незаурядным явлением в корейской поэзии. История сохранила имена Сори, Куджи и еще нескольких поэтесс, однако большинство авторов любовных сиджо остались неизвестными. Количество анонимных любовных сиджо велико, и они, как правило, отражают влияние народно-песенной традиции, восходящей ко временам Корё.

С традициями многострофных каё связаны и циклы сиджо, объединявшиеся либо по временному принципу (например, циклы Мэн Сасона и «Времена года рыбака» прославленного мастера сиджо Юн Сондо), либо по пространственно-временному (например, «Девять излучин Косана» Ли И). Циклам сиджо свойственно несколько иное осознание человеком своей причастности мирозданию, нежели отдельному сиджо. Подчеркивается абсолютное слияние ритма жизни человека с равномерным тече-

нием времени в пределах первого и второго прилов. Это же ощущение времени и себя во времени было свойственно и другому жанру корейской поэзии на родном языке — *кэса*.

В процессе развития поэзии на корейском языке от сиджо отщепляются *чансиджо* (букв. «длинные сиджо»), представленные в сборнике в третьем разделе — «Песни новых времен». Чансиджо — общее название нескольких разновидностей поэтических форм, сохранивших некоторую метрическую общность с сиджо. Обычно это стихотворения неопределенного объема, но больше, чем сиджо. Разрастание одной из строк (или сразу всех трех) путем произвольного увеличения количества полустуший приводит нередко к стиранию граней между строками, и стихотворение метрически воспринимается как произвольное чередование полустуший и свободных стоп. Однако тройственное деление выдерживалось на мелодическом уровне. Строки и строфы исполнялись в различной мелодической манере, между ними выдерживались паузы. «Длинные сиджо», по-видимому, представляют собой переходный этап в развитии корейского стиха от упорядоченного к свободному.

Рождение «длинных сиджо» — одно из наглядных проявлений перемен, происходивших в корейской культуре XVII—XVIII вв. Это было время активности движения «Сирхак», приверженцы которого ратовали за поощрение практических наук, за проведение реформ в области экономики, требовали пропаганды знаний среди низов и средних слоев общества, уделяли большое внимание положению человека в обществе. В связи с развитием корейской мысли XVII—XVIII вв. обозначились сдвиги и в литературе. В поэзию и прозу приходит но-

вый герой — человек «нижнего» происхождения в общественного подожжения, а вместе с ним находит отражение та сфера, где он живет и действует. Освещаются новые аспекты действительности — социальные и бытовые.

У литературы на корейском языке появляются и новый читатель и новый автор, преимущественно анонимный. К чтению и сочинению поэзии на родном языке приобщаются ремесленники, торговцы, крестьяне. Большую роль в судьбе литературы на корейском языке начинают играть женщины; недаром корейскую письменность и литературу на ней презрительно именовали «женским письмом».

В «длинных сиджо», пожалуй, ярче всего выражено новое мироощущение эпохи. Человек, в силу даосско-буддийских воззрений ощущавший себя частицей великого и вечного космоса, здесь перестает осознаваться некой сущностью, лишенной социально-бытовых примет, равно как и звеном в отношениях «высшего» уровня: государь — подданный. Почувствовав себя свободным, не привязанным ни к какому сверхпорядку, он обращается к чисто человеческому миру. Этот мир, своего рода микрокосм, не так уж велик, но зато центр его — земной человек, радующийся жизни или сетующий на свои житейские незадачи, посмеивающийся и над другими, и над самим собой, метко и зло клеймящий бездельников и дармоедов. И все, что связано с его немудреной жизнью, — любовные интрижки, семейные ссоры, торговля на базаре — отныне важно и достойно быть предметом поэзии. Изменение картины мира, которое привело к рождению «длинных сиджо», объясняется осознанием в обществе сложности и многообразия материального мира и обычной человеческой жизни. Происходит резкий пово-

рот к конкретному изображению действительности, увеличивается вес бытовой и психологической детали. В поэзию вливается разговорная речь, большое место начинает занимать диалог.

Казалось бы, «длинные сиджо» отвергают все, что им предшествовало в поэтической традиции. Однако это не так. Отрицая, «длинные сиджо» ничего не уничтожают. Идет обычный процесс переосмысления традиции в новую эпоху. Необычна сама эпоха. В «длинных сиджо», если приглядеться внимательней, свободно развиваются самые различные возможности хянга, каё, сиджо, а также каса. Человек в «длинных сиджо» активен как личность, ему свойственно стремление к энергичному самоутверждению. И мы узнаем этот импульс: нечто похожее было в хянга и сиджо. Однако здесь утверждает свое человеческое достоинство личность социально приниженная («Эй, косматый парень, погоди-ка...»). Человек в «длинных сиджо» на редкость динамичен, склонен к «перемещениям», в чем можно усмотреть явное сходство с каё, не говоря уже о каса.

К каё восходит и внимание этого жанра к любовной тематике и т. д.

Примерно такая же эволюция произошла и с жанром каса, образцы которого представлены в четвертом разделе сборника — «Напевные строфы». Каса — крупная поэтическая форма, это поэма. Единицей стиха здесь является двустопное полустишие, каждая из стоп которого обычно содержит по четыре слога. Жанр возник в середине XV в. как синтез традиций пейзажных хянга, многострофных каё и даосско-чаньских веяний. В каса, так же как и в многострофных каё, дается сравнительно большой отрезок времени (до года или нескольких лет) в

жизни человека. В пейзажных касе пространство изображается освоенным движением человека. В этом отношении к касе очень близко стоит цикл сиджо Юн Сондо «Времена года рыбака».

Одной из первых касе была «Славлю весну» Чон Ёгыгина (1401—1481). В оригинале она содержит семьдесят девять полустихий, соединенных в единую ткань сложным и плотным звуковым узором: эпизодическая рифма, аллитерация, звукопись — все используется автором, чтобы поэтический текст сравнительно большого объема выглядел монолитным на звуковом уровне. В касе «Славлю весну» дана картина жизни поэта-отшельника на лоне природы, пейзаж развернут во времени (на протяжении весны), человек в нем активен и подвижен.

Если проводить параллели между пейзажной живописью, начавшей развиваться в Корее примерно тогда же, то сиджо можно сопоставить с вертикальным свитком, касе же и циклы сиджо — с горизонтальным.

Расцвет касе относится к XVI в. и связан прежде всего с именем выдающегося поэта Чон Чхоля, известного больше под псевдонимом Сонган. Чон Чхоль сложил две пейзажные касе — «Путешествие в Квандон» и «Сонсанские напевы», пронизанные ощущением близости к природе. Манере Чон Чхоля свойственны космический размах образов, масштабность сравнений, которые сочетаются у него с экспрессивностью и динамичностью.

Особенности поэтической манеры поэта проявились и в двух самых знаменитых его касе — «Тоскую о милome» и «Разговор двух женщин» (в оригинале — «Продолжаю тосковать о милome»), написанных в традициях народной лирической пес-

ни о покинутой возлюбленной. Знакомых нам еще по каёе. «Милый» в стихах Чон Чхоля одновременно и государь, о разлуке с которым печалится подданный — «покинутая возлюбленная». Эти произведения были созданы поэтом во время его отшельнической жизни на юге страны в 1585—1587 гг. и, по-видимому, не без воздействия «женских кас» (*кюбан кас*), широко распространенных в южных провинциях.

Интимная тема звучит в касе в XVI в. не только у Чон Чхоля. Под влиянием народных «женских кас» была создана «Тоска на женской половине дома» Хо Нансорхон (1563—1589), талантливой поэтессой, сестрой выдающегося писателя и поэта Хо Гюна, автора «Повести о Хон Гильдоне» и стихов на ханмуне.

Впоследствии, в XVII—XVIII вв., любовная лирика в жанре кас получает большое распространение. Авторы большинства интимных кас неизвестны. Популярность кас, так же как и популярность любовных сиджо, была вызвана общим интересом литературы и искусства в этот период к миру чувств простого человека, к его жизни.

В сфере пейзажных кас продолжателем Чон Чхоля был известный поэт Пак Инно (псевдоним — Ноге; 1561—1642), сочинявший, как и Чон Чхоль, в жанрах сиджо и кас. Его кас «Песнь о местечке Ноге» и «Слово о глухом переулке» посвящены отшельнической жизни поэта. Но Пак Инно не только автор пейзажных кас. Он был активным участником разгрома японской армии и флота во время Имджинской освободительной войны 1592—1598 гг. Военные и послевоенные его кас, например «Слово о мире», отразившие патриотические настроения эпохи, перекликаются со стихами наци-

онального героя корейского народа флотоводца Ли Сувсина (1545—1598). В сборнике помещена его послевоенная каса «Песня о Еннам». Патриотическая тема развивается и в каса неизвестных авторов: примером может служить «Песня о Скале Долга».

Жанр каса за время своего существования заметно эволюционировал. Он долгое время развивался под влиянием творчества Чон Чхоль, чьи пейзажные и любовные поэмы вызвали много подражаний, вплоть до копирования названий. Но вот в XVIII в. появляются *кихэн каса* («путевые записи»), которым присущи резко увеличившийся объем (некоторые кихэн каса достигают тысячи полустиший) и — в плане содержания — выход человека за пределы государственной границы. Их авторами были люди, которым по долгу службы или по каким-то непредвиденным обстоятельствам пришлось побывать в соседних странах.

Характерным примером является каса «Скитания по морю». Ее автор, чиновник Ли Банъик, в 1796 г. на небольшом судне отправился в Сеул с острова Чеджудо, но был застигнут бурей и оказался на Пескадорских островах. Отсюда через Тайвань он добрался со своими спутниками до континента, пересек Китай и уже из Пекина отправился на родину. «Скитания по морю» посвящены описанию этого удивительного путешествия.

Казалось бы, кихэн каса являются естественным продолжением пейзажных каса, в которых рисуется жизнь отшельника на лоне природы. Просто человек путешествует дальше обычного, за моря и границы. Однако в основе пейзажных каса лежало даосско-буддийское представление о мироздании: природа олицетворяла грандиозный и веч-

ный космос, частицей которого мыслился человек, и все измерялось только масштабами вечности и бесконечности. Кихэн каса — это выход в практический мир, и появление их стало возможно с утверждением познавательного подхода к миру, с нарушением установившегося даосско-буддийского к нему отношения. Путешествует человек с практической целью и, движимый любознательностью, добросовестно фиксирует то, что видит.

Кихэн каса осуществляют прорыв в нестандартную ситуацию: во время путешествий человек попадал в положения, в литературе ранее не описанные, часто опасные для жизни. Кихэн каса эмоционально насыщены, и их эмоциональная гамма гораздо разнообразнее, чем в пейзажных каса. В центре внимания оказываются опасности пути, риск для жизни. А эти опасности и трудности приобретают смысл для литературы только тогда, когда ее центром становятся человек и его суетная жизнь, с которой расставаться так просто ему не хочется. В кихэн каса нередко неповторимые поэтические образы, свежие краски.

Завершают сборник две *чапка* неизвестных авторов: «Белая чайка» и «Желтый петушок». Чапка (букв. «низкая песня») — одна из разновидностей поэтических форм, получившая распространение среди городского населения в XVIII в. Эта форма близка к каса и «длинным сиджо». Как и все корейские стихи, чапка исполнялись на определенных мелодиях.

У корейской поэзии на родном языке долгий и трудный путь. Минули века, ушли люди — герои стихов и авторы стихов, известные и безвестные.

Стихи остались. Они — достояние духовной культуры корейского народа. Многие из них — ценнейший вклад в мировую поэзию.

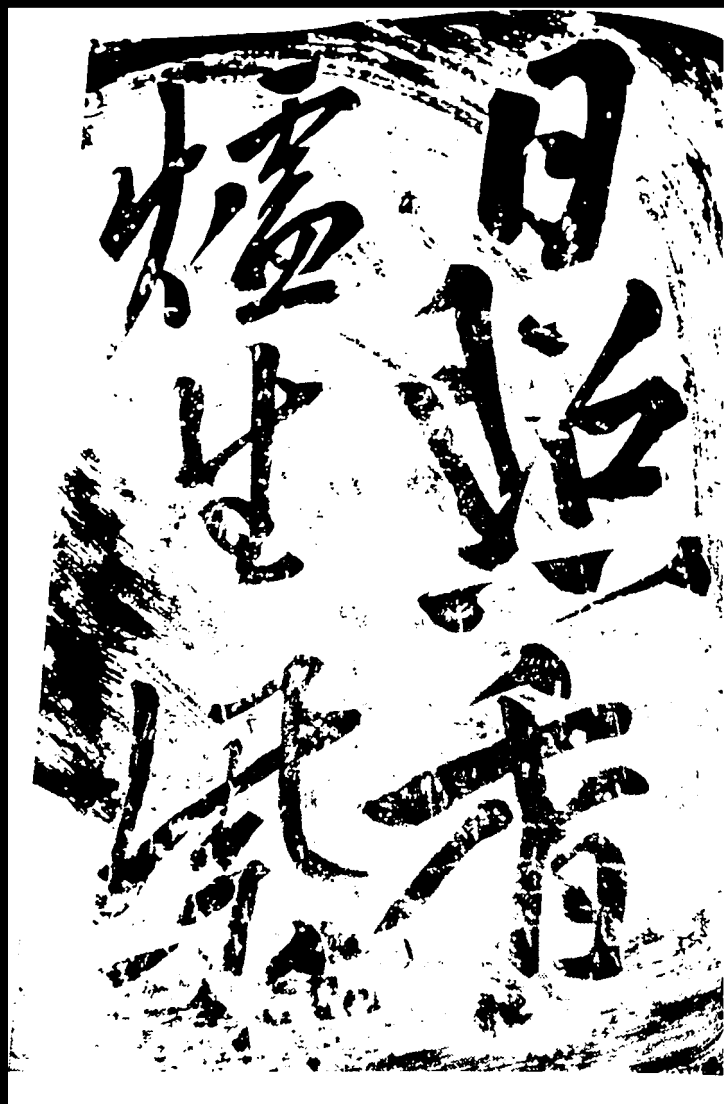
Большинство переводов, помещенных в этой книге, публикуется впервые. Некоторые стихи, издававшиеся А. Л. Жовтисом прежде, переработаны им по новым подстрочным переводам. Произведения Чон Чхоля, с незначительными изменениями, перепечатываются из сборника: Чон Чхоль. Одинокий журавль. М. «Художественная литература», 1975.

М. Никитина

ПЕСНИ ДРЕВНОСТИ

Хянга
и Корё каё

Синчхун

VIII в.

ПЕСНЯ О ТУЕ

И холодной осенней порой
Зеленеет густая туя.
Ты сказал: «Забуду ль тебя?!»
Но лицо твое изменилось!

Лик луны дрожит на волне
И вода в пруде помутнела...
Вот он, в зеркале, образ твой,
Отражающий облик мира!

Вольмён

VIII с.

ПЛАЧ ПО УМЕРШЕЙ СЕСТРЕ

Дорога смерти и жизни
Перед тобой открылась —
И, не сказав ни слова,
Ты покинула нас.

Так осенней порою
Листья с ветвей облетают,
И ветер вдаль их уносит —
Неизвестно куда...

Там, в краю запредельном,
Встретимся мы с тобой!

ПЕСНЯ О ХВАРАНЕ КИПХА

Вверх смотрю: луна поднялась
И стоит в высоте надо мной.
Облака уплывают вдаль,
Но за ними она не плывет.

Вниз смотрю: синее вода
Средь крутых берегов реки.
О Кипха! Глубоко в душе
Сберегаю я образ твой!

Ты — как туя зимней порой,
И мороз не страшен тебе!

Химёи

VIII в.

МОЛИТВА СЛЕПОГО РЕБЕНКА ПЕРЕД ЛИКОМ ТЫСЯЧЕРУКОЙ И ТЫСЯЧЕОКОЙ ПЕЧАЛЬНИЦЫ

Я, слепое дитя, преклоняю колена
И, ладони сложив, молю Гуаньинь:
Ты, печальница, тысячей рук владеешь,
Ты владеешь, благая, тысячей глаз!

Дай, владычица, мне того, что имеешь!
Дай один мне от тысячи глаз твоих!
Мне, который во тьме пребывает вечной,
Исцеленье, печальница, ниспошли!

Окажи милосердье, тебя молю я,
Исцеленье, могущая, ниспошли!

Чхоён

IX .

ПЕСНЯ

До поздней ночи в столице
Гулял я при ясной луне.
Домой воротился — и вижу:
На ложе... четыре ноги!

Я помню: со дня женитьбы
Две из них были мои...
Но кто же посмел их присвоить?
И как мне теперь поступить?

МОЛЮ О ТОМ.
ЧТОБЫ ПОВЕРНУЛОСЬ
КОЛЕСО ЗАКОНА

Путь мой простерся к престолу Будды,
К Будде я возношу мольбу.
В мире, трудами его творимом.
Истины вечной да хлынет дождь!

Да оросит он сухое поле.
Чтобы пробились ростки Добра —
Там, где охвачены души людские
Жаром желаний, огнем страстей!

Пусть под луной Пробужденья зреют
В пору осеннюю Знанья плоды!

В ЗЕЛЕННЫХ ГОРАХ БУДУ ЖИТЬ

Теперь я буду жить в горах.
Я буду жить в горах зеленых!
Есть стану дикую хурму
И буду жить в горах зеленых!
Вот так!
Вот так...

Ты плачешь, птица, надо мной?
Плачь, птица! Плачь с утра до ночи!
И я печален, как и ты.
И я с утра до ночи плачу!
Вот так!
Вот так...

Летает птица над водой.
Смотрю я, как она летает.
Бреду с мотыгою в руках,
Смотрю я, как кружится птица.
Вот так!
Вот так...

Так провожу я долгий день —
За делом и порой без дела.
Никто не едет, не идет...
Что принесет мне ночь глухая?
Вот так!
Вот так...

Куда ты, камень, брошен был?
И для кого предвзначался?
Ведь я ни с кем не враждовал,
А принял твой удар — и плачу!
Вот так!
Вот так...

Теперь у моря буду жить,
Теперь я буду жить у моря.
Одних улиток стану есть
И буду жить всегда у моря!
Вот так!
Вот так...

Послушай-ка, любезный друг!
Послушай, что тебе скажу я:
На нашем корабле большом
Бревно гнилое вместо мачты!
Вот так!
Вот так...

Кувшин-горлянку я возьму,
Возьму-ка я кувшин пузатый
И стану пить свое вино!
И стану пить!.. А как иначе?
Вот так!
Вот так...

Неизвестная поэтесса

XIII—XIV вв.

В ГОРОДЕ СОГЕНЕ

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

В городе нарядном
Разве я останусь?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Ткать холсты я брошу,
Если милый любит!

В городе Согёне...
В городе столичном...
Ох!

Если я любима,
За тобой пойду я!

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Если ожерелье
И уронят наземь...

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Разве непременно
Нить должна порваться?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Если ты уедешь
Даже на столетье...

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Разве моя верность,
Словно нить, порвется?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Тэдонган широкий!
Тэдонган глубокий!

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Для чего спускает
Лодку перевозчик?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Верно, он не знает
О моей печали!

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Для чего причалил
И тебя сажает?

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Там, за Тэдонганом,
Там цветы прекрасны...

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Если ты, любимый,
От меня уедешь...

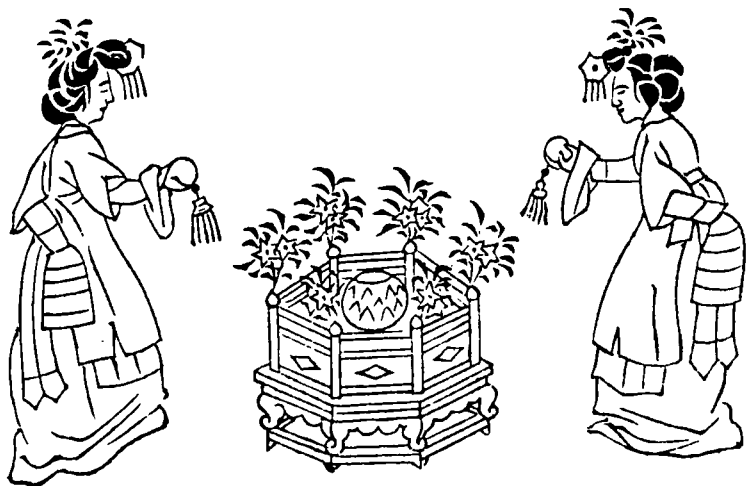
В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

Там, за Тэдонганом,
Рвать цветы ты станешь!

В городе Согёне,
В городе столичном...
Ох!

КОРОТКИЕ ПЕСНИ

Сиджо

У Тхак

(ЕКТОН)

1263—1343

В одной руке сжимаю посох свой,
В другой — держу сосны колючей ветку.

От старости докучной отбиваюсь,
Отмахиваюсь я от седины.

Увы! Узнал я рано седину
И к старости пришел путем коротким!

*

О ветер, ты повеял над землей
И растопил снега в горах весенних!

Прошу тебя: хотя бы ненадолго
Над головой моею ты повеи!

И, может быть, под этим дуновеньем
Растает снег, лежащий на висках!..

Син

XIV в.

Туда, где галки черные кружатся,
Ты, цапля белая, не опускайся!

Ведь воронье, исполненное злобой,
Завидует тому, что ты бела!

Омытая волною чистой, бойся
Нечаянно запачкаться о них!

Чон Монджу

(ПХОЫН)

1337—1392

Пусть Небом суждено мне умереть,
Пускай умру, пускай сто раз умру я,

И кости превратятся в прах земной,
И тело брренное душа покинет,

Но сердце, преданное государю,
Пребудет неизменным навсегда!

Ли Джоно

(СОКТХАН)

1341—1371

Нет истины в словах, что облакам
Людская суета и страсти чужды!

Высо́ко в синем небе облака
По прихоти своей над миром бродят.

Кто скажет, что без умысла они
Сиянье солнца яркого затмили?!

Вон Чхонсок

(УНГОК)

вторая половина XIV — начало XV в.

Кто говорит, что зимнею порою
Бамбук в снегу склоняется к земле?

Как мог бы зеленеть он средь зимы,
Когда б покорно перед ней согнулся?

Я знаю: в этот год, такой холодный,
Прямым остался только он один!

*

Судьба определяет смерть и гибель!
Где пять столетий царства протекли,

Я вижу заросли травы осенней
И слышу только дудку пастуха.

Кто же сумеет слезы удержать,
На Манвольдэ в часы заката глядя?

Киль Джэ

(ЯЫН)

1353—1419

Объехал я руины городов
Когда-то процветающего царства.

Всё те же горы здесь, всё те же реки —
Но люди прежние ушли навек...

О времена «покоя при луне»,
Ужели были вы не сновиденьем?

Мэн Сасон

(КОБУЛЬ, ТОННХО)

1359—1431

ПЕСНИ О ВРЕМЕНАХ ГОДА НА РЕКАХ И ОЗЕРАХ

I

Уже весна на реках и озерах.
Волнением охвачена душа.

Пью мутное вино, сижу у речки
И рыб златочешуйчатых ловлю.

Так, наслаждаясь, время провожу я —
По милости владыки моего.

II

Уже на реках и озерах лето.
Из бедной хижины я выхожу.

Покорную волну куда-то гонит
Внезапно налетевший ветерок.

Здесь я весь день дышу речной
прохладой —
По милости владыки моего.

III

Уже на реках и озерах осень,
И, значит, рыба нагуляла жир.

Я свой челнок сетями нагружаю
И по течению бросаю их.

В таких забавах время провожу я —
По милости владыки моего.

IV

Уже зима на реках и озерах,
И снегом завалило всё вокруг.

Я шляпу камышовую надену,
Одеждою послужит плащ-нуёк.

Сегодня мне не холодно нисколько —
По милости владыки моего!

Ли Джик

(ХЕНДЖЭ)

1362—1431

Скажу я, цапля белая, тебе:
Над вороном не надо насмехаться!

Пусть он чернее черного снаружи,
Но разве у него внутри черно?!

Наверно, в мире только ты одна
С душою черной, в белом оперенье!

Тхэджон

1367—1423

Так поступить, как поступаешь ты?
А если век свой провести иначе?

Взгляни: переплетаясь друг с другом, вьются
По склону Мансусана две лозы.

Когда б и нам с тобой, как эти лозы,
Переплетаясь, жизнь свою прожить!

Ким Джонсо

(Чольчэ)

1390—1453

Здесь свет луны холодный на снегу
И ветер северный колышет сосны.

Стою один, сжимая меч в руке,
На самой дальней северной границе.

Мой грозен оклик, и мой посвист громок —
Кто же осмелится на нас напасть?

*

Над Чанбэксаном взвили мы знамена,
Купали в Тумангане лошадей.

Вы, черви книжные и любомудры,
Скажите, разве не герои мы?

И кто из нас сегодня не достоин
Портрета в галерее Линъяньгэ?

Пак Пхэннён

(ЧХВИГЫМХОН)

1417—1456

Когда летит на землю белый снег,
И ворон может показаться белым!

Но разве ясная луна чернеет,
Когда вокруг царит глухая ночь?!

И сердце, преданное государю,—
Вовеки не изменится оно!

Сон Саммун

(МЭДЖУКХОН)

1418—1456

Что после смерти станется со мной?
Хочу я стать сосною на Пэнлае.

Поднявшись на высокую вершину,
Один я буду зеленеть в ту пору,

Когда холодный снег летит на землю
И в белое одето всё вокруг!

Ли Гэ

(ПЭГОКХОН)

ок. 1418—1456

В окошке — одинокая свеча.

Она, наверно, с кем-то разлучилась.

Иначе разве слезы проливала б,
Забыв, что сердце у нее в огне?..

Свеча горит, напоминая мне

О том, что и со мной случилось то же!

Лю Сонвон

(НАНГАН)

2 — 1456

Под голову пристроив комунго,
Лежу я в хижине, травой крытой.

О, если б мне вернуться хоть во сне
Во времена благого государя!..

Но звук рыбачьей дудочки донесся
Издалека — и пробудил меня!

Ю Ынбу

(ПЕННЯН)

2 — 1456

Мне люди говорят: минувшей ночью
Промчалась буря, намело сугробы.

Мне люди говорят: все, как одну,
Вечнозеленые свалило сосны!..

Так что ж могу сказать я о цветах,
Которые раскрыться не успели?

Вон Хо

(МУХАН)

? — 1456

В журчанье волн речных, бегущих мимо,
Мне чудился минувшей ночью плач.

Теперь я знаю, сердцем я постиг,
Что это были слезы государя...

О, если бы ко мне вернулись волны,
Чтоб мог я к ним своих добавить слез!

Нам И

1441—1468

Взошел я на вершину Пэктусана.
Стою, на меч тяжелый опершись.

О родина моя, листок древесный,
Зажатый меж племен юэ и ху!

Когда ж на дальнем севере и юге
Дорог военных мы развеем пыль?!

Вольсан-тэгун

(наст. имя — ЛИ ДЖОН)

1454—1488

Ночь опустилась над рекой осенней.
О берег бьет холодная волна.

Я удочку смотал, снимаюсь с места —
В такую пору рыба не берет.

Плыву домой в убогом челноке,
Груженном только чистым лунным светом.

Сонджон

1457—1494

О, если бы ты все-таки остался!
Неужто выхода иного нет!

Людские пересуды одолели?
Советчики твои решили так?

Откуда, расскажи, беда такая
И почему ты должен уезжать?

Ли Хёнбо

(НОНАМ)

1467—1555

Вниз посмотрю — внизу синеет речка.
Вверх посмотрю — там горы зеленеют.

Багряной пыли облака густые
Сюда не доберутся никогда.

И помыслам мирским нет места в сердце,
Когда восходит над землей луна.

Ким Гу

(ЧААМ)

1488—1534

Покамест эта утка-коротышка
Не станет длинноногим журавлем,

Покамест эта черная ворона
Не станет белой цаплею — живи!

Живи, любимый, десять тысяч лет
И счастьем наслаждайся бесконечным!

Ан Джон

(ЧУКЧХАН)

1494 — ?

За горы западные солнце село.
Хромой осел мой не спеша бредет.

Над крутизною скал дорога вьется,
Шум горной речки слышится внизу.

Собачий лай ко мне доносит ветер,
И, значит, недалеко уже ночлег...

Ли Хван
(ТХВЕГЕ)
1501—1570

ИЗ ЦИКЛА
«ДВЕНАДЦАТЬ НАПЕВОВ
ТОСАНА»

II

Туман рассветный — вот мое жилище!
А ветер и луна — мои друзья!

Во времена благого государя
Старею мирно, лишь о том заботясь,
Чтоб до конца остаться непричастным
Тщете и заблуждениям людским!

IV

В долине орхидея расцветает.
Вдыхаю запах — в мире лучше нет!
Белеет облачко над горным склоном.
Любуюсь видом — в мире лучше нет.
Но и средь этой красоты земной
Всегда со мною мысль о государе!

V

Перед горой высокой есть терраса,
А под террасой — синяя река,
И чайки стаями над нею вьются —
То прилетят, то улетят опять...
Так почему же белый жеребенок
Промчится вдаль — и не вернется вновь?!

VI

Цветы пестреют на горе весной,
Осенней ночью — лунный свет над нею.
Пора любая года хороша,
И в жизни человека — точно так же!
Орел под облаками, рыба в речке,
И свет, и тень — над всем закон один!

VIII

Пусть даже гром грохочет над горами —
Глухой не слышит ничего вокруг.
Пусть солнце яркое стоит в зените —
Слепой не видит ничего вокруг...
А мы и видим всё, и слышим всё,
Слепыми и глухими притворяясь!

IX

Тот путь, что прежде избран был тобою,
Покинул ты и на другой ступил
И долго странствовал в чужих пределах,
Пока вернуться не пришла пора...
Но раз уж ты вернулся, значит, должен
Вперед идти по старому пути!

Х

Наверно, предназначено от века
Горам зеленым зеленеть всегда?

Не иссякать ни днем, ни поздней ночью,
Должно быть, предназначено ручью?

О, если бы, как горы и ручей,
Мы жили вечно, старости не зная!

ХII

С мужами древними я не встречался,
И древние не видели меня.

Но хоть не знал я древних мудрецов,
Путь, ими пройденный, передо мною.

А если этот путь передо мною,
Как по нему могу я не пойти?!

*

Бесчисленные пики Чхоннянсана
Известны только мне да белой чайке.

Об их красе не скажет людям чайка,
Но можно ль верить персику в цвету?

Не облетайте, лепестки, над речкой,
Не открывайте тайны рыбакам!

Хон Сом

(ИНДЖЭ)

1504—1585

О яшме люди говорят: «Булыжник!» —
А это очень горько и обидно!

Ведь умный человек не ошибется,
И распознать он истину сумеет...

Не заблуждаясь — только притворяясь,
Так говорят они — и грустно это!

Хван Джини

(МЕНВОЛЬ)

1506—1544

Ты не гордись своим теченьем быстрым
В горах зеленых, о Ручей Пёкке!

Настанет час — и ты достигнешь моря,
Чтоб в нем навек исчезнуть без следа.

Не лучше ль было бы остановиться
В горах, где светит Ясная Луна?

*

Когда ты разуверился во мне?
Когда, скажи, тебя я обманула?

Уже давно пробили третью стражу,
Ушел осенний месяц на покой.

А ты все не идешь... Зачем же ветер
Опавшею листвою шелестит?

*

Ночь ветреная зимняя длинна,
Без милого она еще длиннее.

Возьму-ка пополам ее разрежу
И половину спрячу до весны.

Приедет он — к короткой внешней ночи
Добавлю я припрятанное вырок.

Ли Тхэк

1509—1573

Над тем, что пташка черная мала,
Не надобно смеяться, гриф огромный!

Там, в поднебесной высоте над миром,
Парите оба вы — она и ты.

Зачем же это непременно нужно —
Меж птиц крылатых отличать себя?!

Ян Саон

(ПОННЭ)

1517—1584

Хоть говорят, что высока Тайшань,
Но неба синего она не выше!

И если вверх идти и вновь идти —
Заоблачной вершины ты достигнешь.

А ведь иной к подножью лишь подступит
И смеет рассуждать о высоте!

Сон Ин

(ИАМ)

1517—1584

Все, что я слышу,— лучше бы не слышал!
И все, что вижу,— лучше бы не видел!

Ведь таковы, мой друг, дела людские,
Что их противно даже обсуждать...

Уж лучше я, пока мне служат руки,
Вина себе немного подолью!

Ян Ынджон

(сончхон)

1519 — ?

В своей одежде из холстины грубой
В убогой хижине встречаю зиму.

Пусть закрывали солнце облака,
Пускай лучи его меня не грели,

Но в час, когда за западной горою
Оно исчезнет,— слез я не сдержу!

Ли Хубэк
(ЧХОННЁН-КОСА)
1520—1578

На отмель опустился дикий гусь.
За нашей деревушкой солнце село.

Уже вернулись с лова рыбаки,
И чайки белые угомонились...

Я задремал, но звук свирели дальней
Вдруг долетел — и мой нарушил сон.

Лим Джин

первая половина XVI в(?)

Свой меч я наточил и в ножны спрятал,
Наладил лук, поставил в изголовье

И, рядом положив колчан и стрелы,
У стен Железной Крепости заснул.

Но только оклик «Не зевай!» услышал —
И снова я, как прежде, начеку!

Квон Хомун

(СОНАМ)

1532—1587

Сияние луны и плеск ручья
Ночной порой беседку наполняют.

Я вглядываюсь в этот ровный свет
И вслушиваюсь в звук воды немолчный.

Единым двум началам внемлю я,
Для глаза — ясным и для слуха — чистым.

*

На перекате дождик прошумел.
Запруду укрепил я мхом зеленым.

Но рыба испугалась и ушла:
На берегу теперь сидеть — без толку!

Лишь месяц свой серебряный крючок
Забрасывает в волны синей речки!

*

Зеленый холм у синего ручья,
А над ручьем в тумане — деревушка.

Наверное, тебе известно, чайка,
О чем отшельник размышляет здесь,

Когда в окно его глядит луна,
Слышны из дома звуки каягыма?

*

Когда вокруг темнеет, я обычно
Ничем не занят и совсем один.

Прикрыв калитку из сосновых веток,
Лежу, а в небе — полная луна.

Пыль суеты мирской ко мне сюда
Не долетит. Я от нее свободен.

*

Луна стремглав пронзила облака
И над вершиною сосны взлетела.

На середину синего ручья
Косой дорожкой лунный свет ложится...

А эта бросившая стаю чайка
Спешит сюда, чтоб навестить меня?

Лю Джасин

1533—1612

Гряда осенних гор в лучах закатных
Погружена в речную быстрину.

С бамбуковою удочкой в руках
Сижу в убогом челноке на речке.

От всех сует мирских я отрешился —
И Небом мне ниспослана луна.

Сон Хон

(УГЕ)

1535—1598

Всегда молчит зеленая гора,
А речка синяя всегда струится,

Прохладный ветерок нельзя купить,
И никому не служит ясный месяц!

О, если бы я мог здесь жизнь прожить,
Без горя и недугов тихо старясь!

Ли И

(ЮЛЬГОК)

1536—1584

ДЕВЯТЬ ИЗЛУЧИН КОСАНА

Никто не знал доньше, что на свете
Есть уголки, подобные Косану,
Где я построил камышовый домик,
Где нравится бывать моим друзьям,
Где я теперь, себя в Уи представив,
Читаю сочинения Чжу Си.

I

Над Венценосным Пиком светит солнце.
Как хороша излучина Ильгок!

Уже слетел туман с лугов росистых,
И горы выплыли на горизонте.

Кувшин вина перед собой поставив,
Под соснами сижу и гостя жду.

II

Весна в разгаре на Скале Цветенья.
Как хороша излучина Йгок!

Я лепестки цветов бросаю в воду —
Пускай волна их за море уносит.

Об этой красоте не знают люди,—
Кто им сумеет рассказать о ней?

III

Шумит листвою свежей Ширма Леса.
Как хороша излучина Самюк!

Здесь летнею порой щебечут птицы,
Среди листвы порхая вверх и вниз.

Здесь, всер свой раскрыв навстречу ветру,
Стоит сосна — и зной не страшен ей.

IV

Садится солнце за Сосновой Кручей.
Как хороша излучина Сагок!

Вершины скал и сто закатных красок
Отражены зеркальной гладью вод,

Темнеет лес, журчит родник прозрачный...
И восхищением душа полна.

V

За Ширмой Одипочества — полянка.
Как хороша излучина Огок!

Здесь скит я вижу, чистенький такой,
Как будто ключевой водой омыт он.

Здесь мудрость древних можно постигать
И воспевать луну, ручей и ветер.

VI

Мне нравится у Заводи Рыбачьей.
Как хороша излучина Юккок!

Кто здесь счастливее из нас бывает —
Я или рыбки, что в воде резвятся?..

Лишь к вечеру я собираю снасти.
Домой иду, с собою взяв луну.

VII

В наряде осени Утес Кленовый.
Как хороша излучина Чхильгок!
В прозрачном инее стоят деревья,
Земля покрылась золотом листвы.
Снижу я у высокого обрыва,
Забыв, что мне давно идти пора.

VIII

В сиянии луны весь Берег Циня.
Как хороша излучина Пхальгок!
На цине с украшением из яшмы
Старинные мелодии играю.
Теперь забыты звуки прежних песен,
И наслаждаюсь ими я один.

IX

Прощаюсь с годом у Горы Узорной.
Как хороша излучина Кугок!
Оделись в белоснежные наряды
Утесы, валуны, обломки скал...
И разве кто решится утверждать,
Что нечем у Косана любоваться!

Чон Чхоль

(СОНГАН)

1537—1594

Зачем, старик, несешь ты эту ношу?
Давай-ка лучше я ее возьму!

Я молод и силен я, груз тяжелый
Взвалив на плечи, донесу легко.

А ты с собой повсюду старость тащишь,
Она ведь и сама — тяжелый груз!

*

Как весело двум бабочкам порхать
Среди цветов и пышных трав весенних!

Как весело двум птицам щебетать
Среди листвы зеленых ив над речкой!

Живые существа всегда вдвоем —
И только я один на целом свете!..

*

Дождь, хмуро морозящий над полями,
Могу я, верно, пренебречь тобой?

Плащ из травы, соломенную шляпу
Могу я, верно, и не надевать?

Наряд придворный навсегда я сбросил
И больше, дождь, я не боюсь тебя!

*

Одну струну на комунгб я тронул —
И обрела покой моя душа.

Другой струны коснулся осторожно —
И жалобно заплакала струна.

Как может быть, чтобы печаль исчезла,
Когда живет разлука на земле?!

*

Над тихою водою тень скользнула —
По мостику идет старик-монах.

Скажи мне, все дороги исходивший,
Куда теперь ты направляешь путь?

Не замедляя шаг, он поднял посох
И молча мне на небо указал.

*

Что знаем мы, что помним о Лю Лине?
В эпоху Цзинь прослыл он мудрецом.

Что нынче нам известно о Чон Чхолье?
Чудак — о нем повсюду говорят.

Так суждено — слыть мудрым одному,
Так суждено — слыть чудачком другому!

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

I

Журавль всегда парил под облаками,
Но как-то с высоты спустился вниз.

Наверно, посмотреть он захотел,
Как на земле у нас живетя людям.

Они его исправно ощипали —
И к небесам он больше не взлетел!

II

О, если бы, лишенный оперенья,
Я крылья для полета вновь обрел

И взмыл под голубые небеса
Стрелою, выпущенною из лука,—

Тогда бы снова я увидел ясный
И добрый мир, в котором прежде жил!

*

Простой народ провинции Канвондо,
Зачем живешь ты в спорах и вражде?

Должно быть, без труда ты обзавелся
Домами, и плугами, и землей?

Но ты сумеешь ли, народ Канвондо,
Любовью к ближнему обзавестись?

•
О, как безжалостно в густом лесу
Высокие деревья вырубают!

Истанет время — подпирать придется
Давно уже ветшающие своды

Большого государева дворца...
Где ж мы найдем тогда ему опору?

О ВЕРНОСТИ

I

Зачем ты остаешься в этом доме,
Где все разбито и разорено,

Где утварь вся давно пришла в негодность,
Где даже черпака не отыскать,

Где нет в обед ни ячменя, ни проса?
Чего, скажи мне, ты от жизни ждешь?

II

Нет на обед ни ячменя, ни проса,
Котел разбился, и черпак пропал.

Давным-давно пришла в негодность утварь,
И покосился мой убогий дом.

Но если милый любит так, как прежде,
Я буду жить и буду ждать его!

*

Пусть у меня всего одна рубаха —
Я выстираю дочиста ее,

На жарком солнце высушу, а после
Проглажу хорошенько и надену...

Под чистой тканью мускулы играют,
Взлетают плечи, словно два крыла!

*

Мой добрый конь с обвислыми ушами
Повозку с солью медленно везет.

А разве так уж непременно надо
Быть Чхоллимá — крылатым скакуном?..

Как нынешние люди ненасытны —
К недо́стижимому всю жизнь спешат!

*

Вчера сказал мне кто-то, что вино
На радость нам созрело у Сон Хона.

И, подковав ленивого быка,
К приятелю я нынче еду в гости.

«Эй, мальчик! Дома ли почтенный Сон?
Скажи ему, что это Чон приехал!»

*

Из горьких горных трав похлебку ем —
И кажется она вкусней, чем мясо.

Мой камышовый домик для меня
Милей, чем раковина для улитки.

А на душе, увы, покоя нет:
Любимый далеко — и он тоскует!

*

Бывает, что и дерево зачахнет:
Ни тени, ни прохлады не дает.

Когда оно стояло с пышной кроной,
Шли люди, чтобы отдохнуть под ним.

Теперь засохли ветви, листьев нет —
И даже птица на него не сядет!

*

Вот ритм судьбы — падения и взлеты.
Бурьян — на стенах крепости Тэбан.

Лишь дудка пастуха напоминает
О том, что было здесь и что прошло...

Так выпьем же вина у очага,
Где сладок дым, где все покоем дышит!

*

В столице, где любовь моя живет,
Давно уж стражу пятую пробили.

С порывом ветра дальний гонга звук
Плывет ко мне через поля и горы.

О, если бы Каннама он достиг,
Чтоб и в изгнание я его услышал!

*

Из сердца своего луну и звезды
Я вырежу — и ввысь их подниму.

Пусть в небе, что раскинулось над нами
На девяносто тысяч долгих ли,

Висят они, селенье озаряя,
В котором он, любимый мой, живет!

Когда умру, пускай речные волны
Возьмут к себе мой охладелый прах.

Пусть у далеких отмелей Хангана
Они рыдают и о берег бьются,

Чтобы меня услышал милый мой...
А я уже печали знать не буду!

*

О том, что я среди других — дурнушка,
Давным-давно известно мне самой.

Белил с румянами не покупаю,
И тушью брови я не подвожу.

И вовсе я не думаю о милом,
Который должен полюбить меня!

*

Неужто лес, пригодный на стропила,
Весь пропадет под ветром и дождем?

У полуразвалившегося дома
Хозяева ведут никчемный спор,

А плотники с линейками и тушью
Никак не могут к делу приступить!

*

Зачем поплыл ты, утлый наш корабль,
Навстречу ветру и волне высокой?

Ведь видели мы, отправляясь в путь,
Что собираются над морем тучи...

Остерегайтесь бед на корабле,
Которым в бурю управляют двое!

*

Мне ли завидовать чужому смеху,
Презрев страданье собственной души?

Мне ли в чужом пиру наполнить кубок,
Отставив горькое свое вино?

Мое ли сердце, чистое, как яшма,
Забудет прежнюю свою любовь?

*

Неужто околесницу я нес
И были все слова мои пустыми?

Огнем, от которого ничто
И никогда не может загореться?

Глаза на мир когда-нибудь открою —
И удивлюсь я самому себе!

*

Я вижу, как в единый цвет заката
Окрасились и небо и река.

Над зарослями камыша летает
С тоскливым криком одинокий гусь.

Уже и осень тоже на исходе...
Но нет вестей от друга моего!

*

Все разошлись. Закончена игра.
Бамбуковая роща опустела.

Я опьянел. И некому собрать
Разбросанные меж деревьев кости.

Стою один и не пойму никак —
То ли светает, то ли вечерет.

*

Вчера сказать изволил государь,
Что стану я великим человеком.

Но этого совсем не надо мне —
Останусь средь людей обыкновенных...

Прославившись, смогу ли я всегда
Быть незамеченным с тобою рядом?

*

Я знаю, это осень наступает —
Павлония роняет желтый лист.

И холодно, так холодно ночами,
И дождик замутил речной простор.

Моя любовь — за сотни ли отсюда,
А я один — и не приходит сон!

*

Ты проводил меня, и я уехал —
Не надо друг о друге нам вздыхать!

Ты протрезвел уже, я только выпил —
Не стоит друг над другом нам шутить!

Плащ от дождя, в несчастный день надетый,—
Под ярким солнцем разве нужен он?

*

К пятидесяти жизнь моя подходит,
Но мне вино, как прежде, подают.

Я улыбаюсь, как в былое время,
Хоть для улыбки этой нет причин:

Ведь все, что радовало нас когда-то,
В конце концов нам суждено забыть!

*

Всего одной струны на комунгб
Я палочкой бамбуковой коснулся —

И звук поплыл, как внешняя вода,
Что подо льдом журчит на перекате.

И стало слышно: вторя комунгб,
По лотосовым листьям дождь закапал.

*

Бездельником я жил и шалопаем
И попусту растратил много лет.

Достойной цели в жизни не имел я
И путного не сделал ничего.

И больше ничего мне не осталось,
Как прогулять остаток дней своих!

*

Пить будем кислое вино с тобой,
Покамест кислое душа приемлет.

Есть будем травы горькие с тобой,
Покамест в них еще находим сладость.

Потом пойдем на улицу — гулять,
Покамест гвозди держатся в подметках!

*

Приятель Ко свой камышовый домик
Соорудил у Южного Холма.

У Южного Холма — цветы, и месяц,
И сосны, и утесы, и ручьи...

Наверно, и вино там есть — иначе
Меня не зазывал бы он к себе!

*

По нежным листьям лотоса весь день
Бил и хлестал тяжелый дождь осенний.

Но ни единого следа нигде
На чистой их поверхности не видно...

Останься незапятнанной и ты,
Душа моя, как этот лист широкий!

*

Зачем ты встала, стройная сосна,
Над горною тропою у обрыва?

Не веришь в то, что близок день и час,
Когда ты с высоты своей сорвешься?

А может, ждешь, чтоб, под гору стащив,
Тебя на части люди изрубили?

*

Любуюсь яшмовым старинным кубком,
Как любовался десять лет назад.

За эти годы не переменялся
Его прозрачно-белый нежный цвет.

Так почему же сердце человека
День ото дня становится другим?

*

Я ничего не слышу левым ухом,
Я ничего не вижу правым глазом,

И заложило нос, и рот свело —
Не чувствую ни запаха, ни вкуса.

И все-таки скажу тебе, вино:
Мне так не хочется с тобой расстаться!

*

Два будды каменных всю жизнь стоят
Друг против друга у большой дороги.

Снег падает на них порой несчастной,
И хлещет дождь по их нагим телам.

Но человеческой разлуки нашей
Они не знают: позавидуй им!

*

Наверное, великому Цзя И
Я показался бы смешным и глупым:

Заботы и тревоги всех живущих
Взвалил на спину и несу один.

Не потому ль с утра до поздней ночи
Я плачу и вздыхаю тяжело?

*

С высокой башни, что парит доньше
Над громкой славою восьми веков,
Литого колокола дальний звук
Плывет ко мне в беседку над обрывом,
Разносится над тишиной полей,
Сливается с безмолвием вечерним...

*

Два тела из единого создав,
Велело Небо: быть жене и мужу.

Вдвоем им суждено и жизнь прожить,
И в общую, в свой час, сойти могилу...

Средь безрассудных распрей и раздоров
Как можете об этом вы забыть?!

*

Твой сын, я слышал, «Сяоцзин» прочел
И кое-что уже, конечно, смыслит;

Мой — послезавтра должен дочитать
В «Сяосюэ» последние разделы.

Как думаешь, дождемся мы с тобой,
Чтоб наши сыновья ума набрались?

*

Покамест живы мать с отцом твоим,
Их почитай, как требует обычай.

Что толку в сожалениях посмертных,
В словах, которых не услышать им!..

Свой долг, что ты родителям не отдал,
Оплакиванием не оплатить!

*

Когда сопровождаешь старика,
Поддерживай его двумя руками.

Когда на улицу гулять пойдет он,
Ты посох поспеши ему подать.

А после пира не забудь о том,
Что надо проводить его до дома!

*

Правитель — словно Небо над людьми,
А люди — как Земля под этим Небом.

Но если он проводит дни свои,
Раздумывая о печалях наших,

То почему же горькую похлебку
Из горных трав мы без него едим?

*

Журавль уже куда-то улетел,
Терраса над водою опустела.

А если вслед за ним и я уйду,
Смогу ль когда-нибудь сюда вернуться?..

Уйду ли я навек, вернусь ли я —
Давай-ка мы, дружище, сдвинем чаши!

Хан Хо

(СОКПОН)

1543—1605

Не надо нам соломенной циновки —
Присядем на опавшую листву.

И зажигать светильник нам не надо —
Должна взойти вчерашняя луна.

Вот если есть закуска и вино —
Давай-ка их, неси сюда скорее!

Чо Хон

(ЧУНБОН)

1544—1592

Над берегом в листве плакучей ивы
Порой весенней иволги гнезятся.

У заводи, где дождь осенний сеет,
Прибежище себе находят цапли.

И вечно на закате над водой
Покинувшая стаю вьется чайка.

*

На озеро и дамбу дождь закапал.
Туман сгустился у прибрежных ив.

А лодочника нет — ушел куда-то,
У пристани — один челнок пустой,

И чайка взад-вперед в лучах заката
Летает одиноко над водой.

*

Закинув удочку, весь день сижу
У своего излюбленного места.

Дождь прозвенел над чистой рекою —
Прекрасен на закате этот звук!

На прут жемчужных рыбок нанизал я,
Иду в селенье Абрикосов Цвет!

Ли Сунсин

1545—1598

Мечом вооруженный, в эту ночь
На острове Хансан я был на страже.

Луна всходила над дозорной башней,
Глубокая печаль меня томила...

Но вдруг донесся вражьей дудки звук —
И словно полоснул ножом по сердцу!

Ли Воник

(ОРИ)

1547—1634

Ветвями-нитями зеленой ивы
Кто может вешний ветер привязать?

Что толку в грусти бабочек и пчелок,
Когда цветы роняют лепестки?

Как ни сильна, ни горяча любовь,
Что сделаешь, когда уходит милый?!

Чан Гёнсе

(САЧХОН)

1547—1615

Вчера минуло двадцать лет с тех пор,
Как я покинул суету мирскую.

Так конь, освобожденный от узды,
Средь пастбищ и лугов зеленых бродит,

Но иногда, как прежде, встрепетится
И ржанием хозяина зовет!

Лим Дже

(ПЭКХО, КЕМДЖЭ)

1549—1587

В долину, где зеленая трава,
Ушла ты отдохнуть? Или уснула?

Где красота твоя? Румянец щек?
Лишь кости белые в земле зарыты...

Нет никого, с кем мог бы я теперь
Поднять вином наполненную чашу!

Чо Джонсон
(ЧОНГОК)
1553—1627

Эй, мальчик! Привеси мне плащ и шляпу!
В восточной речке поднялась вода.

Удилище возьму, прилажу леску
И привяжу крючок без острия...

Но вы, рыбешки, не тревожьтесь зря:
Мои приготовления — только шутка!

Ли Ханбок

(ПЭКСА)

1556—1618

Твердят, что времена пошли такие
И люди, мол, «разэтакими» стали.

Когда ж «разэтакими» люди стали,
Уж как не быть тут временам таким?

Все говорят: «О времена! О люди!...»
Об этом остается лишь вздыхать!

*

С мольбою к вам я обращаюсь, тучи,
Плывущие над горным перевалом:

Примите слезы горькие мои
И в дальнюю столицу унесите —

Дождем пролейте их над государем,
Напомните о верности моей!

*

И Цзя-тайфу, правителю Чанша.
Слезами умываться приходилось.

И при У-ди, в эпоху процветанья,
Бывало, раздавался горький плач...

Нам ли, живущим в это злое время,
Не плакать и душой не унывать?!

Ли Докхён

(ХАНЫМ)

1561—1613

Я вижу: в синей высоте небесной,
Как прежде, круглая луна висит.

А ведь могла и перестать светить,
Когда стоял мороз и ветры дули?..

Пускай же вечно кубок золотой
Здесь для меня, хмельного, озаряет!

Ким Санъён

(СОНВОН)

1561—1637

Дождь беспощадно хлещет целый день
По зеленеющей листве одóна.

Так много у меня тревог на сердце,
А тут еще печальный звук дождя!..

Зачем, скажи, одон широколистый,
Тебя сажают люди и растят?

Пак Инно

(НОГЕ)

1561—1642

РОДИТЕЛИ

I

Трудиться стану я и день и ночь
И цепь составлю в десять тысяч звеньев,
В заоблачную высь ее заброшу
И солнце захвачу и задержу —
Чтоб время медленнее проходило,
Чтоб медленней старели мать с отцом!

II

Забиться о родителях своих,
Как преданному сыну подобает!
С утра, когда умоешься, спеши
Узнать, не холодно ли им? Не жарко ль?
От всей души стараясь угодить,
Будь всякий день при них и вместе с ними!

СТОИТ УТЕС

I

Утес безмолвный среди гор поднялся,
Похожий на живое существо.

Но нам, живым, всегда прямыми быть,
Не опираясь на других, непросто.

А он, как встарь, стоит высок и прям,
И лик его от века неизменен!

II

Утес стоит на берегу реки.
Посмотришь — он всего на свете выше.

Над ним не властны ветер и мороз,
Ударишь — он еще несокрушимей.

Кто уподобится ему из смертных.
Того я великаном назову!

III

Стоит утес, высокий и прямой,
И может людям послужить примером.

Сумеешь ли ты отыскать вершину,
Ту, что скрывается среди облаков?..

Взойти б наверх, чтоб с высоты увидеть
Красоты, окружающие нас!

ЗА ВЫСОКИМИ ГОРАМИ

От всей ничтожной суеты мирской
Я отделен грядю Кёкчипллёна.

К тому же все равно я глух давно:
Хоть и прочищу уши — толку мало.

Не вижу, и не слышу, и не знаю,
Где за горами истина, где — ложь!

ТЕРРАСА МИРНОГО УЕДИНЕНИЯ

Я не стремлюсь ни к выгоде, ни к славе.
Одевшись просто, посох в руки взял

И в поисках ручьев и рек красивых
Добрался до Террасы Пхиседэ.

Не здесь ли дивные сады Улина?
Не здесь ли Персиковый Ключ журчит?

ХУРМА НА БЛЮДЕ

Лежит на блюде ранняя хурма.
Как нравится мне этот плод багряный!

Пусть он с померанцем не сравнится,
И все же я б его унес домой...

Но от меня никто не ждет гостинца —
Ведь я совсем один. И грустно мне.

ГРЯДА ЧОНУЛЛЕНА

Смотрю на голубые небеса,
На дальние вершины Чонуллёна
Забраться бы туда — Пэнлай увидеть
В венце из пятицветных облаков...
Но стариковские глаза слезятся —
Горы Пэнлай они не разглядят!

ДРУЖБА

Пусть будет искреннею наша дружба —
И до ста лет мы проживем с тобой,
Всегда делясь своей одеждой бедной,
И скудным пропитаньем, и питьем.
Так станем жить, что даже не заметим,
Кто первый поседел и постарел!

ВОРОНА В СТАЕ ФЕНИКСОВ

Туда, где стаяй фениксы собрались,
И черная ворона прилетела.
Она — как одинокий темный камень,
Попавший в груды белого нефрита.
Но все ж и феникс и ворона — птицы,
Должны прийти к согласию они!

РЫБКИ В РУЧЬЕ

В ручье глубоком так вода прозрачна,
Что, кажется, всех рыбок видно в нем!

Их сколько здесь? Одна. Вторая. Третья...
Никак не удается кончить счет!

Попробуй-ка, малыш,— и, не сбиваясь,—
Всех сызнава в ручье пересчитай!

ЛУНА НАД ГОРОЙ

Взошла луна на пик крутой горы —
И все окрестности вдруг посветлели.

На целых девяносто тысяч ли
Уходит ввысь огромный свод небесный.

И все же поднялась к нему гора
И острием луны его проткнула!

У ПОДНОЖЬЯ КАНСАНСАНА

У самого подножья Кансансана —
Зеленая сосна над плоским камнем.

Здесь по утрам в голубизну туманов
Струится краска алая зари.

О, этот вид! Он так похож на ширму,
Украшенную блестками слюды!

СУПРУГИ

I

Нас создавали не поодиночке,
А по двое: как мужа и жену.

И велено нам жить, не разлучаясь,
Столетье целое, как день один.

Пусть комунго, и барабан, и флейта
Перекликаются и в лад звучат.

II

Те, что на свет чужими родились,
Становятся потом женой и мужем.

Когда сто благ, что людям суждены,
Предназначаются и всем супругам,

То почему не в каждую семью
Взаимное согласие приходит?

III

Хоть говорят, что важен долг супруга,
Но разве этот долг важнее любви?

И разве муж с женой живут достойно,
Когда друг к другу уваженья нет?..

Они должны любить и чтить друг друга,
Как дорогого гостя в доме чтят!

ВОСПОМІНАННЯ

На землю пней пал — и все уккрыл.
Иду один печальною дорогою.

Сквозь обветшавшую давно одежду
Прохватывает холод до костей.

А в сердце у меня глухая боль:
Родителей усопших вспоминаю.

ПРАВИТЕЛЬ И ЕГО СОВЕТНИК

I

Советником придворным я не буду,
Хоть государь наш мудр и добр ко мне.

Я и тогда себя в долгу считал бы,
Когда б сто жизней отдал за него!..

Но бедность и богатство не сойдутся —
На свете разные у них пути!

II

В ущельях горных наступает ночь,
И ветер северный все холоднее.

Наверно, задувает он под кровлю
И там, в Большом Нефритовом Дворце...

Ночь долго длится. Я не сплю. Слежу я,
Как клонится к земле Небесный Ковш.

ЗА ТРАВАМИ

— Где ваш отец? — спросил я у детей,
Игравших под сосною возле дома.

— За травами съедобными ушел
И должен был уже давно вернуться.

Но в черных тучах скрылись перевалы,
И, верно, заблудился он в горах...

ШАГИ НА ЯШМОВОМ МОСТУ

Я задремал, над удочками сидя.
Проснулся, вижу: месяц в небе светит.

С бамбуковой палкою иду
По Яшмовому мостику над речкой.

В ночи прозрачный звук моих шагов
Услышать могут только птицы в гнездах.

ХИЖИНА В ГОРАХ

Здесь приютилась хижина моя —
На горном склоне, на скале отвесной.

Перед моими слабыми глазами
Два цвета только — сосен и бамбука.

И потому не замечаю я,
Ушла весна или настала осень.

УЙДЕМ ОТСЮДА...

I

Покиньте всё, о дети! Всё оставьте!
Отсюда вместе с вами мы уйдем!

Сад опустел уже, и поле голо —
Так разве нам в дорогу не пора?

Нескоро свежий ветерок подует
И ясная луна вернется к нам!

II

На Купинсанае выбрал я сосну
И из нее срубил ладью спасенья,

Чтоб все, кто в бездорожье заблудился,
К иному берегу могли уплыть...

Но лодочника нет. Заходит солнце.
Куда ж без кормчего направишь путь?

БРАТЬЯ

Их было трое, живших так согласно,
Что мы единым телом их считали.

Двоих давно уже в деревне нет,
А третий ждет, когда они вернутся,

И в сумерках выходит за калитку
И смотрит вдаль, вздыхая тяжело.

ВОДЫ РЕКИ МИЛО

О воды бурные реки Мило!
О слезы вечной скорби Цюй Юаня!

Служил он государю и стране —
И преданность поэта не забыта.

Не умолкают, всхлипывают волны
И всё напоминают мне о нем!

С ТЕРРАСЫ КЕГУДЭ

Поднявшись на Террасу Кегудэ,
Я посмотрел вокруг — и страшно стало!

Я с высоты на землю бросил взгляд —
И стало мне, увы, еще страшнее!..

Скажи, земля, слепая и глухая,
Тебя могу ли не страшиться я?!

Син Хым

(САНЧХОН)

1566—1628

Деревню нашу снегом занесло.
Заметена кремнистая тропинка.

Мне не придется отворять калитку —
Никто в нее теперь не постучит.

С единственным своим и верным другом —
Луною — эту ночь я проведу.

*

Конечно, плохо пьянствовать всегда
И целый век свой проводить в безделье.

Но ведь известно, что давным-давно
Могилу Синьлин-цзюня распахали!

Прожить сто лет в заботах и трудах?
А может, лучше пить и развлекаться?

*

Когда бы кровью сердца своего
Сумел его лицо нарисовать я,

Рисунок я повесил бы на стенке
И все смотрел бы, глаз не отрывал...

Кто выдумал слова «прощай навеки»,
Что убивать умеют наповал?!

*

В ночь накануне Дня Холодной Пищи
Дождь прошумел — и все кругом в цвету.

Чувств человеческих не знают ивы,
Но помнят, что уже цвести пора...

Так почему ж любимый мой ушел
И больше никогда к нам не вернется?!

Ким Доннён

1567—1596

Ты, чайка белокрылая, не бойся:
Ведь я всего только узнать хочу,

Где те края прекрасные, в которых
Летала ты? Откуда ты, скажи!

И я туда отправлюсь за тобою,
И я найду там радость и покой!

ЧХОНГЫМ

1568 — ?

Ночь наступила в горной деревушке.
Залаяла собака вдалеке.

Смотрю, открыв плетеную калитку:
В морозном небе надо мной — луна.

Ох, этот пес! Зачем в горах пустынных
Всё лает он на спящую луну?!

Сори

конец XVI — начало XVII в.

Я слышу, как зовут меня: «Сосна!..»
Вы о какой сосне, друзья, твердите?

Высокая и гордая, одна
Стоит она над крутизной обрыва —

Пожалуй, что добраться до нее
Мальчишки-дровосеки не сумеют!

Куджи

XVI в.

Я смастерила лодку из сосны,
По Тэдонгану вниз ее пустила.

Теперь у берега стоит она,
Привязанная крепко веткой ивы...

А мне твердят какие-то безумцы,
Чтоб выехала я на быстрину!

Чон Он

(ТОНГЕ)

1569—1641

Закрыв я книгу, отворил окно —
И вижу лодки на речном просторе.

Над ними чайка белая кружит.
Раскрой передо мною сердце, чайка!

Отбросил бы я почести и славу
И жил свободным — так, как ты живешь!

Ким Санхон

(ЧХОНЫМ)

1570—1652

Я уезжаю, о гора Самгак!
Прощайте, воды синие Хангана!

О, как не хочется мне покидать
Родные горы и родные реки!

Увы, настала смутная пора —
Не знаю я, смогу ль сюда вернуться!

Ли Аннуль

(ТОНАК)

1571—1637

Шатер из Неба и Земли построю,
Луной и Солнцем освещу его,

А воды синие морей полночных
Я стану черпать чашей для вина —

И под звездой полуденной Ноин
Забуду навсегда, что значит старость!

Хон Собон

(ХАККОК)

1572—1645

В тот день, когда любимый уезжал,
Кровавыми слезами взор застлало,

И Амноккана голубые воды
От этих слез свой изменили цвет.

И лодочник седой промолвил тихо:
«Такого — я не видел никогда!»

Чон Чхунсин

(МАНУН)

1576—1636

Стоит в горах пустынных тишина,
Лишь слышится печальный крик кукушки.

Возвысилось и пало царство Шу,
И то, что миновало, не вернется...

А если так, зачем же ты, кукушка,
Кричишь — и надрываешь сердце мне?

Ким Гванук

(ЧУКСО)

1580—1656

Пока в разгаре жаркий летний день,
На камышовой я дремлю циновке.

Но к вечеру, когда садится солнце,
Я пробуждаюсь ото сна и слышу:

Покашливает кто-то у ворот —
Пришел позвать меня на лов вечерний.

*

Родного края реки и холмы,
Могу я разве вас отдать кому-то?

Здесь все вокруг лишь мне принадлежит —
Никто со мной тягаться и не станет!

Пусть обвиняют в скупости меня —
Делиться я ни с кем не собираюсь!

*

На речке под осеннею луною
Сижу один в убогом челноке.

Удилищем нечаянно тряхнул —
И чайки задремавшие взлетели,

Издали я слышу звук свирели —
И полон благодати неземной.

•

Подул восточный ветер над землею..
Снег покидает ближние поля.

И снова, как минувшею весной,
Лицо зеленых гор преобразилось.

Белеет и не тает только иней,
Который на висках моих лежит!

★

Давно забыты почести и слава,
Давно забыты знатность и богатство.

О тревоженьях в мире суеты
Уже я много лет не вспоминаю.

Сам на себя уже махнул рукою...
Так сохранят ли память обо мне?!

Юн Сондо

(КОСАН)

1587—1671

ИЗ ЦИКЛА

«НОВЫЕ ПЕСНИ В ГОРАХ»

ПЕСНИ О ПЯТИ ДРУЗЬЯХ

Лишь несколько друзей всегда со мною:
Бамбук прямой, Сосна, Вода, Утес.

Когда же над восточною горой
Луна восходит, я ее встречаю!

И, кроме этих пятерых друзей,
Никто на свете больше мне не нужен!

Вода

Прекрасны в синем небе облака,
Но ведь, бывает, и они темнеют.

Чисты и звонки ветров голоса,
Но и они нередко замолкают.

И лишь одна Вода на радость мне
Движенья никогда не прерывает!

Утес

Как были хороши цветы весной!
Зачем они так скоро облетели?

Как зеленели травы на лугах!
Зачем они так скоро пожелтели?

И только лишь в горах Утес один
Всегда все тот же, вечно неизменен!

Сосна

Тепло придет — красуются цветы.
Наступит холод — листья опадают.

И лишь одна высокая Сосна
Ни снега, ни морозов не страшится,

И к Девяти Истокам под землей
Ее могучие простерлись корни.

Бамбук

На дерево он вовсе не похож,
Но и травой его не назову я.

Нет ничего в природе совершенней,
Чем этот пустотелый крепкий ствол!

Люблю Бамбук за прямоту его,
За то, что круглый год он зеленеет!

Луна

Она над нами высоко плывет.

Мала, а света на весь мир хватает.

Кто может тьму ночную озарить,

Кто может яркостью с Луной поспорить?..

Когда Луна на землю молча смотрит,

Она ли мне не самый лучший друг?

ВРЕМЕНА ГОДА РЫБАКА

Весна

I

Над отмелью песчаной тает мгла.

Из-за горы уже восходит солнце.

Спускай челнок! Спускай челнок, рыбак!

Ночной прилив от берегов отхлынул

И для дневного время наступает.

И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Как ярко деревушка над рекой

Окрашена рассветными лучами!

II

Сегодня будет очень жаркий день:

На мелководье рыба выплывает.

Отчаливай! Отчаливай, рыбак!

Повсюду чайки — по две, по три выются:

Взлетят, опустятся — и вновь взлетят.

И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На месте удочка моя? На месте...

А где ж поставил я кувшин с вином?

III

Внезапно свежий ветерок подул,
Играет набежавшими волнами.
Давай-ка парус поднимай, рыбак!

На западное озеро сегодня,
Восточное пройдя, я направляюсь.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Одну большую гору миновал —
И новая навстречу мне выходит.

IV

Чей это голос слышен вдалеке?
Кричит среди зеленых ив кукушка?
А ну-ка веселее! Налегай!

Рыбачьи хижины на берегу
То выплывут, то скроются в тумане.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На быстрине и в заводях прозрачных
Рыбешки серебристые снуют!

V

Все выше солнце. Стало припекать.
Река спокойна и блестит, как масло.
А ну-ка веселее! Налегай!

Наверное, пора забросить сети?
Или закинуть удочку вначале?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Тут вспомнил я, как пел отец-рыбак
«Чиста вода...» — и позабыл о рыбе.

VI

Уже склоняется к закату день.
Домой в деревню надо возвращаться.
Давай-ка парус убирай, рыбак!..

У каждого обрыва — нити ивы,
У каждой заводи цветы пестреют.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Мне ли завидовать вельможам надо?
Мне ль сожалеть о суетных страстях?

VII

Средь пышных трав я орхидеи рву
И дягель по низинкам собираю.
Ты погоди отчаливать, рыбак!

Скажи-ка, чем за целый день заполнил
Челнок, похожий на сухой листок?..
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..
На лов иду — туман грузу рассветный,
Домой плыву я — лунный свет везу!

VIII

Я охмелел и отдохнуть прилег.
Да как бы мой челнок вода не смыла!
Покрепче привяжи его, рыбак!

Здесь где-то Персиковый сад Улина —
Багряный цвет волна уносит вдаль.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Так далеко от мира я, что знаю —
Багряный прах сюда не долетит!

Сворачиваю снасти не спеша
И на луну смотрю из-под навеса.
Причаливай, причаливай, рыбак!..

Неужто ночь прошла так незаметно?
Опять кукушкин голос в роще слышен.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Я восхищен красой того, что вижу,
И позабыл, что дома ждут меня!

X

А разве больше утро не придет?
Ночь не уйдет? Вокруг не посветлеет?
Причаливай, причаливай, рыбак!..

Держу, как посох, удочку в руке,
Ищу свою плетеную калитку.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Такая вот и есть, как день минувший,
Жизнь рыбака — среди озер и рек!

Лето

I

Дождь обложной в конце концов утих.
Вода опять кристально чистой стала.
Спускай челнок! Спускай челнок, рыбак!

Я удочку беру... И, оглянувшись,
Не в силах восхищение сдержать!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пар тонкий над рекой, а выше горы
Уступами — кто их нарисовал?

В лист лотосовый рис я завернул,
А о приправе хлопотать не стоит!
Отчаливай, отчаливай, рыбаки!

Мне плащ соломенный сейчас не нужен,
Бамбуковую шляпу надо взять...
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ты ль, чайка, чуждая мирским заботам,
За мной пойдешь? Мне ль за тобой идти?

III

Марым-трава колышется едва.
Покойно и прохладно под навесом.
Но парус подымать пора, рыбаки!

Как угадать, куда подует ветер?
Пускай плывет челнок по воле волн!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ручьи впадают в северную заводь,
Впадают в южную — прекрасны все!

IV

«Когда вода мутна, в ней ноги мыть
Нам не заказано!» А так ли это?
А ну-ка веселее! Налегай!

«Поедем в царство У!» — Но реки там
Тысячелетний гнев хранят в пучине!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

«Поедем в Чу!» — Но в чреве чуской рыбы
Душа поэта скорбная живет!

V

Там, где густая тень высоких ив,
Причудливы замшелые утесы.
А ну-ка веселее! Налегай!..

За место спор не надо затевать,
Как иногда у рыбаков бывает!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ты, человека встретив, вспомни тех,
Кто Шуню уступал свое жилище!

VI

Любуясь видами реки и гор,
Я не заметил, как подходит вечер.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Рукой по мачте такт я отбиваю
И напеваю что-то про себя.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто из живущих ныне постигает
Смысл сокровенный песни вод речных?

VII

О, как хорош закатный этот час!
Но, кажется, уже смеркаться стало.
Причаливай, причаливай, рыбак!

Тропинка, что спускается по склону,
Наискосок сбегает под сосну.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Средь зелени, среди листвы деревьев
Свист иволги то там, то тут.

Я сети для просушки разложил.
Пора и отдохнуть мне под навесом.
Покрепче привяжи челнок, рыбак!
Хоть говорят, что комары зловредны,
Но «мухи синие» еще вредней!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..
Какой-нибудь наушник не подслушал,
Не донесет опасные слова?

IX

Как можно было тихим утром знать,
Что к ночи вихорь налетит жестокий?
Причаливай, причаливай, рыбак!..
Кто же когда-то сочинил стихи
О «лодке на пустынной переправе»?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..
Чудеснее нет ничего на свете,
Чем «травы пышные на берегу»!

X

Как дом улитки — хижина моя,
Сейчас окутанная облаками.
Причаливай, причаливай, рыбак!..
С широким веером из камыша
Вверх я иду дорожкой каменистой.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..
Пусть говорят: «Старик живет без дела!»
Нет, это — жизнь! Не надобно иной!

I

Не правда ль, только рыбаку дана
Жизнь вне тщеты, для радостей высоких?
Спускай челнок! Пора спускать челнок!

Над старцем-рыбаком не насмехайтесь —
Не зря художники его рисуют!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

В любое время чуден вид реки,
Но осенью — нет для нее сравнения!

II

Уже настала осень на реке.
Набрала рыба жир — и веселится!
Отчаливай! Отчаливай, рыбак!

Среди просторов этих беспредельных
Находит наслаждение душа.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

О мире том, что бросил, так скажу я:
Чем дальше от него, тем лучше нам!

III

По небу пробегают облака,
Вершины сосен на ветру трепещут.
А ну-ка, парус поднимай, рыбак!

На западное озеро вначале,
Потом и на восточное пройду я.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Повсюду перец водяной алеет,
Цветами белыми марьм цветет!

IV

Гусь над горою тихо пролетел.
Туман, ее скрывавший, разошелся...
Давай-ка веселее! Налегай!

О рыбе я уже почти забыл —
Опять на вид осенний засмотрелся!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Закатным солнцем ослепляет взор,
А склоны гор все золотом расшиты!

V

Каких я рыб сегодня наловил!
Все крупные — из серебра и яшмы!
Давай-ка веселее, налегай!

Сейчас сгребу я камыша сухого
И на костре одну из них спеку.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кувшин свой глиняный я наклоню
И ковшик для вина вином наполню!

VI

Попутный ветер вовремя подул —
Под парусом домой я возвращаюсь.
Причаливай, причаливай, рыбак!

На гладь речную темнота ложится,
А на душе совсем-совсем светло!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Глазам людским не надоест вовеки
Багрец деревьев и прозрачность вод!

VII

«Легла на землю белая роса»,
И ясная луна уже восходит.
Причаливай, причаливай, рыбак!
От Башни Фениксов я далеко —
Кому же подарить сиянье это?
И — раз! И — два! Гребни, гребни, весло!..
Когда бы мог я эликсир бессмертья
Вручить тому, кто духом храбр и чист!

VIII

Повсюду есть земля, над нею — небо,
А где здесь небеса и где земля?
Челнок покрепче привяжи, рыбак!
Пыль с запада сюда не долетает —
Не надо глаз ладонью прикрывать!
И — раз! И — два! Гребни, гребни, весло!..
Где искушающих речей не слышно,
Там нет нужды и уши промывать!

IX

Хоть на мою одежду иней лег,
Я холода не чувствую нисколько.
Причаливай, причаливай, рыбак!
Твердят мне, что непрочен мой челнок...
А жизнь средь распрей и тревог надежней?!
И — раз! И — два! Гребни, гребни, весло!..
Здесь вечно неизменен ход вещей,
И знает человек, что́ будет завтра...

Х

К лачужке среди сосен на скале
Иду, чтобы луной полюбоваться
Причаливай, причаливай, рыбак!

В горах пустынных листья облетели,
Где ж затерялась узкая тропинка?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Меня сопровождают облака,
И мне легка накидка из соломы.

Зима

I

Ни облачка в небесной вышине,
И солнце ярче, чем бывает летом.
Спускай челнок, спускай челнок, рыбак!

Все замерло между землей и небом,
И только море то же, что всегда.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Как шелк, разостланный до горизонта,
Сверкает предо мной простор воды!

II

Собрал я снасти, леску намотал,
Да щель в борту подконопатить надо.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Мне говорили: сети в лед вмерзают
На Сян-реке и в озере Дунтин.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На лов идти в такое время года
Лишь на море и можно рыбаку.

III

Вся рыба из-под берегов ушла
И, сонная, на глубине таится.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Пока безветренно и светит солнце,
Морские дали ожидают нас.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..
Была бы лишь наживка та, что нужно,
А рыбка будет, будет на крючке!

IV

Минувшей ночью землю снег покрыл,
И все окрестности преобразились.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!
Передо мной — блестящее стекло,
За мной — ступени гор из белой яшмы!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..
Где я? Быть может, у престола Будды?
Быть может, это — некий мир иной?

V

Забыв об удочке и о сетях,
Рукою такт по борту отбиваю.
А ну-ка веселее! Налегай!
Куда же плыть? Пожалуй, мелководье
Пересеку — и выйду на простор.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..
Вот как бы ветер не разбушевался,
Подует с севера — совсем беда!

Куда-то к ночи вóроны летят?
 Черны они, а всё вокруг белеет.
 Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Снег начался. И ничего не видно.
 Густая мгла передо мной легла.
 И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто и когда подаст сигнал тревоги?
 Туман разгонит? С мира смоем стыд?

VII

Утес зеленый, красная скала —
 Как ширмы расписные над волнами.
 Причаливай, причаливай, рыбак!

Не все ли мне равно, какая рыба
 Сегодня плещется и бьет о дно?
 И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

В плаще широком, в шляпе из бамбука
 Один сижу я в утлом челноке.

VIII

Зачем здесь одинокая сосна?
 Что нужно ей на берегу безлюдном?
 Челнок покрепче привяжи, рыбак!

Завеса туч от глаз моих закрыла
 Ничтожный мир волнений и страстей!
 И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пусть всегда гремят валы морские
 И заглушают дальний шум мирской!

IX

Путь верности природе — правый путь.
Так с древности все мудрецы считали.
Причаливай, причаливай, рыбак!

Кто на «косе в семь ли» в овечьей шкуре
Во времена Гуан-у-ди рыбачил?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто рыбу десять лет ловил в Вэйшуй,
Когда от холода сводило руки?

X

Как быстро наступает темнота!
Уже поесть и отдохнуть пора мне.
Причаливай, причаливай, рыбак!

В лучах заката на сугробах снежных
Как будто красные цветы цветут.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..
Пока луна не скрылась за горами,
Любуюсь видом, стоя у окна!

Ли Мёнхан

(пэкчу)

1595—1645

Держась за твой рукав, рыдаю громко:
Не прогоняй меня, не уходи!

За мшистой дамбой солнце опустилось,
И стало вдруг совсем темно вокруг...

Меня поймешь ты, одиноко сидя
В ночи — у догорающей свечи!

Чон Дугён

(ТОНМЕН)

1597—1673

Вновь наполняю чашу золотую.

И пью из чаши доброе вино,

И во хмелю затягиваю песню,

Исполнившись блаженством неземным...

Ты не горюй о том, что солнце село,—

На небо поднимается луна!

Сон Сирёль

(УАМ)

1607—1689

Зеленые горы — в согласье с природой.

И синие реки — в согласье с природой.

В согласье с природой — и реки и горы.

И я — среди них, и живу, как они.

Согласно судьбе и закону природы

Я тихо состарюсь и жизнь завершу...

Понним-тэгун

(ХЕДЖОН)

1619—1659

Садится солнце, и вокруг стемнело,
И это значит — наступает ночь.

Но снова посветтели небеса —
И новый день опять ко мне приходит.

О время! Ты — как быстрая река!
И грустно понимать, что я старею...

Ли Хваджин

(мукчольчэ)

1626—1696

Я пробудился в хижине своей
От птичьего чириканья и свиста.

По веткам дерева, дождем омытым,
Луч солнца заходящего скользит.

Подай-ка мне скорее снасти, мальчик!
Пойду на речку, рыбу половлю!

Ли Джонхван

(СОНАМ)

ок. 1633—1673

В низине под обильными дождями
Весенним соком налилась трава.

Нет у нее забот или волнений —
Судьба такая чем нехороша?

А я... не быть мне на нее похожим!
Своей печали мне не одолеть!

Пак Квон

(КВИАМ)

1658—1715

Мальчишка вслед за мной наживку нес,
Да, видно, потерял меня в тумане.

Ищу его и не могу найти,
Высматриваю место для уженья,

Слежу, как солнце за холмы заходит...
Как хорошо мне в этот тихий час!

Ю Сун

1666—1734

Стоящая у синего ручья
На ровном берегу белопесчаном,

Ты, цапля белая, не знаешь разве,
Какие мысли целый день со мной?

Прах суеты мирской я отвергаю —
Так есть ли разница меж нами здесь?

Юн Дусо

(КОНДЖЭ)

1668 — ?

У обочины дороги яшму
Бросили и затоптали в грязь.

Каждый, кто теперь проходит мимо,
Видит грязь — и больше ничего.

Только было ли когда на свете,
Чтобы яшма превратилась в грязь?

Юн Сун

(ПЭКХА)

1680—1741

Мой дом стоит в предгорье Пэкхасана.
Кто станет среди гор его искать?

Меня лишь свежий ветер навещает,
Приходит в гости ясная луна.

Журавль у самого двора танцует...
Они ли мне не верные друзья?!

Син Джонха

(СОАМ)

1680—1715

Пусть люди ценят званья и чины,
А мне до этого какое дело?

На хромоногом ослике своем
Домой, в родные горы, возвращаюсь.

Внезапный дождь застиг меня в дороге
И пыль багряную с одежды смыл.

Ку Джиджон

конец XVII — начало XVIII в.

Не хвастайся и не гордись, о коршун,
Что ловишь ты мышей — и сыт всегда!

Пусть отощал журавль у чистой речки,
Он станет ли завидовать тебе?

И, ото всех мирских забот свободный,
Я не печалюсь, что не разжирел!

Ким Самхён

конец XVII — начало XVIII в.

Ни славы, ни почета не ищи —
Они всегда ведь пополам с позором!

И к знатности с богатством не стремись —
Ведет к ним путь неверный и опасный!

А я от этого всего свободен —
И потому ничто не страшно мне!

*

Здесь, у кумирни старой, под сосной
Я пробудился после сна хмельного.

В лучах заката чайка над водой
Без усталости летает и кружится.

Наверное, у этих гор и речек
Один-единственный хозяин — я!

Чу Ыйсик

(НАМГОК)

конец XVII — начало XVIII в.

Конечно, небо далеко от нас,
Но все же во весь рост не распрямляйся!

Земля, конечно, под тобой прочна,
И все же не толкай ее ногами!

Да, небо далеко, земля прочна —
Но осторожность вовсе не мешает!

*

Луна, поднявшаяся в высоту,
И ветерок, подувший над рекою,

Свет в небесах и шум волны внизу —
У них единое начало в мире.

К единому началу приобщась,
И ты становишься с природой вровень!

Ким Юги

конец XVII — начало XVIII в.

Поднялся я на пик горы Тайшань —
Внизу раскинулись Четыре Моря.

Границ не видно и предела нет
Просторам между Небом и Землею.

Здесь я постиг, каким великим духом
Муж истинный бывает одарен!

Ким Дусон

конец XVII — начало XVIII в.

Взяв птицу ловчую с собой, иду
Через ручей, потом миную гору.

Вспугнул фазана... Где же сокол мой?
За горную грядку садится солнце,

И колокольчика чуть слышный звон
У края дальних облаков раздался.

*

Зачем ты, дикий гусь, кричишь так скорбно,
Когда луна и осень на дворе?

Холодный ветер, до небес взметнувшись,
На юг родной дорогу преградил?

От крика твоего я пробудился
И слышу, как летишь ты в вышине.

Ким Суджан

(НОГАДЖЭ)

1690 — ок. 1770

Черным-черно, а говорят — бело.

Белым-бело, а говорят — чернеет!

Нет никого, кто смел бы нам сказать

Всю истину о белом и о черном.

Заткнуть бы уши и глаза закрыть,

Чтоб ничего не слышать и не видеть!

*

В долине Хвагэдона под горой

Стоит мой дом, из камыша сплетенный.

И дождь, и ветер, и мороз, и снег —

Я знаю: все перетерпеть смогу я!

Но все-таки настанет ли пора,

Когда меня ты обогреешь, солнце?!

*

Над теми, кто внизу, ты не шути!

Не говори: «Я высоко забрался!»

Гром загремит, и ветер зашумит,

Тряхнет тебя — и ты слетишь с вершины.

Мы ж на земле стоим, на ровном месте,

И чужды тревоблениям твоим!

Домишко у соседа — как гнездо.
Другой сосед живет в землянке низкой,
Древесными питаются плодами,
Но оба мудры и добросердечны...

Так почему ж в домах, где вдоволь мяса,
Хозяева не могут быть добры?

*

Все думы стариковские и чувства
Цветущей хризантеме я отдам.

Печаль, которая меня терзает,
Я винограду черному отдам.

А седину, что на висках скопилась,
Своей протяжной песне я отдам!

*

Перед глазами — десять тысяч сосен,
Вверху над ними Башня Кёнхверу.

Невдалеке стоят зеленой ширмой
Гора Инван и перевал Анхён.

И на закате здесь летает цапля —
То прилетит, то снова улетит.

*

Пойдем, друзья, цветами любоваться!
А может, порыбачить мы пойдем?

Густые наши волосы редеют
И на висках покрылись сединой.

Путь жизненный — он короток иль долог,
Увы, об этом знать нам не дано!

Живу неприхотливо я, как жил,
И достойные у меня все то же:

Лишь винограда несколько кустов
Да в доме одиноком сборник песен.

А из друзей, мне неизменно верных,
Назвать могу я ветер и луну.

*

То, что друг другу люди говорят,
Всегда на небесах бывает слышно.

То, что вершится в темноте ночей,
Увидят непременно злые духи.

Услышит Небо иль увидят духи —
Будь осторожен всюду и везде!

*

Ты станешь пить вино или не станешь,
Жбан для вина пустым не должен быть.

Нужна тебе подруга или нет,
Пускай она с тобою рядом будет.

Мы в этой жизни на постое кратком —
Пусть утешеньем здесь нам служит всё!

*

Ты о лазурном облаке мечтаешь,
А мне о белом думать суждено.

Стремишься ты к почету и богатству,
Я бедность предпочту и с ней — покой.

Пускай тебе покажутся смешными
Мои поступки — я ли изменяюсь?!

•
Земля и Небо мне — отец и мать,
Мир окружающий — жена и дети,
Холмы и реки — братья для меня,
А верные друзья — луна и ветер.

О государь! Здесь, среди них, живу я,
Но разве позабуду о тебе?!

•
Вы, жаждущие власти и чинов,
Подумайте-ка, что вас ожидает!
На солнечном местечке вам тепло,
Как голым ребятишкам на припеке!..

А что вы делать станете, когда
За горы западные солнце сядет?

•
Мой дом — не больше домика улитки.
Зато прекрасен вид окрестных мест!
Здесь в тесной комнатке — картины, книги,
Предмет забот моих и размышлений.
Здесь места нет пустым и праздным мыслям...
Кто скажет мне, что надо жить не так?!

•
Цветы опали — и весна минует.
Вино кончается. Пишу стихи.
Торопится, как гость проезжий, время,
Меня одаривая сединой.
А тут еще находятся такие,
Что говорят: «Не пей!» и «Не гуляй!»

*

Чтоб покормить быков, я рано встал.
Две-три звезды еще горели в небе,
И вереница желтых облаков
Тянулась над широкою долиной...
В такой минуте счастье земледельца,
Крестьянской нашей жизни благодать!

*

На скуку и на бедность не пеняй —
Ведь жить без дел совсем не так уж плохо!
Не жалуйся на то, что одинок,—
Ведь жить без слов совсем не так уж плохо!
Быть верными призванию своему
Мы можем только в близости к природе!

Ли Джонбо

(САМДЖУ)

1693—1766

С тех пор как я живу на белом свете,
Я все мечтаю крылья обрести.

Хочу на них подняться над землею
И тучи в синем небе разогнать,
Чтоб никогда они не застилали
Ни солнца, ни сияния луны!

*

Когда Ли Бо навеки нас оставил,
Так пусто стало среди гор и рек!

И только в синей пустоте небесной,
Как встарь, висит полночная луна.

Эй ты, луна! Пускай Ли Бо не стало,
Но я-то здесь — не покидай меня!

*

Цвет груши с дерева стряхнуло ветром —
И всюду разлетелись лепестки.

Им не подняться до своих ветвей,
Они повисли в нитях паутины.

И к ним уже торопится паук —
Он думает, что бабочки попались!

*
Ответь мне, хризантема, почему
Ты не цвела при ветерке весеннем,
Когда ж деревья голы, небо мрачно,
Во всей красе раскрылся твой цветок?
Я знаю, в одиноком постоянстве
Ты можешь противостоять зиме!

*
За горы западные солнце село,
Чтоб над Восточным морем снова встать.
Осенняя увядшая трава,
Когда придет весна, зазеленеет.
И только человеческая жизнь,
Уйдя однажды, больше не вернется!

*
Стоял высоко в небе Млечный Путь,
И дикий гусь, крича, летел куда-то.
В ту памятную ночь мои виски
Покрылись инеем — и он не тает...
Как грустно видеть в зеркале своем
Седую голову, лицо в морщинах...

Чо Мённи

(НОГАН)

1697—1756

Гусь одинокий мимо пролетел,
Холодный иней покрывает землю.

О, как темна сегодняшняя ночь!
Как много их, печальных дум, со мною!

Когда же озаряет двор луна,
Мне кажется, я в край родной вернулся!

*

В глухую ночь заезжий двор в Сонджине.
В огромном море волны холодны.

Сижу один, светильник догорает,
А родина — за много сотен ли!

За мною — перевалы Мачхоллёна,
И страшно думать, как я далеко!

*

Я встретил странника, он шел неспешно
От Кзгольсана вниз на Сораксан.

«Красивы ль клены там?» — его спросил я,
И он ответил: «Иней пал в горах,

Вся в багреце осенняя листва —
Как раз пора пойти полюбоваться!»

Ли Джэ

XVIII в.(?)

Звезда зашла, и жаворонок взмыл.
Мотыгу взяв, я вышел за калитку.

От утренней росы в траве высокой
Короткие штаны мои намокли.

Да это не беда: ведь нам роса
Хорошую погоду предвещает!

Ким Чхонтхэк

(НАМПХА)

XVIII в.

У шумной славы спутник есть — позор,
С богатством тоже нелегко на свете.

А здесь, всему хозяин, я живу
Среди зеленых гор и синих речек.

По берегу речному в час заката
Один брожу я с удочкой в руке.

*

Возьми наполненную мною чашу
И, не отказываясь, пей вино!

Цветы раскрылись, пиволги поют —
Кто скажет, что сегодня пить не время?!

Как знать, с кем через год нам суждено
Весенними цветами любоваться!

*

Окутаны ущелья мглой густой.
Вверху над ними облака клубятся.

Багряная листва осенних кленов
Прекрасней, чем весенние цветы.

Я верю: это Небо для меня
Так разукрасило леса и горы!

Слуге одежду отдал я, чтоб он
В залог ее оставил в винной лавке.

И вот теперь смотрю на небеса
И с ясною луной веду беседу.

Луна, скажи мне: в древности седой
Был на меня похож Ли Бо бессмертный?

*

В оконной раме из бамбука — ночь.
Луна восходит над оградой сада.

На семиструнном цине я играю,
Звук циня — как журчание воды.

И, слушая мою игру, журавль
Пришел во двор и в плавном танце кружит.

*

Сказав «иду», иди, но не беги!
Не отдыхай, твердя «идти не в силах»!

Не делай остановок на пути —
В дороге долгой береги мгновенье.

Уж если шел да вдруг остановился —
Пожалуй, не сумеешь ты дойти!

*

Не радуйся четверке лошадей,
В высокую повозку запряженных!

Когда бывают зайцы перебиты,
Тогда и гончие идут в котел.

Ни славы, ни позора я не знаю —
И, значит, нечего бояться мне!

Проснувшись, всякий раз вино я пью,
И, охмелев, я снова засыпаю.

И потому не знаю, что такое
На нашем свете слава и позор...

Пусть в жизни у меня не будет дня,
Когда бы я проснулся протрезвевшим!

*

К заре рассветной утки взмыли ввысь.
Вода и небо — как одна стихия.

Я сталкиваю с отмели челнок,
К другому берегу переплываю.

Старик-крестьянин в камышовой шляпе
Там ждет меня и просит поспешить.

*

Кисть для письма и меч — не для меня,
И ничего я в жизни не добился.

Свою пятидесятую весну
Здесь провожу я, от всего свободный...

Но разве я тебе не мил, не дорог,
О край зеленых гор и синих рек?

*

Кувшин с широким горлышком наполню
Еще не отстоявшимся вином;

Слегка ошпарив редьку кипятком,
Ее заправлю соусом из сои...

Конечно, вам, кто мясо ест на ужин,
Откуда знать вам вкус подобных яств?!

Рыбачья песня, и свирели звуки,
И голос ветра — всё слилось в одно.
Я пробудился от дневного сна,
С трудом глаза хмельные открываю.
Из-за горы друзья с вином пришли
И что есть сил стучат в мои ворота.

•

Что слава громкая или почет?
Позор обычно следует за ними.
Пусть лучше заполняют дни мои
Кувшин вина и звуки каятыма.
Блаженна и светла такая жизнь —
И старость в ней проходит незаметно.

Когда луна восходит молодая,
На небесах она — как узкий серп.

А в середине месяца луна,
Как зеркало, становится округлой.

Пора расцвета и пора упадка,
Должно быть, Небом определены!

*

Вон та ворона, что кричит вдали,
Как угадать — она самец или самка?

То облако, что по небу плывет,
Как угадать — прольет ли дождь на землю?..

Наверное, на свете так во всем:
В делах житейских, в чувствах человека!

*

Над тем, кто очевидно слеп и глух,
Друзья мои, не надо насмеяться!

Он средь зеленых гор глаза раскроет,
Промоет уши синею водой!

Болезнь неведенья и глухоты
Леченью, как известно, поддается!

Подобное воде, уходит время,
И в волосах все больше седины.

Седые волосы я вырываю,
Мне хочется казаться молодым —

Чтоб мать с отцом мои не огорчались,
Не думали о том, как мы стары!

Сон Джонвон

XVIII в.

В ночи, когда осенний ветер дул,
Со всех деревьев листья облетели.

В ночи, когда луна стояла в небе,
Гусь пролетел, пронзительно крича...

Тебе, за десять тысяч ли от дома,
Наверно, в эту пору не спалось.

*

Когда морозной ночью светит месяц,
Я слышу крик твой в небе, дикий гусь!

Спеша на юг со стороны полночной,
Над городом столичным ты летишь...

Неужто, вести из родного края
Не передав, исчезнешь ты вдали?

*

Уже по гнездам разлетелись птицы.
Туман вечерний на долину лег.

Поднявшись над восточным перевалом,
Здесь прямо в сердце смотрит мне луна.

В мой кубок глиняный налей вина —
И петь я стану, и играть на цине!

Кто отрезает от луны краешку?
Кто полтоликой делает луку?

Вода в реке бьется, не кислая,
Но исчезает утренний туман.

Зачем и что вышло и исчезло —
Как может знать об этом человек?

Сонге Ёнворон

XVIII в.

Поднявшись на вершину Мачхоллёна,
Я на море Восточное смотрю.

Здесь кроме синих волн лишь облака,
А кроме облаков — одно лишь небо!

Величественнее на свете нет,
Чем этот вид с вершины Мачхоллёна!

*

Луна взошла. Пробили третью стражу.
Тень от сосны упала под окном.

В такую пору общий смысл вещей
Всего отчетливей мы постигаем.

Вы ж, опьяненные, в пыли багряной
Всё спите? Или встали ото сна?

Чон Сугён

XVIII в.

Пригнал баранов я, привел быков.
Луна взошла над темными горами.

И добрые друзья ко мне пришли,
Чтоб в этот вечер вместе веселиться.

Ты процеди созревшее вино —
Сегодня выпьем мы и будем пьяны!

Син Химун

XVIII — начало XIX в.

На ближних кручах — поздняя весна.
За сосны на холме заходит солнце.

Уже туман рассеялся в долине.
Как на картине — вид далеких гор.

В беседке над рекой луну встречаю
И напеваю ветерку стихи.

I

В штанах коротких, на плече мотыга,
Пошел на пашню, сорняки полол.

Под вечер, напевая про себя,
Луну с собою взяв, домой вернулся.

Вино подав, жена мне говорит:
«С утра на дальнее пойдем мы поле!»

II

Вспахал я поле, сорняки я выбрал.
Табак нарезав, трубку закурил

И песенку под нос мурлыкать начал,
Притопывая, как заведено.

«Давай, давай!» — кричат мне ребяташки.
И радуемся, и смеемся мы!

Хо Соккюн

XVIII — начало XIX в.

Там, где расцвели уже цветы,
Юноши и девушки собрались.

Вешний ветер будит чувства в них,
Внемлют они чистым звукам песни

И, наверно, будут развлекаться
До поры, пока взойдет луна!

*

— Челнок уходит по реке осенней.
Куда-то свой он направляет путь?

Скажи, куда везешь ты лунный свет,
Что ночью, словно белый снег, сверкает?

— Плыву я, как подскажет вдохновенье,
Далек мой путь иль близок — все равно!

Ким Ён

(ЧХУНБАН)

1873 — ?

Луна отшельника восходит снова,
Как над Стеною Красной у Янцзы.

Она все та же, что была когда-то,
Но где же сам отшельник Су Дун-по?

Наш бранный мир покинул он навеки,
А мне оставил полную луну!

Пак Ёнсу

XIX в.

Он обещал прийти в восточный флигель.
Но вот взопла луна — его все нет.

Бумагою оклеенную дверь
Приотворив, жду до глубокой ночи.

Луна проходит. Тени пробегают.
И мне все чудится, что он идет.

Ким Минсун
(МЭВОЛЬСОНПХУН)
XIX в.

Зеленый посох у меня в руках,
И волосы седые треплет ветер.
Я, покрасневшись от вина, прилег
И задремал среди травы высокой...
И был на родине своей, пока
От пенья желтых иволг не проснулся!

*

Поднялся птичий гомон за окном.
День начался. Я с ложа поднимаюсь.
Кувшин вина поставив пред собой,
На комунгбона играю песню.
И жду друзей, которые свой век,
Как я, проводят в праздности беспечной.

*

О суете мирской забыл давно я,
Лежу один под северным окном.
О, как смешны все те, кто ищет славы!
Ведь наслажденья жизни — только здесь!
Под вечер жду я гостью дорогую —
Луну, навеки преданную мне!

*

Нет, никаких болезней я не знаю,
Бессонница — одна моя болезнь.

Светильник догорел. Петух кричит.
И скоро новое наступит утро...

Не то я сплю, не то не засыпал
И думаю всю ночь о государе...

*

Я посадил цветы, чтобы всю жизнь
Весеннею красою любоваться.

Но на рассвете ветер налетел,
Мороз ударил — и они поникли.

И бабочек, которые кружились
Среди цветов, теперь не вижу я.

Пак Хёгван

(УНЭ)

XIX в.

В те дни, когда опять пахнёт весной,
Тигровой бабочкой я стать хочу.

Порхая над полями и лугами,
Вдохну благоуханье ста цветков.

Все наслажденья нашей жизни в нем!
Найду ль ему сравненье в этом мире?

Ан Минён

(ЧУОН)

XIX в.

Вчера я снова видел тот же месяц,
Что мне светил в минувшие года.

И в эту ночь взошел на небо месяц
И светит так же ярко, как светил.

Сейчас я понимаю: все на свете
Меняется, лишь месяц — никогда!

*

Взошла и разметала облака
По небу, распростертому над нами,
И, перекаtywаясь, поднялась,
Чтоб стать вверху — на самой середине...

Не в эту ль ночь открылась предо мной
Эпоха мудрости и процветанья?!

*

Я вам не верил, тоненькие ветки,
Дрожащие на ледяном ветру.

Но вижу: вы сдержали обещанье
И этой ночью снова расцвели.

Я вышел со свечой взглянуть на вас
И запах чувствую — едва заметный.

*

Скажи мне, хризантема, почему
Ты ветерка весеннего не любишь?

Наверно, лучше замерзать одной
В холодный день осенний у ограды,
Чем с прочими цветами отцветать
И вместе засыхать под ярким солнцем?

*

Цветы у каждой хижины цветут.
Над берегом пруда склонились ивы.

И слышу я, как иволги поют,
И вижу я, как бабочки танцуют.

Цветы краснеют, ивы зеленеют,
И среди них брожу я, как хмельной.

Неизвестные авторы

Мы соберем кинжалы и мечи
И свяжем их в одну метлу большую,
Чтоб вымести метлой железной этой
Всех недругов своих — и мань, и ди,
Потом мотыгу из нее скуем
И станем на своем работать поле.

*

О светлая луна, ты заглянула
В дом к милому, в восточное окно!
Скажи, луна, он спит сейчас один?
Или в объятьях девушки любимой?
Поведай обо всем, что увидала:
Я буду знать — мне жить иль умереть!

*

Когда бы мы на свет родились снова,
Ты стала б мною, я бы стал тобой
И, обменявшись чувствами своими,
Любили бы друг друга так, как любим,—
Тогда б ты поняла мои страдания
И знала бы, как грустно было мне!

*

Рукою знак мне подает соседка.
Жена мне говорит, чтоб шел домой.

Не знаю, возвращаться ли к жене
Или отправиться, куда позвали?

Душе, которая во мне сидит.
Для обитанья надобно два тела!

*

Зачем ты передал письмо с чужим?
Ты б лучше сам пришел ко мне, любимый!

И разве хорошо, когда чужой
Становится к чужим делам причастным?..

Письму, которое принес чужой,
Как я могу, скажи ты мне, поверить?

*

Две бабочки летают средь цветов,
Две иволги средь ив зеленых выются.

Те, кто летает, те всегда вдвоем,
И те, кто ползает, всегда вдвоем.

И если снова к нам любовь вернется,
Сто лет с тобою будем мы вдвоем!

*

Я захотела на луну взглянуть —
Ту, что на милого сегодня смотрит.

Жду, отворив восточное окно,
Когда она появится на небе.

Как дождь осенний, слезы льются, льются...
Взошла луна, но мне темно и с ней!

*

Со мною рядом ты — и так далек!
И вот теперь за сотни ли ты едешь.
Там горы высоки, там реки бурны —
О них подумать даже страшно мне!
В луну хотела бы я превратиться,
Чтобы тебе дорогу осветить!

*

Чем жить, как я живу, о нем тоскуя,
Наверное, уж лучше умереть!
Пусть лунной ночью среди гор безлюдных
Душа моя кукушкой обернется.
Я притаюсь и тихо закукую...
Тогда меня услышит милый мой!

*

Лишь слово написал я — и вздохнул,
Второе вывел — и слеза скатилась.
От слез начертанные тушью строки
В причудливый рисунок превратились.
О друг мой! Плача, я тебе писал!
О чем письмо — ты можешь догадаться!

*

И на стене звенит мой меч тяжелый.
Волною в сердце закипает кровь.
Готовые и днем и ночью к бою,
Могучей силой руки налились.
О долгожданный час! О час желанный!
Когда настанешь, позови меня!

*

Один твердит, что ворон слишком черен,
Другой — считает цаплю слишком белой.

Кто говорит, что аист — длинноногий,
Кто утку коротышкой называет.

Лишь я, должно быть, ничего не знаю
О черном, белом, длинном и коротком!

*

Луна, что светит над жемчужной шторой,
Звук флейты, что пришел издалека,—

Зачем они всю ночь меня тревожат,
Моей печали не дают уснуть?..

Три тысячи меж нами долгих ли —
И я один, и сердцу нет покоя!

*

Пока луна, что встала над сосной,
Не спустится до камышей у реки,

На камне у воды сидеть я буду,
Держа в руках безмолвный каятým...

А дикий гусь, отставший от своих,
Летит куда-то и кричит в тревоге!

*

Мой вол, с которого я снял ярмо,
Исчез куда-то. Солнце опустилось.

С охавкою съедобных трав в руках
Ищу следы вола, а все без толку.

Густая мгла долину затянула —
Как угадать, куда он мог уйти?

*

Хочу к луне с вопросом обратиться.
Я чарку взял и отворил окно.

Ты, полная луна, так ясно светишь,
Как в давние светила времена.

Но с той поры, как мир Ли Бо покинул,
Дружил ли кто еще, как он, с тобой?

*

Цветы ли расцветают на лугах,
Кукушка ли в зеленой роще плачет,

Сегодня милого я встречу вновь —
И ничего на свете мне не надо!

Кто там заплакал, что там расцветает —
Ни до чего мне дела нет теперь!

*

Ссудили люди мне немного риса,
А рыбы в речке сам я наловил.

Вино созрело — можно пить его.
Луна встает над темными горами.

Есть в доме каягым. Цветут цветы.
С друзьями вместе будем веселиться!

*

На снег ложится ясный свет луны.
Ее лучи окошко освещают.

Я у свечи сижу один и слышу,
Как ветер стороны чужой шумит.

И мысли, всё ненужные, пустые,
Спать не дают до самого утра...

I

Набрала молодая редька сок,
А скороспелый рис колосья клонит.

И рыба стала хорошо клевать,
И ловятся легко большие крабы.

Наверно, лишь в таком житье-бытье
Крестьянин радости свои находит!

II

Я в поле скороспелый рис полью,
Начну прополку хлопка и закончу.

Я у забора огурцов нарву
И приготовлю ячневую кашу.

Вино уже созрело у соседа —
Я у него возьму немного в долг!

*

Не бойся, чайка белая, меня:
Я за тобой охотиться не стану.

В немилость к государю я попал —
Нет мне приюта, некуда мне деться.

Теперь уже ненужный никому,
Как ты, я здесь найду покой и счастье.

*
О бабочка тигровая! С тобою
Давай-ка вместе в горы улетим!

А если нас в горах застанет вечер,
Среди цветов найдем себе приют.

А будет неуютно нам в цветах,
Мы отдохнем и на опавших листьях!

*

Ты не меняешься, моя душа,
Года идут, а ты все молодая!

Ты, верно, и не старилась, как я,
И остаешься той же, что когда-то?

Хотел бы я, чтоб мы не разлучались...
Но разве это не было б смешно?!

*

— О всех восьми красотах Кымгансана,
Где побывал ты, расскажи, монах!

— На отмели, что в десять ли длиною,
Я видел диких алых роз кусты.

Там парамп над бухтой чайки вьются
И тихий редкий дождик моросит.

*

Мир вечной суеты и пустословья
Покинул я и вновь пришел туда,

Где восемь сотен тутовых деревьев
Среди озер и брошенных полей.

Пусть жизнь моя теперь неприхотлива,
Зато в душе — покой и тишина.

*

Наверно, милого будить пора —
Восточное окошко посветлело...

Нет, это вовсе не рассвет еще —
Луна взошла и небо освещает!

Отбросив одеяло и подушку,
Ворочаюсь в постели и не сплю...

*

О том, что опадает вешний цвет,
О птицы, вам печалиться не нужно!

Пусть лепестки уже развеял ветер —
Но в этом нет вины самих цветов!

Не надобно завидовать весне —
Она уйдет, ее не остановишь!

*

Любимого лишилась — и теперь
Тебя своим любимым называю.

Не безразлично ли в конце концов,
Что он, что ты! Мне никого не надо!

Он или ты, мой милый, тот иль этот —
Не лучше ли пойти мне спать одной?!

*

Я говорил не раз, что брошу пить,
Да вот вино никак отстать не хочет!

Я ль виноват, что слова не сдержал,
Оно ли, что за мной повсюду ходит?

Наполню чашу и спрошу луну:
Кого из нас двоих считать виновным?

На поле и в сады пришла весна —
И сразу набралось так много дела:

Цветы посеять, огород вскопать
И высадить лекарственные травы.

И, чтоб калитку новую сплести,
Нарежь, малыш, бамбуковые стебли!

II

На поле и в сады пришла весна —
И сразу набралось так много дела:

Я сети рыболовные чиню,
Сын собирается идти на пашню.

И на холме восточном нам пора
Уже копать лекарственные травы.

*

Гордясь своей весенней красотой,
Цветы, не прогоняйте мотыльков!

Пора расцвета слишком быстротечна —
Неужто это непонятно вам?

Лист развернется, и плоды созреют —
А мотыльки назад не прилетят!

*

На цвет весенний груши капал дождь.
Не уезжать тебя я так просила!

Теперь листва опала, ветер дует.
Ты вспомнишь ли, любимый, обо мне?

Издавека, за десять тысяч ли,
В мой сон приходишь ты — и вновь уходишь!

*

Неужто предназначено судьбой,
Чтобы с тобой простились мы сегодня?

Ведь тот, кто раз с подругой разлучился,
Тот от нее — за десять тысяч ли!..

Вернись, когда цветы покроют землю
И ночью полная луна взойдет!

*

Гусь закричал — я глянула в окно
И вижу: снег в лучах луны сверкает.

Она сияньем заполняет мир
И милому, наверно, где-то светит.

И только у меня, в душе моей,
Такая тьма, такая безысходность!

*

В долине горной, где ручей струится,
Я дом построил из обломков скал.

Распахиваю лунной почью поле,
Днем отдыхаю среди облаков.

Меня позвали Небо и Земля,
Чтоб вместе стали жить мы, не старея!

О заяц яшмовый, куда бежишь ты?
О ворон золотой, куда летишь?

Зачем, безумные, спешите вы,
Как будто кто-то гонится за вами?

А надо было б каждый раз, друзья,
Вам отдыхать, как десять ли пройдете!

*

Хотя уже пробили третью стражу,
Луна на небе — и светло, как днем.

И ветер свеж, как будто на земле
Сейчас не лето жаркое, а осень.

Луною ясною и свежим ветром
Как в этот час ты можешь пренебречь?

*

Предназначение ль у меня такое?
Подчас ни риса в доме, ни вина.

Под облаком дневным пашу я поле,
Рыбачу ночью лунной на реке.

Да, только так нам жить велело Небо!
Кому еще так хорошо, как мне?

*

Дождь моросил весенний. Ехал я,
На ослика добро свое навьючив.

«Скажи мне, мальчик, где здесь кабачок?» —
Я пастушка спросил, и он ответил:

«Наверно, это там, где носит ветер
Цвет абрикосовый... Наверно, там!»

*

Мой милый появляется, как гром,
Я ж, молнией блеснув, его встречаю.

Как дождик, то придет он, то уйдет,
Как облачко на небе, исчезает...

А вздох, как ветер, рвется из груди
И стелется туманом предрассветным.

*

Вчера, а может быть, позавчера,
Быть может, днем, быть может, поздней ночью,

Куда я уходил и с кем встречался,
С кем был вдвоем — уже не помню я!

Но мы сегодня встретились с тобою —
Так разве ты не лучше всех других?!

*

И свет луны, что на снегу блеснул,
И колокола звук в холодном небе —

Всё, как в эпоху древних государей.
Сижу один, исполнясь горьких дум,

И над развалинами стен старинных
Вечерний поднимается туман.

*

Трудился я усердно десять лет
И хижину в горах себе построил.

В ней половину занял свежий ветер,
И половину — ясная луна.

Для гор и рек здесь не осталось места.
Они вокруг — и я на них смотрю.

Как посмотрю я на тебя, ворона,
Обидно мне становится и грустно.

Ну где, скажи, достала ты лекарство,
Чтобы черноголовой оставаться?

Давно белеет голова моя —
Лекарства нужного не нахожу я!

*

Я посадил у дома хризантемы,
Поставил рядом с ними жбан с вином.

Цветы цветут, вино мое созрело,
И на небо луна уже взошла...

Возьми-ка комунгó, струны коснись —
И до утра мы будем наслаждаться!

*

Возьми чигé и выведи вола!
Уже Звезда Рассвета в небо вышла.

Когда б на дальнем поле рис убрал ты,
На ближнем я управился бы сам.

Чиге наполним и вола нагрузим —
И надобно сегодня всё кончать!

*

От ветра, что подул минувшей ночью,
Весь персиковый цвет с ветвей опал.

Выходит мальчик с веником из дома,
Чтоб подмести и во дворе прибрать.

Но ведь цветы — и на земле цветы!
Зачем же ты их убираешь, мальчик?!

ПЕСНИ НОВЫХ ВРЕМЕН

Чансиджо

ВРЕМЯ ПИТЬ ВИНО

Выпьем, друг, и вновь наполним чашу,
И другую, и за нею третью,
Каждую из них цветком отметим,
Время пить еще не миновало!..
Ведь когда уснешь ты вечным сном,
Завернут тебя в кусок дерюги,
На носилки взвалят и прикрутят,
И куда положено потащат;
Правда, может быть и по-иному:
В паланкин, украшенный шелками,
Тело бездыханное уложат
И свезут на кладбище друзья!
Будешь ты лежать среди бурьяна,
Средь хвощей или глухой крапивы,
Или под высокою осиною,
Или под широкими дубами.
Солнце желтое на небо выйдет,
Белая луна на страже станет,
Будет дождь идти осенний, частый,
Будет падать снег густой и мокрый,
И холодный ветер будет дуть...
Кто же, кто тогда тебе предложит
Эту чашу, полную вина?!

Только обезьяны крик тоскливый
Над забытой прозвучит могилой...
И что толку будет в сожаленьях
Обо всем, что ты покинул здесь!

Ли Джонджин

XVIII в.

Смастерив сачок из паутины,
Ловят стрекозу и так кричат
Голые детишки у канавы:
«Стрекоза, послушай, стрекоза!
Полетишь туда — там пропадешь ты!
Полетишь сюда — жива ты будешь!»
Ох, уж эти голые детишки!
В мире нашем суетном, наверно,
Все дела людские таковы!

Ким Минсун
XIX в.

Ох, ох! Замучили меня недуги!
Присматриваюсь — ничего не вижу,
Прислушиваюсь — ничего не слышу,
И нос не чует запаха совсем,
И рот закрылся — все слова пропали,
Живот болит, и в пояснице ломит,
В груди хрипит, кружится голова,
И без конца тошнота нападает...
Ох, ох! А ведь, пожалуй, это всё
Лишь от одной болезни — от разлуки!

*

Я вспоминаю молодость свою —
Такую близкую, как день вчерашний:
Игру в чанги, и состязанья в силе,
И змеев тех, что к небу поднимал,
И горы дальние, где мы бродили,
И «терема зеленые», в которых
Когда-то пил вино и битым был...
Наверно, счастье суждено мне было,
А ведь могла меня настичь беда!

Неизвестные авторы

С чем молодую девушку сравнить?
Одна покажется орлицей в скалах,
Другая вьется ласточкой у крыши,
А третья — словно цапля возле речки,
Иная пестрой уточкой плывет
По глади озера, зеркально чистой,
И есть похожие на пустельгу
Или сову в лесу на пне трухлявом.
Но каждая любимого находит
И, значит, для кого-то хороша!

*

Скажите-ка, друзья, как жить на свете,
Где столько кровососов развелось?
Вши крупные — с ячменное зерно,
Вши мелкие — размером с просяное,
Вши мелюзга — и глаз не разглядит;
Упившиеся свежей кровью блохи,
И блохи, отощавшие без крови;
Клопы, похожие на комунго;
Слепни и оводы, клещи и осы;
Тьма тараканов — черных, желтых, рыжих,
И всяческих жуков, жучков и пьявок,
И тучи длинноногих комаров,

Коротконогих мошек и москитов,
Одних — отъевшихся, других — голодных!
Они ни сна, ни отдыха не знают.
Терзают, мучают и днем и ночью!
Кто жалит, кто кусает, кто сосет —
И каждый жаждет крови человеческой!
Куда от нечести подобной скрыться?
Чтоб не болело, чтобы не зудело?..
А хуже всех бесчисленные мухи —
От них спасения и вовсе нет!
Скажите-ка, друзья, как жить на свете,
Где столько кровососов развелось?!

*

— Там, за рекою, на крутой скале,
Что называют Лунною Горю,
Кричит в ночи зловещая сова.
Поверье говорит: она вещает
Смерть молодой наложнице супруга,
Которая дурна собой и зла...
— Нет, госпожа! Поверье говорит
Совсем не так: сова вещает гибель
Жене законной, у которой муж
Заботы женской никогда не знает,
Жене, которую лишь зависть гложет
К удачливой наложнице его!

*

Остановить коня на всем скаку,
Сказав ему «тиру-тиру», конечно, можно!
Строптивного быка согнать с пути,
Сказав ему «но-но», — и это можно!
И даже тигра, что спустился с гор,
Уговорить назад уйти — возможно!
Ты ж, девушка, упрямая такая,
Какого рода-племени ты дочь?!

*

Сколько бы ни каркала ворона,
Разве я и мой старик умрем?
Разве мой сыночек умрет за плугом?
Или дочь моя умрет за прялкой?
Пусть уж лучше смерть возьмет невестку,
Ту, что за гору сейчас пошла
Взять воды из ближнего колодца!

*

Ты улыбнешься — зубы хороши!
А взглянешь ты — глаза твои красивы!
Когда сидишь, стоишь, бежишь, идешь —
В тебе прекрасно все и совершенно,
И хочется назвать тебя своей!..
Я знаю, только одного меня
Родители твои в виду имели,
Когда тебя на свет произвели!

*

Слепой незрячего взвалил на спину,
И на босые ноги намусил
Со скользкими подметками надел он.
По мостику — трухлявому бревну —
Без посоха плетется через речку,
Еще мгновенье — и сорвется вниз!
А тут же Будда каменный стоит,
Глядит на них и от души смеется.

*

Ох, эта любовь, любовь,
Завязанная узлами,
Сплетенная, словно сети,
Те, что бросают в море,
Вьющаяся, как в поле
Плети дынь и арбузов,
Что через межи ползут!
Она у меня такая!
Милого так люблю я,
Что это любовь, наверно,
Не имеет конца!

*

Пускай мне грудь продырявят,
Сквозь грудь веревку протянут,
Свитую из соломы,
Толстую и с узлами;
Пусть, взяв ее за концы,
Два человека будут
Без устали, час за часом
Тело мое пилить —
Всё вынести я сумею!
Но если однажды скажут:
«Без милого жить должна ты!» —
На это не хватит сил!

*

В том доме, что стоит в тени софory,
Над вышиванием склонилась ты.
О девушка! Скажи, кто был с тобою,
С кем веселилась ты и с кем играла?
Я вижу, над лицом прекрасней яшмы
И над бровями тонкими твоими
Прическа, пышная, как туча, смята,
И шпилька, птица-феникс, набок сбилась...
Я знаю, ты противиться не стала
Тому, кто ищет девичьей любви!
Так надо ли печалиться о том,
Что, как цветок, лицо твое увянет?!

*

Ох, беда! Беда пришла...
Кисточка из шерсти лиса,
Что живет в краю полном,
Очень хорошо писала;
Я ее макала в тушь
Лучшую из самых лучших!
То-то было наслажденье!..
Только раз недосмотрела,
Положила на окно,
А она во двор упала,
Покатилась — закатилась,
Разве я ее найду?!
Но зато теперь я знаю:
С кисточкой из шерсти лиса
Можно сравнивать любую!
Тот, кто кисточку имеет,
Дорог тем, как пишет он!..

*

Эй, жаба! Эй, кривая и хромая!
Чем загордилась так, ты мне скажи!
Козявку однокрылую поймала
И думаешь теперь, что всех смелей?
Вскарабкавшись на верх навозной кучи,
Резвишься ты и прыгаешь весь день,
Потом сидишь на ней, надменно пыжась...
А люди лишь смеются над тобой!

*

Беда тебе, поблекшая краса!
Ты — как сухая ива возле речки,
Та, от которой ствол один остался,
Прогнивший и давно готовый рухнуть,
А все твердишь: «Помолодеть бы мне!
Когда б мои пятнадцать лет вернулись!
Всего лишь десять лет да пять еще —
И больше ничего уже не надо!»

*

— Эй, косматый парень, погоди-ка!
Ты, который гонишь там вола!
Слушай, рыжая башка, получше:
Видел я недалеко отсюда —
В озерке после дождя ночного
Рыба разная кишмя кишит.
Ты возьми плетеную корзину,
Доверху ее наполни рыбой,
На вола взвали, прикрой соломой
И моей любезной отвези!
— Господин! Судьба несчастна наша.
В батраках всю жизнь свою живем:
Утром пойло для волов готовим,
Днем в полях спины не разгибаем,
Вечер на дворе — плетем веревки,
А в ночи онмун одолеваем.
Покурить и выпить тоже надо...
Некогда мне рыбу отвозить!

*

Когда любовь захочется купить,
Нигде ты не найдешь ее в продаже.
Когда захочется продать разлуку,
Поймешь, что не возьмет ее никто
Не оттого ль разлука и любовь
Не покупаются, не продаются?
Наверно, нам они даны навек!

*

Монах схватил за волосы монашку,
Монашка, растрепав ему прическу,
Вцепилась мертвой хваткою в вихор —
Не могут друг от друга оторваться,
И каждый о себе кричит, что прав!
Изо всех сил тузят один другого,
Да звонко так, как будто бьют в ладони!
Тут и слепые громко зашумели —
Какое это зрелище для них!
Тут и глухие тоже в спор вступили
И судят, кто здесь прав, кто виноват!

*

Ну что ты так настойчиво стучишься?
Как ни ломись, а я не отворю —
Здесь у меня другой, намного лучший!..
Уж если хочешь быть со мною, милый,
Пожалуй, послезавтра приходи!

*

Водку хлещет, словно воду бык;
Если сядет есть, как лошадь, жрет он;
Руки толсты, ноги растопыркою;
Согнут в поясице, косоглаз;
И к тому же не мужчина — мерин,
Кукла деревянная, чурбан!
Любоваться на него мне, что ли?!
Эй ты, бондарь, у ворот кричащий:
«Обручи на бочку набиваю!»,
Подойди сюда, мой друг любезный!
Можешь у меня заночевать!

*

Как ни гони ты черную корову,
Что втихомолку в поле забралась
И объедает у бобов листочки,—
Уйдет ли прочь она, оставив их?
И милый, что залез под одеяло,—
Как ни толкай его, ни бей ногами,
Ни повторяй: «Ступай-ка ты отсюда!» —
Уйдет ли он средь ночи от меня?..
Наверно, только тот и есть любимый.
Кто не уходит, как с ним ни воюй?!

*

Когда ты меня добивался,
Сто раз приставал — и, бывало,
Служанок и слуг обещал мне,
Богатый дом и поля...
Я верила каждой клятве
(Достойному мужу верят!),
Но ты из ста обещаний
Не выполнил ни одного...
Три года я ожидала:
Ночью, глаз не смыкая,
Имя твое повторяла,
В печали звала тебя!
Но если теперь придешь ты,
С презрительною усмешкой
Слова твои слушать стану
И не взгляну на тебя!

*

Ты, как арбуз, — со всех сторон округлый,
Твои слова, мой друг, как дыня, сладки,
И всё, о чем бы ты ни говорил, —
Всегда один обман или притворство.
Не надобно мне больше слов таких,
Пустых внутри, как огурец осенний!

*

— Покупайте мои белила!
Покупайте мои румяна!
— Хороши ли они, торговец?
— Наложь на лицо румяна,
Наложь на лицо белила —
И какая бы ни была ты,
Обхождением своим и нравом
Сразу станешь ты всем желанна,
Сразу милый тебя полюбит!
Вот какие мои белила!
Вот какие мои румяна!
— Так давай же всё, что имеешь,
Заворачивай поскорее!

*

Кто объяснит, как выглядит любовь?
Она кругла? А может, угловата?
Какой она длины и ширины?
Какая мерка для нее годится?..
Когда ж любовь измерить невозможно,
Как знать нам, где кончается она?

*

Пауков больших и круглых,
Малых пауков и плоских,
Об одном я всех прошу:
Вы сплетите паутину,
Протяните через горы,
Пропасти и перевалы
Нити тонкие ее!
Протяните по долинам,
По равнинам растяните
И от края и до края
Вы покройте всю страну!
Чтобы вести о любимом,
О котором я тоскую,
Шли по этим тонким нитям,
Днем и ночью шли ко мне!

*

Мой милый, уезжая в дальний край,
Оставил мне слова на «ай» и «ой»:
«Домой» и «твой», «прощай» и «ожидай».
А мне совсем не надо слов на «ай»,
Пусть остаются лишь «домой» и «твой»!

*

В славный день восьмой луны четвертой,
В Праздник Любования Фонарями
Хорошо подняться на террасу
В час, когда еще не село солнце
И всё видно далеко вокруг.
Фонари развешаны повсюду:

Здесь висит фонарь «Дракон и Рыба»,
Там висит фонарь «Журавль и Феникс»,
Рядом с ним фонарь «Один Журавль»,
Тут качается «Фонарь Бессмертных»,
Фонари «Арбуз» и «Колокольчик»,
«Барабан», «Чеснок» и «Черепаша»!
А в бутонах лотосов бумажных
Маленькие девочки укрылись;
Лотосы раскроются — и дети
Журавлей прожорливых прогонят,
Тех, которые клюют цветы.
И Небесная Ткачиха тоже
Ждет, когда ее пора настанет,
Чтоб лететь к Серебряной Реке.
Фонари развешаны повсюду:
«Домики», «Подмостки», «Челноки»,
И «Узор Причудливый», и «Малый»,
И «Кувшин Высокий», и «Оградка»,
И «Настенный Шкафчик», и «Котел»!
Здесь же Лев, уже готовый прыгнуть,
Рядом Варвар, Тигра оседлавший,
И над всем — Небесного Ковша
Семь высоких фонарей трепещут...
Зажигаются огни направо,
Зажигаются огни налево.
На востоке поднялась луна.
Разливается вокруг сиянье,
Будто солнце загорелось снова.
Фонари горят. Луна сияет.
Святятся и Небо и Земля.

*

Я думаю о милом так же часто,
Как Мэнчан-цзюнь, бывало, вспоминал
Суровую зимой о лисьей шубе.
А обо мне любимый вспоминает
Так редко, как зубцы у гребня редки,
Того, которым на Горе Трехрогой
В обители священной Чунхынса
Причесывается монах беззубый!..
Известны только Небу одному
Страдания любви неразделенной.
Так пусть же Небо милого заставит
Ко мне вернуться, вновь меня любить!

*

Тридцать ударов по заду
Мне всыпали за недоимку,
Забрали котел последний
За невыплату ссуды,
Служанку, мою красотку,
Которую так любил я,
Вытолкали взапой
И увели за проценты.
Эй, малыш, посмотри-ка,
Нет ли в собачьей миске
Немного жидкой похлебки?
И этого хватит мне!

*

Сколько б ни читал монах молитву,
Ни твердил «Наму Амитабуль»,
В Будду все равно не превратится!
Сколько бы ни изучал он Кун-цзы,
Сколько бы ни разбирался в Мэн-цзы —
Разве человек постигнет Дао?
Буддой стать и Правый Путь найти —
Очень непростое это дело!

*

Слушай-ка, любезная монашка:
Только дела у тебя весь день
В темном храме повторять молитвы!
Не успеешь дочитать — умрешь!
К погребенью тело подготовят,
Сунут, как положено, в корзину,
И корзину крышкою прихлоннут,
И сожгут, и в пепел превратят,—
Как бы ты, мой друг, не обернулась
Духом злым, что среди гор пустынных
Бьет от тоски, когда на землю
Льются благодатные дожди!..
Так послушай, лучше брось молитвы
И уйди со мной в мое жилище:
Станем жить мы в счастье и согласье,
Будет полон дом детей и внуков,
Радость и достаток будут в нем!

*

Монах с монашкой встретились в горах.
Она его спросила: «Вы откуда?»
И он ее спросил: «А вы куда?»
Здесь горы зелены, красивы реки,
Здесь можно хорошо «сыграть в коккаль»!
...Средь гор, прильнув друг к другу, два
коккаля

Колышутся над травами густыми,
Похожие на белые пионы,
Трепещущие под весенним ветром,
Дрожащие на тонких стебельках...
Наверное, всегда бывает так,
Когда в горах, высоких и пустынных,
Встречаются монашка и монах!

*

— Крабы в соусе! Берите крабов!
— Что такое у тебя, любезный?
— Крабы, господин! Берите крабов!
Панцирь сверху, мясо в середине,
Круглые глаза на небо смотрят,
Длинные клешни хватают цепко!
Малые клешни ногами служат!
Краб гуляет в соевой подливке,
В соусе зеленом или красном!..
— Не вопи! Чего ты разошелся?
Мы и так не прочь отведать их!

*

Нить крутится вокруг веретена,
И вертятся вокруг оси колеса.
Маньчжурский сокол, сокол с гор высоких
И обитающий у моря сокол,
Раскинув крылья, выются целый день
Вокруг горы Тхэбэк, как будто жаждут
Ее скорей в объятия заключить...
И я, с любимым встречу, поспешу
Его обнять, вокруг него обвиться!

*

Моя любимая — как тот цветок,
Что распускается на диком склоне
В расщелине Горы Целебных Трав.
Смотрю — и не могу я насмотреться!
Другие тоже не проходят мимо:
Снуют они весь день вокруг нее,
Как мыши на поле чумизы ранней,
Что на восточной стороне холма!

*

Эй, дочка потаскушки в синей юбке,
Распутница в малиновой накидке,
Ты пляешь без дела целый день!
Позавчера меня ты обманула,
Кого собралась обмануть теперь?..
По нашей улице в вечерний час,
Покачивая бедрами, идешь ты!

*

На ширме я рисунок увидал:
Над маленькою мускусною крысой
Оскалилась отъевшаяся кошка —
Должно быть, хочет эту крысу съесть!
Не так ли, в вечной жадности своей,
И мы преследуем чужих красоток,
От них не отставая ни на шаг?!

*

Стать бы снова, снова молодой!
Чтобы вновь пятнадцать лет вернулись!
Но лицо, красивое когда-то,—
Как трухлявый пенёк плакучей ивы,
Что стоит на берегу реки...
Это было, кажется, вчера —
Годы юности и дни веселья!

*

Монашескую одежду
Я распорол и отдал
Милой на юбку с кофтой,
А янтарные четки
Ослу на лоб нацепил.
Десять лет размышлял я
О неземном блаженстве,
К Будде и бодисатвам
Молитвы свои вознося.
Теперь же лежу в объятьях
У молодой монашки
И о божественном думать
Я никак не могу!

*

Тень промелькнула за моим окном —
Я выбежала милому навстречу.
Нет никого, мой милый не идет!
Лишь по ночному небу облака
При тусклом свете месяца проплыли.
Когда б такое днем произошло,
Меня бы, верно, люди засмеяли!

*

— Я всем расскажу, соседка,
Ни от кого не скрою,
Что мужа ты обманула!
Сказала: «Иду к колодцу!» —
Сама же ведро пустое
Поставила у колодца
И господина Кима,
Того, что в доме напротив,
Моргнув ему, позвала.
Потом, пошептавшись о чем-то,
За руки взявшись, вместе
Вы в коноплянике скрылись —
И что-то случилось там.
Ни от кого не скрою,
Что видел, как толстые стебли
Качались, словно под ветром,
А тонкие были примяты...
Все мужу я расскажу!
— Ты болтливый мальчишка!
Всё ты врешь понапрасну!
Туда я, как все другие
Женщины нашей деревни,
Ходила рвать коноплю!

*

Вороны то друг друга догоняют,
То, собираясь стаями, летят,
То на верхушку ясеня большого
Садятся все на северном холме,
То на рассвете в воздух вновь взлетают
И в драку шумную вступают снова —
Не разобрать, кто прав, кто виноват!

*

— Эй, филин, ухающий среди ночи
Там, на вершине Шелковичный Червь!
Из многих тысяч жителей столицы
Кому вещает смерть твое «ух-ух»?
— Повесам, изменяющим любимой!

*

Домик свой соорудил я
У подножия холма.
Крыть его мне было нечем —
Я покрыл его травой.
По ночам я слышу только:
Где-то булькает и каплет —
Но дождя я не боюсь!
Не во что одеться было —
Из травы я сплел одежду.
Пусть в «гусиной коже» тело,
И краснеет, и синеет —
Мне и холод нипочем!..
Я всегда и всем доволен —
Только б ты была со мной!

*

— Цвет грушевый роса уже покрывала.
Что ж все не шел ты? Кто тебя держал?
— Так ведь она меня не отпускала,
Всё говорила мне: «Не уходи!»
И не было причины вдруг подняться,
Ее оставить и уйти к тебе!..
А если уж по правде говорить,
То чем, скажи, одна другой вы лучше?!

*

Кричал за окном лудильщик:
«Лужу и чиню посуду!»
Я вышла к нему с вопросом:
«А можешь ли ты, лудильщик,
Залить, заклепать ту дырку,
В которую проскочила
Разлука с моим любимым?»
И так мне ответил он:
«Даже У-ди с Ши-хуаном,
По воле Неба достигнув
Невиданного величья,
Ее удержать не могли!
И Чжугэ Лян мудрейший,
Что мог бы вселенной править,
И чуский баван всеильный
Ее одолеть не сумели!
Так не смешна ли просьба
Такую дыру заделать?!»
— Если сказал ты правду,
Значит, разлука навек?!

*

Мой старый муж в лиловой ходит шляпе,
Из волоса из конского сплетенной,
А милый ходит в шляпе камышовой.
Мой старый муж в своей лиловой шляпе,
Из волоса из конского сплетенной,—
Как пугало на опустевшем поле!
А тот, кто ходит в шляпе камышовой,
Когда посмотришь ночью на него,
Напоминает мне Звезду Рассвета!

*

Уподобившийся человеку,
Как-то ночь провел со мной монах.
Он моею юбкою прикрылся,
Верхнею одеждой гостя — я;
Чоктури под голову он сунул,
Подложила я его соннак;
До краев наполнились любовью
Чоктури мое в стеклянных бусах
И его монашеский соннак!..
Так, как мы любили с ним друг друга,
Верно, в мире не любил никто!

*

Корабельщики и моряки,
Кто по рекам плавает и морю,
В дальний путь выходят за зерном,
Взятым с урожая в счет налога;
В третью и четвертую луну,
Обновив суда и подготовив —
Маленькие, средние, большие,—
В барабаны бьют, и в дудки дуют,
И приносят жертву духам рек
И дракону из глубин морских
Трех сортов отменными плодами.

«По дороге трудной к Чолладо,
По дороге к Кёнсандо опасной
Миновать бы нам благополучно
Скалы близ Ульсана и Чхильсана,
Миновать бы мели у Анхына,
У Сондоля, около Канхва!
Нам пройти бы по волнам бескрайним,
Словно по воде, налитой в блюде,
И вернуться снова в край родной!»

Жертву щедрую приносят духам

И при этом повторяют так:

«Вы не дайте нам в волнах погибнуть!»
И затем: «Пошли! Плещи весло!»
Слава Будде Амитабе! Слава!

*

Из тварей, что живут на белом свете,
Нам первым делом извести бы надо
Всех петухов, а вместе с ними псов!
Лишь только за темно-зеленой шторой
В моих объятьях милый засыпает,
Как, шею вытянув, кричит петух
И хлопает отчаянно крылами —
И милый тотчас покидает дом!
Когда же он в другой раз подойдет
В безмолвии ночном к моим воротам,
Пес, зарывав, бросается к нему —
И мой любимый в дом не входит даже!
Если увижу я торговца птицей
Или собачника, свяжу я крепко
Пса с петухом — и сразу им отдам!

*

Если пряжу из мосі прядут,
Вверх и вниз, свивая, тянут нитку,
А когда она, бывает, рвется,
Два конца оборванных берут,
Белыми зубами зажимают,
Смачивают между алых губ,
Яшмовыми нежными руками
Ссучивают и соединяют...
Если вдруг любовь моя порвется,
Я ее, как эту нить, скреплю!

*

Сначала стемнеет, потом рассветет,
Потом рассветет — и уйдет мой любимый,
Уйдет — не вернется, а я затоскую,
А я затоскую, и я заболею,
И я заболею — и жить не смогу...
А если он знает, что жить не смогу я,
Пусть спать остается — потом уж уйдет!

*

Почему ты ко мне не приходишь?
Отчего тебя нет так долго?..
Может быть, у тебя на дороге
Встала крепость из чугуна?
Может быть, в ней стену воздвигли,
И построили дом за стеною.
И сундук в том поставили доме,
А тебя посадили в него,
По рукам и ногам связали
И, двойную скобу навесив,
На замок золотой закрыли?
Отчего не приходишь ты?..
Год — двенадцать месяцев долгих,
В каждом месяце дней — по тридцать.
Разве дня ты найти не можешь,
Чтоб прийти — навестить меня?!

НАПЕВНЫЕ СТРОФЫ

Каса и чапка

Чон Гыгин

(ПУРУХОН)

1404—1481

СЛАВЛЮ ВЕСНУ

По праву ль мною избранный удел
Вам, погребенные в пыли багряной?
Постигшие «дух ветра и потока»,
Чему учили древние мужи?
На свете, между небом и землей,
Дороги у людей многообразны.
Но разве тот не знает наслажденья,
Кто средь лесов и гор нашел приют?..

Поставил я у синего ручья
Свою лачужку с кровлей травяною.
Я чувствую себя в сосновой роще
Хозяином над ветром и луной.
Зима недавно только миновала,
И ранняя весна настала вновь.
Смотрю, как персики и абрикосы
Уже в лучах заката расцвели.
Под редким дождичком на берегу
Взошла трава, зазеленели ивы.
Чья это кисть все так нарисовала?
Чей нож искусно вырезать сумел?
Чудесна на земле любая вещь,
В которой мы Владыку Неба видим!
В лесах повсюду распевают птицы —

Они не в сплах свой восторг сдержать,
И песен этих каждый звук прекрасен!
Все сущее вокруг и я — одно!
Как я могу не восхищаться миром?!
Стою ли у ограды возле дома
Или, задумавшись, сижу в беседке,
Хожу ли по горам, стихи читая,—
В уединенье дни мои текут.
Здесь жизни смысл, ото всего свободной,
Среди людей лишь я один постиг!

Послушайте, соседи, вас зову
Горами и ручьями любоваться!
Сегодня будем средь полей бродить,
А завтра — в светлой заводи купаться.
С утра мы травы станем собирать,
А к вечеру поближе — порыбачим.
Мы станем молодое пить вино,
Через холстину процедив его,
И каждую из чаш цветком отметим.
Лишь теплый вешний ветерок повеет,
Челнок направьте к дому моему!
Здесь ароматом будут полны чаши.
Здесь алый цвет деревьев, осыпаясь,
Покроет платье дорогих гостей.
Вина не хватит — вы лишь мне скажите,
И мальчика я в кабачок пошлю.
Из дома выйдем — и вино за нами
В корзинах ребятишки понесут.

Стихи читая про себя, брожу,
Сижу у речки с дном белопесчаным
И вниз смотрю. И, чашу сполоснув,
Вновь наполняю... А поток прозрачный
Цвет персиков уносит по волнам.

Не здесь ли дивные сады Улина?
Не за соседней ли они горой?
Между кустов цветущих, между сосен
По узенькой тропинке пробираюсь
К вершине, утонувшей в облаках.
Внизу я вижу тысячи селений.
Под ярким солнцем, в чуть заметной дымке
Земля вся кажется расшитой шелком.
Еще недавно темные долины
Вновь заиграли красками весны!

Богатство с знатностью мне ненавистны,
И почести и слава — ненавистны.
Друзьями верными назвать могу я
Лишь свежий ветер, ясную луну!
Покой и бедность для себя избрав,
Тщеславыю в мыслях не даю я места.
Что может быть прекрасней вольной жизни
Среди зеленых гор и синих рек?!

Чон Чхоль

ТОСКУЮ О МИЛОМ

1

На свет я родилась лишь потому,
Что мне предназначалось быть с тобою.
И разве в небесах о том не знали,
Что путь земной нам проходить вдвоем?
Лишь для тебя была я молодой,
Одну меня любил ты в целом мире.
Такой любви, как эта, не бывало,
И для нее сравненья не найти!
С тобой в покои Лунного Дворца
Еще недавно мы входили вместе.
Так почему же старость я встречаю
Совсем одна, от милого вдали?

За что меня услали в мир людей
И всех небесных радостей лишили?
С тех пор уже три года миновало,
Как не расчесывала я волос,
Румян не доставала и белил;
К чему мне украшенья и наряды,
Когда, как снежные сугробы в поле,
Лежит в душе глубокая печаль?..

Что бы ни делала — вздыхаю я,
Куда бы ни пошла — роняю слезы
И думаю: предел положен жизни,
А горю моему предела нет!
Минует время, как вода бежит,
И в свой черед приходит зной и стужа.
Зима идет за летом — и окрестность
Свой облик изменяет на глазах.

2

Мне всё вокруг о милом говорит,
Всё будит отклик и воспоминанье.
Восточный теплый ветерок повеял,
Последние сугробы растопил.
На ранней сливе под моим окном
Покрылись ветви первыми цветами.
Зачем они так свежи и прекрасны?
И для кого благоуханье их?

В вечерних сумерках встает луна,
Ее лучи касаются подушки.
Я плачу и смеюсь: мне показалось,
Что это ты незримо в дом вошел.
Когда бы, ветку сливы отломив,
Ее послала я тебе, любимый,
Как прочитал бы ты письмо такое?
Что стал бы думать, на него взглянув?

3

С деревьев вешний цвет уже опал,
И тень от них на землю опустилась.
За занавеской, на которой вышит
Цветущий лотос, я сижу одна.

Откинув занавеску, вновь смотрю
На ширму с нарисованным павлином.
Всегда ли время тянется так долго,
Когда скорбит о прошлом человек?

Отмерив золотою меркой шелк,
Крою его и подбираю нитки:
Хочу, чтоб пара уток-неразлучниц
Украсила твой праздничный халат.
Я в вышивке искусна и в питье —
И глаз обрадует моя работа!
Кладу халат в ларец из белой яшмы,
Ларец укладываю на чигé.
Хотела бы послать его тебе —
Через высокие крутые горы,
Всегда затянутые облаками,
Где нет ни перевалов, ни дорог.
Кто мой подарок сможет отнести?
Кто десять тысяч ли пройти сумеет?
А если бы сама я одолела
Опасный этот путь, ты был бы рад?

4

Осенний иней выпал на поля.
С прощальным криком гуси улетели.
Поднявшись на последний ярус башни,
Через хрустальное окно смотрю.
Над темною горой взошла луна.
Полярная Звезда стоит на небе,
Всегда прекрасная, как мой любимый,—
И слезы набегают на глаза!

Собрав в охапку свет луны и звезд,
К Палате Фениксов его отправлю.

Пусть яркими лучами воссияет
Над городом, где милый мой живет,
Чтоб все четыре стороны земли
Прозрачным этим светом озарились,
Чтоб на горах и в глубине ущелий,
Как в летний полдень, стало вдруг светло!

5

Зима и на земле и в небесах,
И снег уже окрасил белым цветом
Окрестные холмы, поля и рощи,
И реку Сяосян сковало льдом;
Не слышно голосов людских нигде,
Не видно птиц, летавших здесь недавно.
А если и у нас похолодало —
Как холодно в Нефритовом Дворце!
Он мрачен и высок, в нем солнца нет —
Над ним оно, наверно, и не всходит...
К тебе сама широким опахалом
Я погнала бы внешнее тепло!

6

Малиновую юбку подоткнув
И аккуратно засучив до локтя
У темно-синей блузки рукава,
По рощице бамбуковой брожу я.
Понять стараюсь, в чем моя вина?
День на исходе. Долго ночь продлится.
В дом воротясь, сижу я неподвижно,
О локоть подбородком опершись.
Придвинувшись поближе к фонарю,
Прикрытому светло-зеленым шелком,
Беру я в руки цитру, на которой
Из перламутра выложен узор...

Ложусь под одеяло, а на нем
Красуются две уточки, как прежде.
И ночь всё не кончается, всё длится.
И зябко мне, и не приходит сон...

Всего двенадцать месяцев в году.
Но в каждом тридцать дней таких, как этот.
Где каждый час и каждое мгновение
Исполнены печалью о тебе.
Она таится в сердце у меня.
Подобная неведомой болезни:
С ней совладать не мог бы и Бянь Цяо
И от нее лекарства нет нигде!

О, если б мне скорее умереть
И вновь родиться бабочкою пестрой!
Порхала бы я солнечной порой
С цветка и на цветок в траве зеленой.
И над плащом пурпуровым твоим
Я вечно крылышками трепетала б,
Тебя овеивая ароматом...
А ты бы и не знал, что это я!

РАЗГОВОР ДВУХ ЖЕНЩИН

Первая

Постой, я тебя узнала!..
Поведай мне, что с тобою?
Ты прежде жила в покоях
Нефритового Дворца!
В такую позднюю пору,
В час, когда солнце заходит
И тени на землю ложатся,—
Зачем и куда идешь?

Вторая

Послушай, всё расскажу я...
Ни обликом, ни обхождением
Милого я не достойна —
И знала об этом всегда!
Но, встретившись с ним однажды,
Я стала его подругой
И с той незабвенной минуты
Верно служила ему.
Думала только о милом,
Во всем ему угождала.
Что же переменился
Любящий взор его?
Лежу ли ночью в постели,
Стою ли днем у калитки —
В памяти перебираю,
В чем согрешила пред ним.
Небо ли так велело?
Люди ли в том виновны?
Наверно, всему начало
В самой природе вещей!

Первая

Тебя я прошу: не надо.
Не надо об этом думать!..
О том, что в сердце таится,
И я рассказать могу.
Я милого тоже любила,
Я знала его тревоги:
Только со мною, бывало,
Вкушал он покой и мир.
Кто же теперь ему служит
Весною сырой и зябкой?
Летом жарким и душным?
Осенью и зимой?
Кто вечером или утром
Еду поднесет к постели?
В долгие-долгие ночи
Как может он спать один?
Как бы хотела знать я,
Что он делает, милый?
Но день уже на исходе —
Кто мне весть принесет?

Темно на душе и мрачно.
Куда же теперь идти мне?
Всхожу по крутому склону
На вершину горы.
То ли туман над нею,
То ли сходятся тучи.
Где здесь пробиться сиянью
Солнца или луны?
Кругом и горы и реки
Мглою густой покрыты.
За тысячи ли отсюда
Что различить я могу?

Иду я на берег речки —
Взглянуть хоть на след от лодки.
Вижу пустую лодку,
А лодочника все нет!
В час, когда солнце заходит,
Там только ветер и волны,
И призрачной кажутся тенью
И милый, и весть о нем.

Возвращаюсь под кровлю
Одинокого дома.
Для кого у окошка
Зеленый фонарь горит?
То лягу, то снова встану,
Брожу по комнатке тесной,
То в чутком сне забываюсь —
И с милым встречаюсь вновь!
Увы! Я вижу: украдо
Беспощадное время
Красоту неземную
Яшмового лица.
Всё, что в сердце хранится,
Спешу я сказать — но слезы
Сами собою льются,
И слов не могу найти!
А в это самое время
Петух рассвет возвещает —
И исчезает виденье...
Где ж он, любимый мой?
Я поднимаюсь с постели,
Распахиваю окошко:
Лишь луч луны заходящей
Заглядывает в лицо.

О, если бы умерла я
И стала луною в небе,
Чтоб тихим светом проникнуть
В окна покоев его!

Вторая

Лунным светом — не надо!
Пролейся над ним дождем!

ПУТЕШЕСТВИЕ В КВАНДОН

Мучимый тяжким недугом,
Долго я ждал исцеленья,
Жил в бамбуковой роще
Среди рек и озер.
Но государь повелел мне
В Квандон необъятный ехать,
И тотчас за назначеньем
В столицу я поспешил.

О государь, безгранична
Твоя доброта и милость!..
В Воротах Западных спешась,
Я к Башне Торжеств прошел.
Затем, ко двору представясь,
Получил на служенье
Нефритовую дощечку —
Доверья и власти знак.

И вот пустился в дорогу:
Доехал до Пхёнгуёка,
Потом лошадей сменил я
И повернул на Хыксу.
Сомган осталась за мною,
Чхиак впереди поднялся.
Куда вы стремглав несетесь,
Воды реки Соянган?

Я стар, одинокий сановник,
Покинувший двор и вана.
Давно уже поселилась
В моих волосах седина.
На дворе постоялом
Ночью глаз не сомкнул я.

Едва рассвело, поднялся
К Башне Полночных Пространств.

Отсюда, казалось, я вижу
Дворец Кунье знаменитый,
Над которым сегодня
Только сороки кричат.
Им, быть может, известны
Тайны паденья и взлета,
Расцвета и возвышенья
И гибели государств?

О, если бы можно было
Вернуть величье и славу
Добрых времен минувших
Правления Цзи Чжан-жу!
К Кленовым Вершинам дорога
Идет по берегу речки.
Оставив поклажу, бреду я
Каменистой тропой.

Здесь, среди Гор Алмазных,
В Манпхоктонской долине
Стою, опершись на посох,—
Любуюсь радугой я;
Цветистей, чем хвост дракона,
Она поднялась над ущельем,
Где гром непрерывно грохочет
И словно бы снег идет.

Над гребнями Гор Алмазных
На самых крутых вершинах
Гнездится журавль священный,
Выводит своих птенцов.

Весенний ветер, играя
На свирели из яшмы,
Баюкает их ночами,
Будит их ото сна.

В своей черно-белой одежде
Парят журавли в поднебесье
Или, резвясь и играя,
Носятся взад-вперед.
И смотрит Линь Бу-отшельник
На полет журавлиный —
И поселяется радость
В старом сердце его.

...Уже далеко остались
Две вершины, что схожи
С парой больших курильниц,—
Если сверху смотреть.
Поднимаюсь все выше.
Потом сижу, отдыхая,
На Террасе Покоя
В обители Чонъянса.

Славлю тебя, создавший
Все, что нас окружает!
Одна за другою горы
Громоздятся вдали;
Каждая — словно лотос,
И тысячи лотосов ярких
Шелковым поясом белым
Связал Владыка в букет.

Гора Мангодэ на востоке
Вздывает голову к небу,
На западе, в отдаленье,
Пик Хёльманбон стоит.

О чем бы мог он поведать,
Могучий и одинокий?
Проживший тысячелетья,
Как не согнулся он?..

С Террасы Добра я вижу
Город белых утесов —
Там легкой дымкой повиты
Двенадцать тысяч вершин.
Там в чистоте первозданной
Облаков и туманов
Воплощена от века
Душа благородная гор.

О, если бы можно было
Вновь создать человека
Из этой волшебной дымки,
Из красоты неземной!
Он был бы велик, как горы,
Как горы, был бы прекрасен...
Но мир — увы! — пребывает
Таким, каким сотворен!

Кто и когда по кручам
На пик Пиробон поднялся?
Никто... Но люди стремятся
Достичь вершины вершин.
Конфуций с высот Дуншаня
Всю землю увидел — и понял,
Что царство Лу в мирозданье —
Как веревки кусок!

Простор Поднебесной тоже —
Всего лишь лоскут вселенной,
До рубежей которой
Не доходил никто.

Тому ж, кто решил однажды,
Что подниматься не надо,
И не достиг вершины,
Так ли уж страшен спуск?..

По Вонтхонской долине
До Львиной Скалы я добрался.
Здесь из-под серого камня
Течет ручей Хварёндам.
Тысячелетним удавом
Вьется он по ущелью,
К синему морю бежит он,
Спешит он и день и ночь.

Здесь горные склоны и кручи
Иссохшей травой покрыты,
Ждет трава не дождется
Сливового дождя.
Здесь, в монастырском храме,
В Манпхоктонском ущелье
Изображенье Манджушри
Паломник мне показал...

Но — хватит смотреть на горы.
Восточное море близко.
Конь мой тащит повозку
К Башне Горная Тень.
Здесь, радуясь нашей встрече,
Птицы щебечут и свищут.
И вот лазоревым флагом
Море взметнулось ввысь!

Как трубы и барабаны,
Волны гремят и грохочут
И разгоняют тучи,
Нависшие над водой.

И очарованный путник
С моря взора не сводит.
А конь по песчаному плесу,
Покачиваясь, идет.

Потом, в стороне оставив
Красоты бурного моря,
Сворачивает дорога
В заросли диких роз.
Белая птица взлетела,
Крыльями затрепетала.
Белая чайка, не бойся —
Я издавна друг тебе!

Окольным путем я добрался
К Кымнангульской пещере.
Здесь от Нефритовой Башни
Остались руины одни!
О чем они повествуют,
Белые эти колонны?
Об искусстве Гун Чуя?
О том, кто разрушил их?

Косон позади я оставил
И к Бухте Трех Дней подъехал:
Шесть иероглифов красных
На склоне горы видны.
Где же четыре хварана,
Которые их написали?
Куда они удалились,
Ушли на четвертый день?

К Озеру Развлечений?
Или к Пруду Бессмертных?
Неужто они не присели
В Беседке Горный Ручей?

Печально кричит кукушка.
Слива свой цвет роняет.
Мне никто не ответит —
И я продолжаю путь...

Заночевать решил я
На склоне восточном Наксана.
До рассвета поднялся,
Чтобы встретить восход.
Увидел я в это утро,
Как дракон шестиглавый
Гряде облаков пятицветных
На небо поднимал.

Когда ж запылавшее солнце
Отделилось от моря,
Замерли в восхищенье
Все десять тысяч царств!
Оно поднялось так быстро
И всё вокруг осветило,
И каждая волосинка
Стала тогда видна!

Давно уже нет поэта,
Но он рассказал об этом.
Кто утверждать решится,
Что слов его тоже нет?
Сердце другому сердцу
Раскрывает так много!
И благодаря поэту
Мир открывается нам!

...Вдоль подножья Хёнсана
Тащит мой конь повозку.
В лучах заходящего солнца
Спускаюсь к бухте Кёнпхо.

Здесь, на пологих склонах,
Кусты чхольчук расцветают,
Группами стройные елки
Выбежали на мыс.

Не шелохнется море —
Поверхность его простерлась
Куском серебряной ткани,
Проглаженной утюгом.
Сквозь прозрачную воду
Дно песчаное видно.
Сажусь в одинокую лодку,
Взмахиваю веслом.

В час предвечерний заводь
Спокойна и величава.
Лодка моя проплывает
Под мостом Канмунгё.
Что на свете прекрасней,
Чем эти места у моря,
Где живо воспоминанье
О юной красе Хонджан!

А вот и Каннын обширный,
Где девушкам добронравным
И юношам благородным
Ворота посвящены.
Все вокруг — как когда-то,
В эпоху Яо и Шуня,
Когда благодатью небесной
Был каждый дом осенен!

Где-то предел положен
Скитаниям человека,
Но нет предела надеждам,
Которыми он живет;

Он в высоту стремится,
Чтоб на плоту бессмертных
От северных звезд до южных
По вечному небу плыть.

...Землю от края до края
Пристальным взором окинув,
Стою, по ступенькам поднявшись
К Беседке Над Синей Водой.
Кто бушевать заставляет
Эти громадные волны?
Кто швыряет их в небо
Серебряною горой?

Кто друг на друга несет их?
Кто могучим ударом
На тысячи мелких осколков
Вдруг разбивает их?
Зачем, кто может ответить,
Над гневно шумящим морем
Разносит ветер весенний
Вишневые лепестки?

...И снова стихает море.
Сумерки наступают.
Скоро из-за Фусана
Взойдет молодая луна.
Жемчужную занавеску
На небе она поднимет —
И ярко блеснут на море
Яшмовые островки.

Восходит Звезда Рассвета.
Лотос цветы раскрывает.
И всё, что меня окружает,
Подарено Небом мне.

И всё, что глаза мои видят
В этом чудесном мире,
Я непременно должен
И другим показать!

Я к луне обращаюсь:
Пусть она мне ответит,
Где те четверо славных?
Куда удалились они?
Где те четыре хварана,
Что путь на восток держали?
Из запредельного края
Кто восточку мне подаст?

Устал я в долгой дороге.
Однажды остановившись,
Прилег под старой сосною
И вскоре крепко уснул.
И мне явился бессмертный,
И в чудном сне я услышал:
«Должно быть, ты провинился
Перед Владыкой Небес?

И грешника он низринул
В человеческий омут...
Но погоди немного,
Вина моего испей!
Неиссякаемой чашей
Будет нам Ковчг Небесный.
Синей водой океанов
Мы наполним его.

Раз, и другой, и третий
Пригубим волшебный напиток —
И божественный ветер
На крыльях поднимет нас.

Край запредельный снова
Откроется перед глазами...
Выпьем волшебный напиток,
Всех людей напоим!»

Так сказал небожитель,
И на журавле вознесся
Ввысь, к Девятому Небу,
Откуда спускался ко мне.
В воздухе раздавались
Звуки нефритовой флейты.
Проснулся я — и увидел:
Только море внизу.

Его глубин я не знаю,
И что вокруг — я не знаю.
А свет луны озаряет
Землю, и воды, и твердь...

СОНСАНСКИЕ НАПЕВЫ

В Сонсан пришел однажды некий странник
И к Ким Сонвону обратился так:
«Не мог бы ты, любезнейший хозяин
Беседок Сигёнджон и Сохадан,
Мне разъяснить мое недоуменье:
Так много радостей доступно нам —
Зачем же ты всему предпочитаешь
Уединенье среди гор и рек?»

Подмел хозяин под большой сосной,
Потом на лавку положил подстилку.
К бамбуковому столику присев,
Они окинули окрестность взглядом.
По небу проплывали облака
К горе Сосок, что служит им жилищем,
То собирались у нее на склонах,
То снова уходили от нее.
Внизу сверкала горная река:
Небесная Ткачиха с громким шумом
По солнечной долине расстилала
Свои шелка, чтоб выкроить из них
Невиданные на земле одежды.

И вот что страннику сказал хозяин:
«Здесь я не помню о календаре,
Здесь время года узнают по краскам
Холмов окрестных и листвы деревьев.
И всё, что видишь ты перед собою,
Есть мир отрекшихся от суеты.

*

Весна ко мне приходит тенью сливы,
Что расцветает под моим окном:
Меня ее благоуханье будит;

И с первыми лучами с ложа встав,
Я выхожу на солнечный участок,
Где высадил рассадку огурцов.
Здесь много дела у меня всегда:
Окучиваю, грядки подправляю
Или выпалываю сорняки,
Как тот старик, что у Ворот Зеленых
Нашел себе занятие по душе.

Обув соломенные башмаки
И прихватив бамбуковую палку,
Иду я мимо персиков в цвету,
Потом вдоль луга по тропинке узкой.
А каменные ширмы скал прибрежных
В зеркальной отражаются воде,
И тень от них меня сопровождает,
Как верный друг, до Западной реки...
Не здесь ли дивные сады Улина?
Не здесь ли Персиковый Ключ течет?

*

Внезапно налетевший ветер с юга
Ветвей густую сень пошевелил.
Трель несравненная слышна из рощи —
Откуда прилетел ты, соловей?..
В беседке над узорчатой водой
Дремлю я на подушке Си-хуана,
Про все дела мирские позабыв;
Халат из мешковины подобрал
И шляпу из дерюжки нахлобучив,
Любуюсь долго стайками рыбешек,
Резвящимися на песчаном дне.
В долине ночью дождик прошумел,

И лотос розовый, и белый лотос,
Испив прохладной влаги, расцвели.
Затишье. Всё вокруг благоухает.
Как будто встретил я сейчас Лянь-си
И тайну бытия он мне поведал
Или даос, постигший мудрость мира,
Открыл мне книгу Яшмовых писем.

Скалу Бакланов обойдя, стою
У отмели, на тропке каменистой.
Укрывшись от полуденного солнца,
Сяжу я под сосной на берегу.
Из синей речки выйдя на песок,
Со мною рядом мирно утка дремлет
Или, внезапно отряхнувши сон,
Заводит дружбу с хлопотливой чайкой.
На целом свете нет существ свободней,
Чем утка, чайка белая и я!

*

Сквозь сень одона лунный луч скользнул.
Уже четвертую пробили стражу,
А тысячи ущелий и оврагов,
Равнин и гор освещены, как днем.
Не во дворце ли я сейчас Хрустальном,
Воздвигнутом на озере Сиху?
Или через Серебряную Реку
Перемахнул и на луне стою?..

Двойняшки-сосны над рекой склонились.
Пониже — рыболовные мостки.
Челнок отвязываю. Среди ряски
И зарослей ореха водяного
Плыву один — неведомо куда.

А на зеленом берегу реки
Пасут коров крестьянские мальчишки.
Я слышу в предвечерней тишине
Далекий звук пастушеской свирели.
И чудится, что от него проснется
Дракон, живущий в омуте речном.
И журавли, свои покинув гнезда,
К заре закатной взмоют в высоту.

Су Ши в поэме „Красная Стена“
Воспел Седьмого месяца красоты.
Но разве кто доказывать решится,
Что середина месяца Восьмого
Не так же хороша, когда в ночи
Прозрачна даль и плещется порою
Волна у берега? Луна взошла
И посреди реки на якорь стала...
Вот так Ли Бо заморожен был сказкой
И утонул, когда ловил луну!

*

В горах сметаает ветер нелюдимый
Опавшую поблекшую листву.
Он стаи туч перед собою гонит,
Поля пустые инеем покрывает.
Владыка Неба вырезал искусно
Из яшмы белоснежные цветы
И разукрасил ими десять тысяч
Безлистных рощ и тысячи садов.

У переправы реку лед сковал,
И мостик обветшал и покосился.
Бредет через него старик-монах,
Настил ощупывая толстой палкой.

В какой обители покой найдет он?
Я знаю, что безмерно он богат,
Но тайн обогащенья не откроет:
Пусть сам отыщет человек дорогу
В тот храм, что убран серебром зимы!

Нет собеседника в горах пустынных.
Здесь, летописи ханьские читая,
Воображением я постигаю
Деяния глубокой старины.
О, сколько воинов и мудрецов
Стремились к истине и совершенству!
Но с той поры, как твердью мир накрыт,
Он неустойчивостью отличался.

Непостижимы судьбы царств земных,
Эпохи процветанья и паденья!
Немыслимо печален путь, которым
Мятущийся проходит человек!
Прав был Сюй Ю, когда в горах Цзишань
Водой источника промыл он уши.
Звук черпака, звеневшего под ветром,
Напоминал ему об искушенье
И укреплял решимость. Он остался
Душою чистым, совестью прямым.
Подобно туче, приносящей бурю,
Мирская суета несет беду...

Вино есть молодое у меня,
И я к нему недавно пристрастился.
Кувалин придвинув, чашу наполняю
И пью, чтобы забыть о всех печалях.
Перебирая струны комунго,
Я начинаю петь про „Ветер в соснах“...

Ты знаешь, я уже почти забыл,
Кто гость сегодня здесь, а кто — хозяин.
Должно быть, господин долины этой,
И гор зеленых, и прозрачных рек —
Журавль, тот, что парит сейчас над нами,
Тот, кто нас ждет в Нефритовом Дворце!»

И так хозяину промолвил странник:
«А разве ты не из бессмертных сам?»

Пак Инно

ПЕСНЯ О ЕННАМЕ

Что стали делать люди, возвратясь
На землю разоренного Еннама,
Когда стремглав от нас враги бежали
И кончилась Имджинская война?
Среди руин, заросших лопухами,
На пустырях землянки стали рыть,
И надо было вновь пахать и сеять
На брошенных давно уже полях!
Забот и тягот у людей хватало,
Повинностей у них не стало меньше!
В трудах своих о времени забыв,
Всегда голодные, в одежде ветхой,
Они хранили верность государю,
Который видит все и знает все!

О государь наш совершенномудрый!
На десять тысяч ли вокруг он видит.
Его добросердечью нет предела,
И добродетели границы нет!
Чтоб люд простой мог к жизни возродиться,
Вас, достославного, он к нам послал!

Лишь тот, чья мысль, как море, глубока,
Чьи помыслы светлее белой яшмы,
Мог «девять основных установлений»

Народу бедствовавшему явить!
Вы поступаете, как Цзи и Се,
Вы правите, сангук, как Шунь и Яо,—
Дух вечной истины и просвещения
Вы рассеиваете в толпе людской!
Вы, как отец, печетесь обо всех
Семидесяти областях подвластных;
Вы — словно мать, что днем и поздней ночью
Больное пестует свое дитя;
Вы — словно дождь, пролившийся с небес
На нивы в пору Засухи Великой;
Вы — словно тот, кто в пруд родной вернул
На суше задохнувшуюся рыбу;
На тысячи семейств, на много тысяч
Всегда хватает вам забот и благ!

Как будто внешним ветром веет там,
Где добродетель стала основанием
Всего, что, о сангук, вершите вы
Для дела ратного и земледелья.
Здесь мирно трудится простой народ:
Крестьяне пахут, ткут холсты крестьянки.
Но войско храброе готово к бою,
И крепкий лук и стрелы под рукой.
Подобная луне после дождя,
Ясна ваша душа, и дух ваш светел.
Вы государю преданы всегда
И государственным делам, в которых
Стремитесь строго следовать закону
Незыблемых естественных начал.
Вы знаете: решением мудрым было
Назначить вас правителем сюда.
Не диво ли неслыханное в том,
Что свой народ правитель осчастливил?
Кто может оставаться равнодушным

К деяниям подобным, зная их?
Любовь у простолюдинов снискав,
Чиновники, поставленные вами,
Преобразили нищие селенья
В обетованную страну Улин.
Бамбуковая роща предо мной.
В ней школа, где Конфуция читают.
В беседке средь зеленых тополей
О веке золотом я слышу песню.
Да, славные настали времена,
Такие, как при Гэ-тянь-ши когда-то.
Сердца, не ведавшие благодати,
Открылись для ученья и добра.
Все тяжбы прекратились навсегда;
Темницы ворота свои раскрыли;
Судейские подворья опустели,
Не стало жалобщиков и сутяг.
В тысячелетье раз бывает так,
Чтобы судья без дела оставался:
Покой и тишина стоят повсюду,
И некого и не за что судить!
Своей дорогой женщина идет,
Своей дорогой следует мужчина.
И на полях возделанных не спорят
О том, где полагалось быть меже.

Поведай мне, кукушка, расскажи,
Встречала ли ты край такой, как этот?
«Ку-ку... ку-ку! Я далеко летала,
Такой страны, как эта, не нашла!»
Не забывайте, люди, ни на миг
Благодеянья своего сангука!
Купите шелку белого побольше,
Того, что прежде ткали в царстве Ци,

Пусть краски рисовальщики возьмут
И все дела правителя опишут —
Так, как уже когда-то описали
Великие деянья Сыма Яня!
Пусть вывешат полотнища в селеньях,
Чтобы о Ли Гынвоне знали все!

Хо Нансорхон

(наст. имя — ХО ЧХОХИ)

1563—1589

ТОСКА НА ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ ДОМА

Так недавно была молодой,
И красивой была, и счастливой!
Застревает в горле комком
Это грустное слово — старость...
Мать с отцом любили меня
И, лелея, меня возрастили,
И не князя искали они,
А достойного человека.
Но явился однажды сват,
Вслед за ним — гуляка столичный,
И, как водится, навсегда
Жизни наши соединили.
Я служила ему от души.
(Как по тонкому льду ступала!)
Дважды восемь девичьих лет
Мне тогда едва миновало.
Небом данная красота
Расцветала сама собою —
И казалось, что за нее
Приготовит судьба награду!

Но спешили прийти и уйти
Вешний ветер и месяц осенний,
Тот, который среди облаков —
Как челнок на станке средь нитей...

На щеках румянец горит,
Кожа белая, словно яшма,—
Где все это исчезло вдруг?
Для кого я теперь желанна?
Посмотрю на свое лицо —
И глаза отвожу в испуге,
И стыжусь себя, и сержусь,
На кого я сержусь — не знаю!
...Говорят, в селенье у нас
Люди новые появились.
Как стемнеет, гуляют все
По окрестным лугам и рощам.
По сизу я дома одна
И гадаю, где привязал ты
Белоснежного скакуна
С золочеными удилами.

...Если ты далеко от меня,
Значит, я навсегда забыта?
Если ты не видишь меня,
Значит, больше уже не любишь?
Год — двенадцать месяцев долгих!
В каждом месяце дней — по тридцать!
Сколько раз под моим окном
Отцветала ранняя слива!
Зимней ночью мороз суров
И метель метет, не стихая.
Летним днем обложные дожди
От зари до заката льются.
И весенней порой, когда
Зеленеют над речкой ивы
И пестреют в поле цветы,—
Ничего я не замечаю.
И осенней порой, когда
Лишь луна меня навещает

И стрекочет в углу сверчок,
Я вздыхаю и горько плачу.
От жестокой судьбы такой
Смерть одна несет избавленье.
Только силы нет у меня
Этот камень поднять и сбросить!

Зажигаю во мгле свечу.
Комунго беру и играю.
И струна комунго звучит
В лад печали моей глубокой.
Так в дождливую ночь бамбук
У реки шелестит одиноко.
Так кричит под луной журавль
У могилы тысячелетней.
Я играю — и жду, когда
Голос твой у дверей раздастся.
Но за пологом — никого,
И никто меня не услышит!
Изболелось сердце в тоске,
Разорваться в куски готово...
О, когда б я могла уснуть,
Чтоб во сне с тобой повстречаться!
Но шуршит на ветру листва,
И кричат непрестанно птицы —
Как враги, ни ночью ни днем
Ни на миг не дадут забыться!

Волопаса Ткачиха ждет
За Серебряною Рекою.
В день седьмой, в седьмую луну
Суждена ей с любимым встреча.
Ты же, верно, у той реки,
Что в далеком краю бессмертных,—
Потому ли весть не подашь?

Никогда уже не вернешься?..
На дорогу молча смотрю,
По которой милый уехал.
На траву упала роса,
И вечерние тучки скрылись,
Средь бамбука в роще густой
Закричала тоскливо птица.
Говорят, на земле у нас
Хватит горестей и печалей.
Только той, что мучит меня,
Не встречали люди ни разу...
И сама не могу понять —
Умерла я или жива я!

СКИТАНИЯ ПО МОРЮ

(Отрывок)

...На судно я поднялся в день двадцатый
Луны девятой, в год Пёнджин, в тот час,
Когда волна прилива набегала.
Казался крохотным кораблик наш.
Со мною вместе были Ли Юбо
И шестеро бывалых мореходов.
Отдав себя во власть попутных ветров,
Мы парус подняли и вышли в путь.
Над западной грядой далеких гор
Садилось солнце, в море отражаясь.
Оно застлало водные просторы
Шелками красными и голубыми.
Где небо тут? И где вода? Кто знает?
«Цвет у воды и у небес един!...»
Вина отведав, охмелев немного,
В блаженстве такт рукою отбивал я,
Когда с северо-запада внезапно
На море вихрь могучий налетел.

Тут волны, высотой с Тайшань, взметнулись
Над безднами морскими до небес.
И страшно стало мне и мореходам,
И растерялись все — куда здесь деться?

Ведь мы, как птицы, улететь не можем!
Так где же нам спасение найти?
Сгущалась быстро мгла, и в темноте,
Как лепесток, носилось наше судно.
О, горе нам! В чем согрешили мы?
За что должны мы мать с отцом покинуть?
И Жизнь, и Смерть нам посылает Небо.
Таким от века был удел людской.
Но стать «голодным духом» в чреве рыб —
Что может быть печальней и ужасней?
Подумаешь о детях и жене —
И словно перехватывает горло!
А если надо так — зачем еще
Терзанья голода, мученья жажды?..

Должно быть, небеса к нам снизошли —
И ливень ниспослали благодатный.
Тогда, руками мачту обхватив,
Мы ртом ловили капли дождевые.
Мучительную жажду утолили,
Но холодом сковало нам гортань...
Когда светлело — день мы узнавали,
Когда темнело — узнавали ночь.
И вот на горизонте перед нами
Три острова высоких показались.
Япония! — Мы догадались сразу
И стали поднимать поникший парус.

Но тут опять переменился ветер —
И острова исчезли вдалеке.
А волны снова уносили нас,
И мы, как милости, просили смерти.
Вдруг слышим, как, по палубе ударив,
Забилось что-то — страх нас охватил!
Взглянули — рыбина размером в чок,

Вся черная, по мокрым доскам скачет!
Живую плоть на части разорвав,
На восьмерых мы рыбу разделили.
Так поддерживали мы и сберегли
Жизнь, что чуть тлела в ослабевшем теле.
Кто скажет: Небо пищу нам послало
Иль духи океана принесли?
Когда бы эту рыбу мы не съели,
В живых остался бы хоть кто-нибудь?

Шли дни... В четвертый день луны десятой
Пред нами новый остров показался.
Где ж силы взять, чтоб до него доплыть?
Но в этот раз порыв могучий ветра
Понес корабль — нас к острову прибило,
И восемь человек с трудом великим
На берег северный его взошли —
И наконец вздохнули с облегченьем!
Взглянули мы назад, на наше судно.
Оно разваливалось на куски
И уходило. Но куда — кто скажет?
И, ужаснувшись, Небо мы спросили:
На этом свете мы или на том?
И все заплакали...

Неизвестные авторы

ПЕСНЯ О СКАЛЕ ДОЛГА

К Павильону Чхоксонну взойдя,
Прошрое охватываю мыслью.
Думаю о подвиге великом,
Слезы перехватывают речь.
Пусть века пройдут — но кто забудет
Имя славное кисэн Нонгэ?!

Здесь у нас, где люди с давних пор
Сохранили верность Трем Началам,
Вечным Добродетелям Пяти,
Расцветал мой город всем на диво.
Здесь Намган — как пояс золотой,
Здесь гора Летящий в Небо Феникс.
Здесь, в Чиняне, дух вершин и рек
Воплотился в девушке красивой.
У нее душа была — как яшма,
Помыслы — всегда чисты, как иней.
Но увы! Красавице пришлось
Стать «цветком у самого забора,
Ивою у людного пути»!

Наступил несчастный год Имджин.
Преданность стране и государю
Малым ручейком едва журчала,
А рекой могучей не была!

Горе нам!.. И каждому — свое,
Каждому свой жребий предназначен!
Гневом праведным Нонгэ зажглась!
Здесь, у Павильона Чхоксонну,
В красной юбке и зеленой кофте
На скалу, похожую на спрута,
Поднялась она и стала ждать.

Вражеский военачальник к нам,
Как свирепый тигр, тогда явился.
Но, как мотылек летит к цветку,
Поспешил он к той, что ожидала!
Обхватила девушка его
Яшмовыми белыми руками,
Увлекла его с собой в пучину,
Погрузилась в синюю волну!
Потемнели небо и земля,
Духи зарыдали-застонали,
Оттого что госпожа избрала
С древности благословенный путь!..

Кто владыке своему служил
Так самоотверженно и верно?
Есть ли кто на свете среди женщин
Добродетельней кисэн Нонгэ?!

Лунным светом юный лик ее
В зеркале Намгана отразился.
Так печальны были над долиной
Ветра гул и шум дождя глухой.
И собрались все кисэн Чинджу,
Над рекою памятник воздвигли,
Надпись высекли и принесли
Жертву духу светлому усопшей...
Думаю о подвиге великом,
Слезы перехватывают речь!

БЕЛАЯ ЧАЙКА

Чайка белая! Не улетай!
Я тебя ловить не собираюсь.
К государю я попал в немилость —
И пришел сюда вослед тебе.
Чайка белая! Давай с тобой
Мы отправимся в тот край далекий,
Где пять ив стоят в уборе внешнем,
Где невиданно прекрасно всё!
В край, где облака всегда белы,
Реки сини и цветы багряны,
В тысячи ущелий водопады
Извергаются с крутых вершин.
В том краю невиданно прекрасном
Лишь бессмертные одни живут!

В том краю вершины высоки,
Сосны стройные стоят над ними,
Рвется ввысь бамбук темно-зеленый,
Зелень покрывает склоны гор.
Роза дикая на берегу,
Расцветая, жарко пламенеет,
Отцветая, лепестки роняет,
И они кружатся на ветру —
То опустятся, то вновь взметнутся...
Это ли не образ красоты?!

Вижу белку на крутой скале,
Черепашу возле быстрой речки.
В таволге весь день звенят пчуги,
Над пионами жужжит пчела.
Тельце небольшое у нее,
Лапки тоненькие, крыльца слабы:
Трудно спорить ей с весенним ветром,

Налетит — бросает вверх и вниз.
В солнечных лучах она танцует...
Это ли не образ красоты?!

Словно золотая, среди ив
Иволга счастливая летает.
Радостные бабочки-белянки
Вьются, как снежинки, над цветком.
Крыльями в полете трепеща,
Прилетят и снова улетают:
Далеко, как звезды среди неба,
Высоко, как полная луна.
Вьются, и порхают, и кружатся...
Это ли не образ красоты?!

ЖЕЛТЫЙ ПЕТУШОК

На рассвете мы расстались с милым —
И с утра ни вести, ни привета! —
Почему же нет тебя так долго?..
Ведь подумать только — не идет!

Сумерки спускаются на землю,
На луну залаяла собака —
Потому и нет тебя так долго?..
Ведь подумать только — не идет!

«Вешнею водой полны озера».
Глубоки озера в половодье! —
Потому и нет тебя так долго?..
Ведь подумать только — не идет!

«Тучи летние в горах сгустились».
Высоки причудливые горы! —
Потому и нет тебя так долго?..
Ведь подумать только — не идет!

Может, ты забрел куда не надо?
Как Сонджин, послушник у Юкквана,
Тот, что на мосту остановился,
Встретив восьмерых прекрасных фей?
Верно, ты придешь, когда на ширме
Желтый петушок зашевелится,
Вытянет коротенькую шею,
Крыльями разок-другой взмахнет,
Словно он большой и длинношей,
Гордо голову свою поднимет
И о том, что утро наступило,
Громким кукареку возвестит?

Или ты уже, любимый, умер,
Стал волнами Хуанхэ широкой?
Если так, я парусною лодкой
Поплыву с тобой меж берегов!..

Эй, луна! Тебе все сверху видно —
Опусти над милым свой светильник,
Освети то место, где живет он!..

Ведь подумать только — не идет!

«От луны осенней свет струится».
Лунный свет лежит на всех дорогах.
Как же мог ты где-то заблудиться?

Что же до сих пор ты не пришел?

Примечания

Стр. 29

Песня о туге.— Согласно преданию, правитель Силла Хесон-ван (737—741), будучи наследником престола, как-то отдыхая в дворцовом саду под тугей, пообещал сановнику Синчхуну (см. Предисл., с. 10) всегда помнить о нем, но сев на трон, забыл свои обещания. Синчхун обиделся и сочинил эту хянга (две последние строки ее утеряны).

Стр. 30

Плач по умершей сестре.— См. Предисл., с. 10.

Стр. 31

Песня о хваране Кипха.— Хянга сочинена монахом Чхундамом (сведений о Кипха не сохранилось) и является своего рода зеркальной параллелью «Песне о туге» Синчхуна.

Хваран — особый социальный институт в период Объединенного Силла, ведавший воспитанием юношества. У хваранов-наставников были десятки, иногда сотни учеников. Хвараны выполняли шаманские функции, ведали государственным ритуалом, являлись хранителями и творцами местной поэтической традиции. Получая воинскую подготовку и усваивая «основы того, как управлять государством», они со временем становились воинами или пополняли административный аппарат. Из хваранов вышли многие известные полководцы и государственные деятели Силла. О хваранах см. также Предисл., с. 9.

Молитва слепого ребенка...— В сочинении Ирёна «События, оставшиеся от времен Трех государств» сообщается, что эту хянга сочинила женщина по имени Химён (середина VIII в.), пятилетнее дитя которой внезапно ослепло. Она заставила ребенка исполнить хянга перед изображением тысячерукой и тысячеокой Гуаньинь, после чего он прозрел.

Гуаньинь (кит.; кор. Кваным; инд. Авалокитешвара) — в буддизме на Дальнем Востоке богиня милосердия, покровительствующая рождению и исцелению детей, а также защищающая людей от всяких напастей.

Песня.— Входит в состав сюжетного повествования о Чхоёне, помещенного в сочинении Ирёна под 879 г. Чхоён — должностное лицо в Силла и, видимо, шаман; с помощью песни он изгнал духа болезни, завладевшего его женой. Дух болезни поклялся впредь не посещать те дома, где на воротах будут изображения Чхоёна.

Колесо Закона.— Согласно буддийским представлениям, процесс бытия подобен безначальному вращению колеса — Колеса Закона, Колеса Дхармы, Колеса Бытия. Цель буддиста — выйти из круговорота бытия, которое есть страдание, и достичь состояния нирваны. В данном случае поворот Колеса Закона — шаг на пути к просветлению, к освобождению от бытия-страдания. Здесь публикуется шестая хянга из цикла Кюнё.

Согён («Западная столица») — старое название Пхеньяна. В период Корё (X—XIV вв.) были четыре столицы: Западная, Восточная, Южная и Центральная — город Кэсон.

Тэдонган — река, на которой стоит Пхеньян; одна из пяти крупных рек Кореи.

«Туда, где галки черные кружатся...».— Сиджо написано матерью Чон Монджу, государственного мужа, ученого, поэта.

Стр. 45

«Пусть Небом суждено мне умереть...». — Чон Монджу выразил в этом сиджо свою непоколебимую верность прежней династии, когда Ли Сонге захватил трон. Основатель новой династии Ли пытался склонить Чон Монджу на свою сторону, но тот остался непреклонным и вскоре был убит сторонниками Ли Сонге.

Стр. 46

«Нет истины в словах, что облакам...». — В этом сиджо обыгрываются два китайских поэтических образа: «бесстрастные облака», не имеющие отношения к миру суеты (из стихов Тао Юань-мина), и «облака, застилающие солнце» — дурные чиновники, окружающие государя (из стихов Ли Бо). Поэт намекает на обстановку в стране, когда, по существу, все государственные дела вершил советник правителя Конмин-вана (1352—1374) буддийский монах Синдон.

Стр. 47

«Кто говорит, что зимнею порой...». — В соответствии с традицией, идущей от «Бесед и суждений» («Луной») Конфуция, «только сосна и туя не вянут, когда год холоден». «Сосна и туя» символизируют верных подданных. Автор, приверженец прежней династии, не видит вокруг себя преданных государю людей: все «сосны и туи» повывелись. Устоял лишь бамбук. Возможно, поэт имеет в виду себя. С приходом Ли Сонге к власти Вон Чхонсок в знак несогласия с существующим правлением уходит со службы.

...Где пять столетий царства протекли... — Понимается государство Корё (X — конец XIV в.).

Манвольдэ — место в Кэсоне, где находился дворец государей Корё.

Стр. 48

Объехал я руины городов // Когда-то процветающего царства. — Речь идет о государстве Корё, и прежде всего о столичном городе Сондо (ныне Кэсон), пришедшем с воцарением династии Ли в запустение (столица была перенесена в Хансон).

О времена «покоя при луне»... — В переносном смысле: правление совершенного мудрого государя; здесь: время правления династии Корё.

Стр. 50

Нуёк — соломенная накидка от дождя.

Стр. 52

Мансусан — гора в окрестностях Кэсона. Существует предание, будто с этим сиджо на пиру обратился к Чон Монджу сын будущего основателя династии Ли, предлагая ему примкнуть к сторонникам Ли Сонге. Ответом было знаменитое сиджо Чон Монджу (см. с. 45).

Стр. 53

«Над Чанбэксаном взвили мы знамена...» — Как и предыдущее стихотворение, это сиджо написано видным военачальником Ким Джонсо, прозванным «Большим Тигром» за победы над чжурчжэньскими племенами на севере Корейского полуострова.

Чанбэксан (кит. Чанбайшань) — плоскогорье, расположенное на севере Кореи и в Северо-Восточном Китае.

Туманган (кит. Тумыньцзян) — река, берущая начало на плоскогорье Чанбэксан и впадающая в Японское море.

Линъяньгэ — павильон, в котором по указу танского императора Тай-цзуна в 644 г. были помещены портреты двадцати четырех преданных подданных, прославившихся в Китае в разные времена.

Стр. 54

«Когда летит на землю белый снег...» — стихотворение одного из «шести казненных сановников», поддерживавших государя Танджона (см. Предисл., с. 14).

Стр. 55

Пэнлай — в китайской мифологии одна из трех гор-островов в Восточном море, обитель бессмертных. Здесь подразумеваются горы Кымгансан (Алмазные). О Сон Саммуне см. Предисл., с. 14.

Стр. 57

Комунгб — корейский шестиструнный щипковый инструмент, изобретение которого традиция приписывает когурёскому музыканту V в. Ван Санаку. Когда тот впервые заиграл на комунго, сообщает легенда, с неба спустился черный журавль и стал танцевать. Отсюда и другое название комунго — «лютия черплого журавля» (*хёнгым*).

Стр. 58.

«Мне люди говорят: минувшей ночью ю...». — В этом стихотворении автор, один из «шести казненных сановников», скорбит о гибели талантливых людей своего времени, с которыми расправился Седжо, узурпировавший трон в 1456 г.

Стр. 59

«В журчанье волн речных, бегущих мимо...». — Стихотворение является откликом на незаконное восшествие на престол Седжо. В знак протеста поэт оставил службу и стал отшельником.

Стр. 60

«Взошел я на вершину Пэктусана...». — В этом сиджо прославленного полководца, в возрасте 28 лет казненного по навету завистников, отражены его думы о судьбах родины.

Пэктусан (кит. Байтоушань) — гора на границе между Кореей и Китаем.

Юэ и *ху* — здесь: чжурчжэни и японцы, совершавшие в XV в. набеги на Корею.

Стр. 62

«О, если бы ты все-таки остался!». — Государь Сонджон (годы правления 1469—1494) не хотел отпускать со службы преданного сановника — князя Хоина, который неоднократно отпрашивался, мотивируя свою просьбу тем, что должен навестить престарелую мать. Государь уступил и на прощальном пиру сложил это сиджо.

Стр. 63

Багряная пыль — символ мирской суеты.

Стр. 64

«Покамест эта утка-коротышка...». — Это сиджо — своего рода заздравный тост поэта в честь государя Чунджона (1506—1544).

Стр. 66

Из цикла «Двенадцать нацегов Тосана». — Цикл сиджо написан Ли Хваном, крупнейшим философом-конфуцианцем и незаурядным поэтом, в селении Тосан близ Андона провинции Северная Кёнсандо. Часть стихов цикла посвящена раздумьям о природе вещей в духе учения китайского мыслителя XII в. Чжу Си, а часть — размышлениям о воспитании.

Белый жеребенок — образ необратимого и быст-

рого течения человеческой жизни; он противопоставляется образу «белой чайки», которая, улетая, возвращается обратно. Истоки его в даосском трактате «Чжуан-цзы», в нем сравнивается жизнь человека с прыжком белого жеребенка через скальную расщелину: мгновение — и она промелькнула. Сходный образ встречается в древнекитайском памятнике «Книга песен» («Шицзин»), в песне о «Светло-светлом жеребенке», которого, стрепожив, тщетно пытаются удерживать, чтобы он не уносил седока и чтобы «утро длилось вечно» и «вечер длился вечно».

Стр. 67

«Пусть даже гром грохочет над горами...». — Здесь воплощена основная идея всего цикла: хотя очевиден вред борьбы придворных группировок, но ничего не предпринимается для ее устранения.

«Тот путь, что прежде избран был тобою...». — Здесь выражена решимость поэта следовать учению Чжу Си (см. примеч. к с. 66).

Стр. 68

Чхоннянсан — горы в провинции Северная Кён-сандо.

Стр. 70

«Ты не гордись своим течением быстрым...». — С этим сиджо связано следующее предание. Отпрыск царствующего дома по имени Пёкке (Синий Ручей) хвастался тем, что ему не страшны женские чары. Услышав об этом, поэтесса Хван Джини, известная под литературным именем Мёнволь (Ясная Луна), решила испытать его. Через друзей она посоветовала Пёкке поехать в Кэсон полюбоваться лунным пейзажем, а сама последовала за ним. И когда он стоял, зачарованный луной, на Манвольдэ, до него донеслось пение этого сиджо. Вскоре перед ним предстала Хван Джини. Неожидаемое появление красавицы в ночной тиши тронуло сердце юноши. В сиджо обыгрываются имена «Синий ручей» и «Ясная Луна».

Третья стража. — Время от 11 до 1 часа ночи. В старину в странах Дальнего Востока время от 7 вечера до 5 часов утра делилось на пять страж по два часа каждая. Наступление новой стражи возвещалось ударом в колокол, гонг или барабан.

Стр. 72

Тайшань — одна из священных гор в Китае, находится в провинции Шаньдун.

Стр. 76

Железная Крепость (Чхоронсон) — хорошо укрепленная крепость на северных рубежах Кореи.

Стр. 77

Единым двум началам внемлю я... — Согласно дуалистическому учению в китайской натурфилософии, полярные космические силы Инь (Тьмы) и Ян (Света) суть раздвоение единой природы, формы проявления Единого Изначального. Эта дуалистичность распространяется на все сущее в мире.

Каягым — корейский двенадцатиструнный цинковый инструмент, создание которого приписывается Урыку (VI в.), знаменитому музыканту страны Карак.

Стр. 81

Девять излучин Косана. — Цикл из десяти сиджо (включая пролог), написанный Ли И в 1577 г. В нем воспеты живописные излучины небольшой речки в горах Косан (уезд Хэджу) на западном побережье Кореи, где жил Ли И, погрузившись в изучение трудов Чжу Си.

Уи — гора в провинции Фуцзянь (Китай), где вел жизнь отшельника Чжу Си и где он создал стихи «Девять излучин Уи».

Ильгок — букв. «Первая излучина», *Игок* — букв. «Вторая излучина» и т. д.

Стр. 83

Цинь — китайский струнный инструмент типа лютни. Согласно китайской легенде, когда правитель Пин (IV в. до н. э.) заиграл на цине, прилетели журавли и стали танцевать в его покоях. Сходная легенда существует и о корейском *комунго* (см. примеч. к с. 57).

Стр. 85

...И молча мне на небо указал. — Речь идет о даосском отшельнике, цель жизни которого — достигнуть на земле бессмертия, а затем вознестись на небо.

Лю Лин — китайский поэт, живший в начале правления династии Цзинь (265—420) и посвятивший много стихов вину.

Одинокй журавль.— Журавль — священная птица, на которой будто бы возносятся на небо небожители; символ уединения и долголетия. В образе одинокого журавля, не стоящего с другими птицами, поэт изображает себя, а под земным миром подразумевает мир, из которого он был изгнан, т. е. жизнь корейского двора, раздираемого борьбой группировок.

Канвондо — провинция на восточном побережье Корейского полуострова, куда Чон Чхоль был назначен губернатором в 1580 г.

«О, как безжалостно в густом лесу...». — Здесь поэт под «высокими деревьями», пригодными на стропила, подразумевает опору государства («большой государев дворец») — способных чиновников, подвергшихся гонениям в 1545 г.

«Мой добрый конь с обислыми ушами...». — В первых двух строках сиджо содержится намек на эпизод из древнекитайского исторического сочинения Лю Сяна «Планы воюющих царств» («Чжаньго цэ»): «Одряхлевшему скакуну пришлось везти однажды в гору повозку с солью. Он выбился из сил, а на него взирал печально Бо-яо, знаменитый знаток лошадей. Конь от ярости заржал, да так громко, что на небесах все всполошились».

Чхоллимá — мифический конь, пробегающий за день тысячу ли (1 ли = 393 м).

Сон Хон (1535—1598) — корейский ученый и государственный деятель. Находясь в ссылке, он занимал должность «попечителя земледелия в том же селении, где опальный поэт был старостой.

Крепость Тэбан — старинное название города Намвона в провинции Северная Чолладо. Здесь потерпели поражение войска корейского государства Пэкче от армии танского Китая, здесь в период Объединенного Силла была одна из четырех «малых столиц».

Пятая стража. — См. примеч. к с. 70.

Каннам (букв. «Земли, лежащие к югу от реки [Ханган]») — старое название провинции Чолладо,

куда в 1585 г. поэт был отправлен в ссылку. Здесь и в других стихах Чон Чхоля под «милым», «любимым» подразумевается государь.

...На девяносто тысяч долгих ли...— По представлениям народов Дальнего Востока, таковы ширина и высота небесного свода.

Стр. 90

Отмели Хангана — пороги на самой крупной в Центральной Корее реке Ханган близ столицы Хансон (Сеул), где находилась резиденция государя, о котором тоскует опальный поэт.

«Неужто лес, пригодный на стропила...». — В этом и следующем сиджо поэт говорит о гибельности для пришедшей в упадок страны постоянных распрей между двумя враждующими придворными группировками — «западной» и «восточной».

Стр. 91

«Мне ли завидовать чужому смеху...». — Поэт, временно отлученный от двора с приходом к власти «восточной» группировки, смеется над ее пирровой победой и верит, что государь одумается и вспомнит о своих верных помощниках — представителях «западной» группировки.

Стр. 93

Приятель Ко. — Имеется в виду Ко Гёнмён (1533—1592), ученый и поэт, друживший с Чон Чхолом.

Южный Холм (Намсан). — Здесь: название горы к югу от Кёнджу в провинции Южная Кёнсандо.

Стр. 94

«Любуясь яшмовым старинным кубком...». Поэт, возвратившись в столицу в разгар борьбы придворных группировок, вспоминает, как десять лет пазад, в 1567 г., государь преподнес ему кубок с вином во время избрания его в члены придворной академии Октан («Яшмовый зал»).

Стр. 95

Два будды каменных. — Во многих местах Кореи возвышались каменные изваяния Будды и буддийских божеств.

Цзя И (201—169 гг. до н. э.) — китайский ученый, поэт, государственный деятель, сосланный по

навету в Чапша (в провинции Хунань). Там он сочинил «Оду о зловещей птице», в которой призывал спокойно принимать и благословение и изгнание. Но вот случилось так, что император пожаловал Цзя И должность «великого наставника» при своем младшем сыне, который вскоре разбился насмерть, упав с коня. Цзя И очень сокрушался: более года он проливал горькие слезы и вскоре тоже скончался. Чон Чхоль, познавший горечь опалы, сравнивает себя с Цзя И.

С высокой башни, что парит донныне // Над громкой славою восьми веков...— Автор имеет в виду эпоху возвышения и расцвета могущественного корейского государства Силла (I в. до н. э.—VIII в. н. э.). Упомянутый в стихах колокол был отлит в VIII в. для монастыря Пондокса.

Стр. 96

«Сяоцзин» («Книга о сыновней почтительности») — конфуцианское каноническое сочинение, приписываемое одному из учеников Конфуция — Чжэн-цзы.

«Сяосюэ» («Сяосюэ цзичжу» — «Малое учение, с комментариями») — конфуцианский учебник для детей, комментирование которого приписывают Чжу Си.

Стр. 97

«Журавль уже куда-то улетел...».— Этот стих навеян стихотворением Ли Бо «Поднимаюсь на Террасу Фениксов в Цзиньлине». Чон Чхоль с грустью покидает место своего изгнания — Чханпхён, будучи вызван ко двору.

Стр. 99

Селенье Абрикосов Цвет — название деревушки, где есть кабачок; образ из стихотворения китайского поэта IX в. Ду Му.

Стр. 100

Остров Хансан[до] — остров у южного побережья Кореи, где во время Имджинской войны (1592—1598) флотоводец Ли Сунсин нанес японским захватчикам сокрушительное поражение.

Стр. 103

«В долину, где зеленая трава...».— Стихотворение написано на смерть поэтессы Хван Джини.

Стр. 105

Цзя-тайфу — см. Цзя И в примеч. к с. 95.

У-ди (141—87 гг. до н. э.) — китайский император династии Хань, превративший страну в централизованное бюрократическое государство на конфуцианских началах и укрепивший в ней деспотические порядки. Поэт сравнивает правление корейского тирана Кванхэ-гуна (1608—1623) с временами У-ди.

Стр. 107

Одон (кит. «утун») — одна из пород масличных деревьев, на которых будто бы жили фениксы.

Стр. 109.

Стоит у тес.— Цикл сиджо посвящен военачальнику Чану, герою Имджинской войны против японских захватчиков.

Стр. 110

Кёкчиллён — вымышленное название хребта, означающее «Отделенный от мира».

Терраса Пхиседэ — вымышленное название террасы; букв. «Мирное уединение».

Улин — местность в китайской провинции Хунань, где будто бы находилась утопическая страна счастья, воспетая великим китайским поэтом Тао Юань-мином (365—427) в произведении «Персиковый источник».

Хурма на блюде.— Сиджо написано поэтом в 1601 г. в связи с кончиной отца. Он посетил дом своего друга поэта Ли Докхёна, где получил в подарок раннюю красную хурму.

Стр. 111

Гряда Чонуллёна — вымышленное название гор; букв. «Хребет, где останавливаются облака».

Пятицветные облака — благовестные облака.

«Ворона в стае фениксов».— Сиджо написано в 1611 г., когда поэт, вынужденный из-за придворных интриг оставить службу, уезжает к себе на родину в Ёнчхон.

Стр. 112.

Кансансан — вымышленное название горы; букв. «Гора над рекой».

Стр. 114

Большой Нефритовый Дворец — сказочный дворец верховного божества; здесь: государевы покои.

Небесный Ковш — созвездие Большой Медведицы.

Стр. 116

Куинсан — вымышленное название горы; букв. «Девять наполнений», символизирует заслуги человека, которые возрастают благодаря его непрестанному труду.

Стр. 117

Милб — река в Китае, в которой утопился великий китайский поэт Цюй Юань (340—287 гг. до н. э.), будучи оклеветан завистниками перед правителем.

Терраса Кегудэ — вымышленное название террасы; букв. «Избавление от страха».

Стр. 118

Синьлин-цзюнь (или У-цзи) — младший сын вэйского князя Чжао-вана в Китае; жил в период «Сражающихся царств» (V—III вв. до н. э.), был видным государственным деятелем, окружавшим себя достойными людьми и пользовавшимся их советами на благо своего царства; ему было пожаловано владение в Синьлине, отчего был прозван Синьлин-цзюнем, т. е. «правителем Синьлина».

Стр. 119

День Холодной Пищи. — В старой Корее на 105-й день после дня зимнего солнцестояния в очагах не разводили огонь.

Стр. 122

«Я слышу, как зовут меня: „Сосна!“». — Стихотворение строится на игре слов: «Сори» — имя поэтессы и «сори» — по-корейски «сосна».

Стр. 123

«Я смастерила лодку из сосны...». — Стихотворение строится на игре слов: Куджи — имя поэтессы звучит так же, как и наречие «крепко», а имя ее возлюбленного — Лю Ильджи — созвучно словосочетанию «ветка ивы».

Стр. 125

«Я уезжаю, о гора Самгак!...». — Сиджо о разлуке поэта с родиной. В 1637 г. корейский двор капитулировал перед войсками империи Цинь. Китайское правительство потребовало в качестве гарантии выполнения Кореей «вассальных обяза-

тельств» присылки главных противников капитуляции. В их числе был и Ким Санхон, занимавший пост первого министра. На чужбине он несколько лет провел в заточении.

Гора Самгак[сан] — гора в окрестностях Сеула; букв. «Трехрогая».

Стр. 126

Ноин[сон] — по представлениям древних корейцев, звезда долголетия, от которой будто бы зависела судьба человека.

Стр. 127

«В тот день, когда любимый уезжал...». — Поэт был крупным государственным деятелем. В стихотворении он пишет о безграничной преданности государю, с которым он вынужден был разлучиться в тяжелые годы маньчжурского нашествия.

Амноккан (кит. Ялуцзян) — большая пограничная река между Кореей и Китаем.

Стр. 128

Стоит в горах пустынных тишина, // Лишь слышится печальный крик кукушки. — Согласно китайскому преданию, кукушка в горах — это душа правителя древнего царства Шу, отказавшегося от престола, удалившегося в горы и скончавшегося от тоски по родным местам.

Стр. 131

Новые песни в горах. — Цикл написан поэтом в 1642 г. во время ссылки на юг Кореи. Стихи навеяны произведением Тао Юань-мина «Домой, к себе».

Стр. 132

Девять Истоков — по древним поверьям, загробный мир.

Стр. 133

Времена года рыбака. — Цикл сплужо создан поэтом в изгнании в 1651 г. по мотивам поэмы неизвестного автора XIV в. «Песня рыбака».

Стр. 134

Тут вспомнил я, как пел отец-рыбак // «Чиста вода...» ... — Строка из песни рыбака, которую привел Цюй Юань в произведении «Отец-рыбак» (см.: Китайская классическая проза в переводах В. М. Алексеева. М., 1958, с. 42—43). Неторопливые воды

реки Цанлап символизируют покой в мире, чуждом суеты.

Стр. 137

Марым-трава — водяной орех (растение из семейства рогульниковых).

«Когда вода мутна, в ней ноги мыть...». — Строка из того же произведения Цюй Юаня «Отец-рыбак», на этот раз связанная с его трагической судьбой (см. примеч. к с. 117).

«Поедем в царство У!» — Но реки там // Тысячелетний гнев хранят в пучине! — Речь идет об У Цзы-сую (V в. до н. э.), советнике усюкого правителя Фу-ча. У Цзы-суй был вдохновителем побед китайского царства У над соседними царствами, в частности над Юэ. Когда правитель побежденного Юэ прислал в подарок Фу-ча красавицу Си Ши, У Цзы-суй советовал не принимать ее, дабы она «не погубила царство». Фу-ча не послушал его и, поверив клевете, приказал У Цзы-сую покончить с собой. Перед смертью тот обратился к своим домашним со словами: «После моей смерти выньте мои глаза и повесьте на воротах столицы, пусть они увидят, как враги из Юэ войдут в них и погубят У». Фу-ча, услышав об этом, в гневе схватил труп У Цзы-сую, сунул в кожаный мешок и бросил в воду. Через десять лет слова У Цзы-сую сбылись: царство Юэ вторглось и разгромило У.

«Поедем в Чу!» — Но в чреве чуской рыбы // Душа поэта скорбная живет! — Имеется в виду Цюй Юань, живший в царстве Чу (см. примеч. к с. 117). У Цзы-суй и Цюй Юань не были погребены, их тела поглотила вода. Согласно представлениям того времени, страшна была не сама физическая смерть, а смерть «ненормальная» (насильственная или без погребения), которая якобы отрицательно сказывалась на загробной судьбе данного человека и всего рода в целом.

Стр. 138

Шунь — легендарный китайский правитель (XXIV—XXIII вв. до н. э.), вместе со своим тестем Яо почитавшийся традицией совершенномудрым. Благое влияние его личности было таково, что, когда «Шунь обрабатывал землю у гор Лишань, все, кто жил у этих гор, стали уступать друг другу ме-

жи; когда он ловил рыбу в озере Лэйцзе, все, жившие у этого озера, стали уступать друг другу места; когда он гончарничал на берегу реки Хуанхэ, вся посуда, выделяваемая на берегу Хуанхэ, не имела больше изъянов». Так ведут себя подданные, когда страной правит совершенномудрый государь.

Стр. 139

Комары — здесь переносно: низкие люди, заботящиеся только о своей корысти.

Синие мухи — недостойные чиновники, окружающие государя.

...наушник не подслушал... — намек на Сандафу, чиновника времен ханьского У-ди (II в. до н. э.), который вошел в историю как недостойный чиновник, пользовавшийся своим положением в корыстных интересах и во зло государству.

«Лодка на пустынной переправе»; «травы пышные на берегу» — строки из стихотворения китайского поэта Вэй Ин-у (736—825) «У горного потока к западу от Чучжоу».

Стр. 142

«Легла на землю белая роса»... — строка из поэмы в прозе «Красная Стена» известного китайского поэта и философа Су Ши (псевдоним Су Дун-по; 1036—1101), в которой говорится о вечности луны и преходящем под луной (рус. пер. см. в кн.: Китайская классическая проза в переводах В. М. Алексеева. М., 1958, с. 314—320).

Башня Фениксов. — Здесь: дворец государя.

Повсюду есть земля, над нею — небо... — Согласно дальневосточным культурным представлениям, небо — активное начало, государь; земля — пассивное начало, подданный. В данном стихотворении говорится о том, что поэт живет один, т. е. как подданный без государя, и это плохо. Зато нет всего, что связано с недостойными подданными государя.

...Там нет нужды и уши промывать! — В строке намек на китайское предание об отшельнике Сюй Ю. Когда правитель Яо, прослышав о мудрости Сюй Ю, предложил ему престол, отшельник почел свой слух оскверненным таким предложением и поспешил омыть уши водой из реки Инчуань, возле которой он жил.

Стр. 143

Сян — река, впадающая в озеро Дунтин [ху], большое озеро в провинции Хунань в Китае. Согласно преданию, в реке утонули две жены легендарного государя Шуня, отправившиеся на юг к месту, где скончался Шунь. Озеро и река неоднократно воспевались в поэзии народов Дальнего Востока.

Стр. 145

Куда-то к ночи вброды летят?.. С мира смоем стыд? — В этих строках содержится намек на исторический эпизод. В Китае в 817 г. был поднят мятеж. Крепость, где засели мятежники, была взята хитростью: ночью, во время снегопада, по предложению одного из военачальников солдаты распугали домашних гусей и уток на пруду около крепости. Шум крыльев был принят осажденными за движение войск, крепость пала, главарь мятежников «признался в преступлениях». Следовательно, находчивый военачальник исправил положение дел в государстве, т. е. «смыл стыд». Так было... А сейчас, когда государь, удаливший в ссылку поэта, окружен в столице недостойными людьми, по вине которых пострадал поэт, некому «ударить по пруду», чтобы поправить дело.

Стр. 146

«Коса в семь ли» — пережат Цзилитань (Китай), где удил рыбу отшельник Ян Гуан (Ян Цзылин) во времена ханьского Гуан-у-ди (25—57 гг. н. э.).

Вэйшуй — река, на которой удил рыбу китайский мудрец Цзян-тайгун (настоящее имя — Люй Шан) во времена чжоуского правителя У-вана (XII в. до н. э.). Поэт говорит о том, что не один он ведет такой образ жизни, древние мудрецы тоже так поступали. По-видимому, не случайно названы два мудреца, ставшие впоследствии советниками своих государей. Поэт рассматривает свою ссылку как временную.

Стр. 156

Пэкхасан — по-видимому, вымышленное название горы, легшее в основу псевдонима поэта; букв. «Гора с белым подножием».

Стр. 161

Четыре Моря — моря, как предполагали древние китайцы, окружали Срединное государство, т. е. Китай.

Стр. 163

Хвагэдон (букв. «Долина цветов») — местность в районе Сеула.

Стр. 164

Башня Кёнхверу — башня, построенная на территории государева дворца Кёнбоккун в Сеуле в 1412 г.

Гора Инван и перевал Анхён — находятся в окрестностях Сеула.

Стр. 165

Лазурное облако — переносно: путь почестей; *белое облако* — жизнь вне мирской суеты.

Стр. 168

Ли Бо (701—762) — великий китайский поэт, о котором сложено множество легенд.

Стр. 169

Восточное море — Японское море.

Стр. 170

Сонджин — бухта на восточном побережье Корейского полуострова.

Мачхоллён — хребет на северо-востоке Кореи.

Кэгольсан — образное название Кымгансана (Алмазных гор) в осенний и зимний периоды.

Сораксан — гора на севере провинции Канвондо.

Стр. 173

«Не радуйся четверке лошадей...» — В стихотворении использована старинная пословица, встречающаяся еще в «Записках историка» («Шицзи») китайского историографа Сыма Цяня (I в.), где она вложена в уста полководца Хань Синя: «Действительно, получается так, как мне предсказывали люди: „Когда все птицы перебиты, прячут самый лучший лук“, „Когда истреблены все зайцы, жарят охотничьих собак“, „Когда вражеское государство повержено, казнят своих советников“, — сказал Хань Синь. — Пыне Поднебесная покорена, и меня казнят!..» Поэт говорит о том, что, чем выше возносится человек, тем это опасней для него.

Стр. 184

Красная Стена — название горы на реке Янцзыцзян в Китае, воспетой Су Дун-по (см. Су Ши в примеч. к с. 142).

Стр. 188

Тигровая бабочка — корейское название бабочки «парусник».

Стр. 191

Мань и ди. — Здесь: японцы и маньчжуры, вторгшиеся в Корею соответственно в 1592—1598 и 1636 гг.

Стр. 193

...Душа моя кукушкой обернется. — См. примеч. к с. 128.

«И на стене звенит мой меч тяжелый...» — Сиджо неизвестного автора, посвященное Имджинской войне с японскими захватчиками.

Стр. 194

Три тысячи... ли — расстояние, равное протяженности Корейского полуострова с севера на юг; отсюда и образное название Кореи — «Страна в три тысячи ли».

Стр. 195

Ли Бо — см. примеч. к с. 168. Существует легенда, согласно которой Ли Бо утонул, погнавшись на ките за луной.

Стр. 197

Восемь красот Кымгансана. — Имеются в виду красивейшие пейзажи Алмазных гор на восточном побережье Кореи. См. их описание в каса Чон Чхоля «Путешествие в Квандон».

Стр. 201

Заяц яшмовый и ворон золотой — метафорическое обозначение луны и солнца; их движение в небе — движение времени, замедлить их движение — значит задержать наступление старости.

Цвет абрикосовый — см. примеч. к с. 99.

Стр. 203

Чигэ — приспособление для переноски тяжелых на спине.

Звезда Рассвета — Венера. У корейцев, как и у многих народов, считалось, что вечерняя Венера и утренняя Венера — разные звезды.

Стр. 207

Время пить вино.— Этот гимн вину и радостям жизни навеян стихотворением Ли Бо «Поднося вино».

...Каждую из них цветком отметим...— В старину существовал обычай считать количество чаш по числу сорванных цветов.

Стр. 208

Только обезьяны крик тоскливый // Над забытой прозвучит могилой...— Аллегорическая картина безлюдного пейзажа, полная тревожного ожидания и тоски.

И что толку будет в сожаленьях...— Строка написана в подражание «Поминальной песне» Тао Юань-мина.

Стр. 209

Голые детишки — традиционный образ людей, безрассудно помышляющих о карьере, не думающих о том, что будет дальше. Играя на солнышке, детишки не задумываются над тем, что им будет холодно и страшно, когда сядет солнце. Поведение людей, не ушедших к природе, точно так же недальновидно. Ловля стрекозы голым несмышленишем — образ «удвоенной бессмыслицы». Судьба стрекозы — в руках младенца; младенец гоняется за стрекозой (так же поступают люди, стремящиеся к чинам и прочим эфемерным радостям), но сам-то он глуп и не защищен. В стихотворении использована игра слов «голыш» и «стрекоза», которые по-корейски звучат почти одинаково. Поэт никогда не служил из принципиальных соображений, и это стихотворение — своего рода программа.

Стр. 210

Чангй — корейские шахматы.

«Зеленый терем» — публичный дом.

Стр. 211

«Скажите-ка, друзья, как жить на свете...» — сатирическое стихотворение, содержащее социальную критику. Ключевым словом в нем являются «мухи» — традиционный образ недостойных чиновников (см. примеч. к с. 139).

Стр. 213

«Сколько бы ни каркала ворона...».— Существует поверье, что, когда каркает

ворона возле дома, там кто-нибудь скоро умрет. В стихотворении показано незавидное положение жены в доме мужа, типичное для старой Кореи.

Стр. 214

Намусин — корейская деревянная обувь.

Стр. 215

Софора — здесь имеется в виду японская софора. гороховое дерево.

Стр. 217

Онмун — одно из названий корейского фонетического алфавита; букв. «простое письмо».

Стр. 218

«Монах схватил за волосы монашк у...». — Сатира на борьбу придворных партий. Дается «реализация бессмыслицы»: монахи и монашки брили головы, следовательно, таскать друг друга за волосы не могли; слепые не могли видеть, а глухонемые — слышать и высказываться вслух. Неизвестный автор говорит о бессмысленности борьбы партий, в которой неразумно и бредово все от начала до конца.

Стр. 222

«В славный день восьмой луны четвертой...». — Здесь дается описание архаического обряда зажигания фонарей во время захода солнца и восхода луны, в древности исполнявшегося в полнолуние первого месяца по лунному календарю и впоследствии также приуроченного к восьмому дню четвертой луны — дню рождения Будды.

Стр. 223

...в бутонах лотосов бумажных // Маленькие девочки укрылись... — элемент театрального действия «Танец журавлей», имеющего ритуальный характер: бутоны раскрываются, девочки выходят оттуда и прогоняют белого и черного журавлей, клюющих стебли лотосов. Журавли здесь символизируют смерть, цветок лотоса — жизнь.

Небесная Ткачиха. — Упоминание о ней связано с китайским мифом о Пастухе (Волопасе) и Ткачихе: «К востоку от Млечного пути была Ткачиха, дочь небесного бога. Круглый год она трудилась, ткала из облаков небесное платье. Богу стало жалко ее, одинокую, и он отдал ее в жены Пастуху, что жил к западу от Млечного Пути. Выйдя замуж, она

перестала ткать, бог рассердился, велел ей вернуться и впредь видаться с мужем раз в год» (Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965, с. 364).

Серебряная Река — Млечный Путь.

Стр. 224

Мэнчан-цзюнь (ум. в 279 г. до н. э.) — китайский сановник царства Ци. В одном из преданий рассказывается, как он, будучи советником у правителя царства Цинь, был приговорен к смерти за хитроумный план спасения своего царства в войне с Цинь. Ожидая казни, Мэнчан-цзюнь попросил фаворитку циньского правителя спасти ему жизнь. Она обещала помочь ему только в том случае, если он раздобудет ей белую лисью шубу. Мэнчан-цзюнь подговорил грабителей украсть лисью шубу на дворцовом складе, где он ее приметил до ареста. Они выполнили его просьбу, и жизнь его таким образом была спасена.

Чунхынса — крупный монастырь (разрушен в 1915 г.) на одном из отрогов Самгаксана (см. примеч. к с. 125).

Стр. 225

«Наму Амитабуль» — букв. «Слава Будде Амитабе», зачин буддийских молитв.

Кун-цзы (*Конфуций*, 551—479 гг. до н. э.) — крупнейший мыслитель древнего Китая, создавший этико-политическое учение (конфуцианство).

Мэн-цзы (ок. 372—289 гг. до н. э.) — выдающийся китайский философ, последователь Конфуция.

Дао (Путь) — в древнекитайской философии универсальный закон природы, который порождает многообразие мира и составляет сущность всех вещей и явлений.

Стр. 226

«Сыграть в коккаль» — намек на непристойное поведение монаха и монашки. Коккаль — монашеский головной убор белого цвета, напоминающий чепец католичек.

Стр. 227

Гора Тхэбэк [сан] — известная гора на границе между провинциями Канвондо и Северная Кён-сандо.

Гора Целебных Трав (Яксан) — гора в провинции Северная Пхёнандо.

Стр. 228

Бодисатвы (будд.) — личности, познавшие сущность бытия, близкие к состоянию нирваны, но добровольно оставшиеся среди людей, чтобы помочь им достичь просветления.

Стр. 230

Вершина Шелковичный Червь (Шуе мори) — одна из вершин гор Намсан в районе Сеула.

Стр. 231

У-ди — см. примеч. к с. 105.

Ши-хуан (246—209 гг. до н. э.) — основатель китайской династии Цинь.

Чжугэ Лян (184—234) — знаменитый военачальник периода Троецарствия в Китае; символ хитроумия, мудрости.

Чуский баван. — Имеется в виду Сян Юй (232—202 гг. до н. э.), военачальник могущественного царства Чу (на юге Китая), который после разгрома царства Цинь стал фактическим правителем всего Китая, присвоив себе титул «баван», т. е. «государь-гегемон». Погиб в результате упорной борьбы за престол против Лю Бана, основавшего династию Хань.

Стр. 232

Мой старый муж в лиловой ходит шляпе... — Шляпа, сплетенная из волос хвоста белой лошади и окрашенная в густой красный цвет, являлась головным убором чиновника.

Чоктури — женский головной убор из материи в виде крупного цветка, украшенный бусами.

Соннак — остроконечная шляпа буддийского монаха.

Стр. 233

«Корабельщики и моряки...». — В этом стихотворении говорится о ежегодном плавании из Сеула на юг, вокруг южных провинций за собранным в качестве налогов зерном, чтобы привезти его в столицу.

Чолладо и Кёнсандо — провинции на юге Кореи.

Ульсан, Чхильсан, Анхын, Сондоль, Канхва — названия мест на юго-западе и западе Кореяского

полуострова, которые были опасны для мореплавания.

Будда Амитаба — один из титулов Будды: «Будда Просветленный».

Стр. 234

«Если пряжу из моси прядут...». — Это стихотворение написано неизвестным автором, по-видимому, по случаю осеннего праздника «Хан-кави» («Большие ножницы») в восьмую луну, когда собираются женщины и прядут, ткут, шьют.

Моси — корейское название растения «белое рами».

Стр. 239

...Постижение «дух ветра и потока»... — Подразумевается особый стиль жизни. Возник он в Китае в IV в. как противостоящий официальному стилю жизни, предусмотренному конфуцианской моралью; означал уход к природе и полное согласие жизни человека с вечными ее законами.

Стр. 242

Лунный дворец — в китайской мифологии Просторный студеный дворец на луне, обитель феи Чан-э; здесь: мир грез.

...три года миновало... — В старой Корее траур по родителям соблюдался в течение трех лет.

Стр. 243

Ранняя слива — зимняя слива «мэхва» (кит. «мэйхуа»); цветет в первом месяце лунного календаря и предвещает весну; символ стойкости.

...И для кого благоуханье их? — Строки навеяны стихотворением китайского поэта-анакорета XI в. Линь Бу «Зимняя слива в саду в горах».

Стр. 244

Утки-неразлучницы — мандаринские утки, традиционный в Китае и Корее образ супружеской верности.

«Поднявшись на последний ярус башни»; «...взошла луна...» — Строки навеяны стихотворением Ли Бо «Тоска у Янмовых ступеней».

Палата Фениксов — здесь то же, что и Башня Фениксов (см. примеч. к с. 142).

Стр. 245

Река Сяосян — т. е. река Сян (см. примеч. к с. 143) и ее приток Сяо.

Стр. 246

Бянь Цяо (V в. до н. э.) — знаменитый китайский лекарь, прославившийся умением точно определять болезни.

...умереть // И вновь родиться бабочкою пестрой! — По буддийским понятиям, все живые существа подвергаются перерождениям. Поэт хотел бы претворить свою мечту в одном из предстоящих перерождений.

Стр. 250

Пролейся над ним дождем! — Метафора заимствована поэтом из китайской легенды об ушаньской фее. Правителю царства Чу однажды явилась во сне фея гор Ушань и разделила с ним ложе. Расставаясь, фея сказала, что утром она будет для него превращаться в облако, а вечером — в капли дождя.

Стр. 251

Квандон (букв. «К востоку от заставы») — старое название провинции Канвондо (см. примеч. к с. 86). В 1580 г. Чон Чхоль получил туда назначение на пост губернатора, после того как прожил два года «среди рек и озер», отрешившись от мирских дел.

Западные Ворота (Ёнчхумун) — ворота в государевом дворце Кёнбоккун.

Башня Торжеств (Кёнхверу) — дворцовое строение, где государь жаловал чиновникам награды (см. также примеч. к с. 164).

Нефритовая дощечка — бирка из бамбука или нефрита, одна половина которой вручалась чиновнику как знак его полномочий, а вторая — хранилась во дворце. Следующие далее в тексте географические названия и наименования достопримечательностей определяют маршрут путешествия Чон Чхоля из столичного города Хансона (Сеул) в Квандон.

Одинокий сановник — так именovali себя подданные государя, отправлявшиеся служить в провинцию.

Стр. 252.

Башня Полночных Пространств (Пуккванджон) — павильон на окраине Чхорвона в провинции Канвондо.

Дворец Кунъе — дворец, построенный в начале X в. по приказу Кунъе, выходца из Силла, основавшего в центре Корей удельное княжество Позднее Когурё. Во времена Чон Чхоля от дворца остались только развалины.

Цзи Чжан-жу (Цзи Ань) — китайский министр при ханьском императоре У-ди (см. примеч. к с. 105).

Кленовые Вершины (Пхунак) — образное название красивейших на Дальнем Востоке Алмазных гор (Кымгансан). В касе Чон Чхоля далее описываются восемь видов Кымгансана.

Стр. 253

Линь Бу — китайский поэт-анакорет XI в. С ним сравнивает себя Чон Чхоль.

Стр. 254

Двенадцать тысяч вершин — образное название Алмазных гор.

Конфуций с высот Дуншаня... — Опоэтизированная цитата из конфуцианского сочинения «Мэн-цзы», где говорится, что Конфуцию, взошедшему на гору Дуншань (в провинции Шаньдун), его родина — царство Лу — показалась величиной с кусок веревки, а с вершины Тайшань (в той же провинции) вся Поднебесная (т. е. Китай) выглядела лишь небольшим лоскутком.

Стр. 255

Сливовый дождь — благодатный трехдневный дождь в засушливую пору, когда созревает летняя слива.

Манджушри — популярный в народе бодисатва (см. примеч. к с. 228); покровитель мудрости, наук.

Стр. 256

...от Нефритовой Башни // Остались руины одни! — Имеются в виду каменные шестигранные колонны в уезде Тхончхон — одна из восьми достопримечательностей Квандопа. По преданию, здесь проводили время четыре бессмертных хварана (см. примеч. к с. 31).

Гун Чуй — искусный мастер, покровитель плотников во времена легендарного Шуня (см. примеч. к с. 138).

...И к Бухте Трех Дней подъехал... — Бухта Трех Дней (Самильпхо) — одна из восьми досто-

примечательностей Квандопа. Легенда гласит: в эпоху Силла четыре хварана (см. примеч. к с. 31) пришли к бухте, чтобы полюбоваться видами Кымгансана. Три дня они там веселились, затем исчезли, оставив на скале надписи из шести иероглифов красного цвета. Одно из толкований надписи: «Ён-нан и Нам-сокхэп (имена юношей) ушли пешком». Позднее все четверо были причислены к сонму бессмертных.

Стр. 257

...дракон шестиглавый // Грядущу облаков пятицветных // На небо поднимал.— В древнекитайском сочинении «Книга перемен в чжоуской редакции» («Чжоу И») сохранилась запись о шестиглавом драконе, вознице солнца.

Давно уже нет поэта, // Но он рассказал об этом.— Чон Чхоль имеет в виду стихотворение Ли Бо «Поднимаюсь на Террасу Фениксов в Цзиньлине».

Стр. 258

Чхольчук — корейское название одного из видов рододендрона.

Хонджан — имя известной красавицы XIV в., кисэп из Каннына, о которой сложены поэтические предания. С бухтой Кёнпхо связано следующее предание о Хонджан: губернатор провинции Канвондо Пак Син был влюблен в красавицу Хонджан. Однажды, когда он вернулся из поездки в столицу, его приятель Чо решил подшутить над ним, сообщив нарочно, что Хонджан неожиданно скончалась. Губернатор очень горевал. Чтобы развеять его печаль, Чо предложил ему покататься на лодке в бухте Кёнпхо (а место это славилось разными чудесами). До этого Чо незаметно украсил небольшую старинную шхуну необыкновенными картинами и посадил на нее Хонджан с одним старым чиповником. Катаясь в бухте, Пак Син вдруг увидел, что навстречу ему плывет удивительная шхуна, на которой старец танцует с девушкой неземной красоты. В девушке он узнал свою любимую Хонджан, которая была целой и невредимой.

...девушкам добронравным // И юношам благородным // Ворота посвящены.— В награду за особые заслуги в проявлении конфуцианских добродетелей

телей (сыновней почтительности, женского целомудрия и т. п.) перед домами отличившихся ставились красные арки.

Эпоха Яо и Шуня — см. примеч. к с. 138; в китайской конфуцианской традиции считается временем всеобщего благоденствия.

Стр. 259

Фусан — в китайской мифологии диковинное дерево, на котором отдыхают солнце и луна; символизирует царство бессмертных.

Стр. 260

И мне явился бессмертный... — Имеется в виду Ли Бо (см. примеч. к с. 168), которого современники величали «бессмертным небожителем в изгнании».

«Должно быть, ты провинился // Перед Владыкой Небес?..». — Здесь содержится намек на китайскую легенду о том, как некий бессмертный прочел ошибочно один иероглиф из даосского канона «Хуандинцзин» перед Верховным Нефритовым Владыкой и тот низверг его из мира небожителей в мир людей.

Стр. 261

Девятое Небо — в даосском учении одно из девяти подразделений небесного рая, где находилась обитель бессмертных.

Стр. 262

Сонсан (букв. «Звездная гора») — местечко близ Чханпхёна в провинции Южная Чолладо, где не раз бывал во время ссылки в 1578—1580 гг. поэт, который выступает здесь от имени странника.

Ким Сонвон — родственник жены Чон Чхоля, живший в уединении; погиб в конце Имджинской войны 1592—1598 гг.

Беседки Сигёнджон и Сохадан — строения в Сонсане, принадлежавшие Ким Сонвону; букв. «Павильон отдыха в тени» и «Зал приюта на закате солнца».

Гора Сосок — старое название горы Мудынсан в провинции Южная Чолладо; букв. «Благовестные скалы».

Стр. 263

...Как тот старик, что у Ворот Зеленых... — Поэт имеет в виду Шао Пина, правителя Дунлина

(Китай), которой после падения династии Цинь в 208 г. до н. э. бросил службу и стал вести отшельнический образ жизни, занявшись разведением огурцов за юго-восточными крепостными воротами города Чанъань, называвшимися в те времена «Зелеными».

Западная река (Соха) — речка, протекающая недалеко от Чханпхёна.

Си-хуан — в китайских мифах человек, живший в седую старину; нарицательное имя для людей, удалившихся от мирской суеты и проводивших время в благоденствии.

Стр. 264

Лянь-си — прозвание Чжоу Дунь-и (1017—1073), одного из основоположников сунской философской школы конфуцианства, автора трактата «План Великого Предела», в котором приведена космогоническая схема происхождения мира из Великого Изначального.

Книга Яшмовых писем — даосское каноническое сочинение, будто бы написанное Желтым Владыкой (Хуан-ди).

Озеро Сиху — озеро в Ханчжоу (Китай), славящееся живописными берегами с памятниками старины. Существует предание, что в незапамятные времена на нем был воздвигнут Хрустальный дворец.

Стр. 265

Су Ши — см. примеч. к с. 142.

Вот так Ли Бо заворужен был сказкой... — По одной из легенд, Ли Бо утонул, слишком перегнувшись за борт лодки, чтобы «губами коснуться отражения луны».

Стр. 266

Я знаю, что безмерно он богат... — Речь идет о богатстве духовного мира отшельника.

Летописи ханьские — подразумевается «История Ранней Ханьской династии» («Цянь Хань шу») крупнейшего китайского историографа Бань Гу (32—92).

Сюй Ю — см. примеч. к с. 142.

«Ветер в соснах» — мелодия, исполняемая на комунго (см. примеч. к с. 57); символ самого чистого в природе звука.

Песня о Ённамё.— Пак Инно написал эту касу в 1635 г., когда ему исполнилось 75 лет. Он посвятил ее мудрому и добродетельному правлению Ли Гынвона, бывшего в то время губернатором провинции Ённам (ныне провинции Северная и Южная Кёнсандо) на юге Корейского полуострова.

Имджинская война — освободительная война корейского народа против японских захватчиков в 1592—1598 гг., принесшая неисчислимые бедствия стране.

«Девять основных установлений».— По древне-китайскому конфуцианскому сочинению «Учение о Середине и Постоянстве» («Чжунъюн»): самоусовершенствование, уважение к достойным людям, любовь к родным, почтение к сановникам, любезность к чиновникам, любовь к простым людям, поощрение ремесленников, вежливое обращение с иноземцами, привязанность к вассалам.

Цзи и Се — мудрые сановники при легендарном китайском правителе Шуне.

Сангук — первый министр; так почтительно называет Ли Гынвона поэт.

...в пору Засухи Великой...— Имеется в виду Семилетняя засуха в Китае при легендарном правителе Чэн-тане (XVIII в. до н. э.).

...И крепкий лук и стрелы под рукой.— Цитата из «Книги песен».

...следовать закону // Незыблемых естественных начал.— Имеется в виду естественный закон социальных отношений (*лунь*) в конфуцианском учении, определяющий отношения между государем и подданными, отцом и сыном, между супругами, братьями, друзьями.

...О веке золотом я слышу песню.— Намек на песенку игрока в жан (биту) из «Книги песен», воспевающую счастливое время при Шуне.

Гэ-тянь-ши — почетное имя легендарного китайского государя; букв. «господин, получивший власть от Неба».

Ци — древнекитайское царство на части тер-

ритории нынешних провинций Шаньдун и Хэбэй; славилось выделкой белого тонкого шелка.

Стр. 271

Сыма Янь — знаменитый китайский полководец, основавший в 265 г. династию Цзинь и стабилизировавший положение в стране после длительных междоусобных войн. С его деяниями поэт сравнивает деяния Ли Гыпвона.

Стр. 276

Год Пёнджин — 53-й год шестидесятилетнего цикла, системы летосчисления, распространенной в странах Дальнего Востока; здесь: 1796 г.

«Цвет у воды и у небес един!..». — Выражение, часто встречающееся в китайской поэзии (например, у Су Ши в «Красной Стене» и др.). В корейской поэзии XVII—XVIII вв. широко использовалось как знак определенной пейзажной ситуации.

Стр. 277

...стать «голодным духом» в чреве рыб... — «Голодным духом», по народным поверьям, становится вечно блуждающая душа непогребенного грешника и т. п. Здесь ассоциация с Цюй Юанем (см. примеч. к с. 117).

Чхок — мера длины, равная 30,3 см.

Стр. 279

Песня о Скале Долга — каза неизвестного автора, посвященная подвигу кисэн по имени Нонгэ во время Имджинской войны. Нонгэ погибла сама и погубила японского военачальника.

Павильон Чхоксонну — архитектурное сооружение на берегу реки Намган в районе Чинджу в провинции Южная Кёнсандо; во время Имджинской войны было разрушено, восстановлено в XVII в.

...верность Трем Началам, // Вечным Добродетелям Пяти... — В конфуцианской этике и системе воспитания под «тремя нравственными началами» подразумеваются преданность подданных, почтительность сыновей и добродетельность жен, а под «пятью вечными добродетелями» — человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость и верность.

Гора Летящий в Небо Феникс (Пибон) — гора в районе Чинджу.

Чинян — старое название Чинджу.

...Стать «цветком у самого забора, // Пвою у

людного пути!» — т. е. стать женщиной легкого поведения.

Год Имджин — 29-й год шестидесятилетнего цикла; здесь: 1592 г., когда началась война.

Стр. 281

...край далекий, // Где пять ив стоят в уборе вешнем... — Намек на произведение Тао Юань-мина «Жизнеописание господина под сенью пяти ив». Выражение «пять ив» в средневековой корейской поэзии было символом жизни отшельника вдали от мирской суеты.

Стр. 283

«Вешнею водой полны озера»; «Тучи летние в горах сгустились» — строки из стихотворения Тао Юань-мина «Времена года», популярного среди корейских поэтесс.

...Сонджин, послушник у Юкквана... — герои романа «Облачный сон девяти» Ким Манджуна (1637—1692). Буддийский наставник Юккван, повелевавший всем живым и обуздывавший нечистую силу, изгнал послушника Сонджина из святой обители в мир людей за то, что, встретившись на мосту с восемью красавицами-феями, он разговорился с ними и в мыслях отступил от праведного пути.

Стр. 284

«От луны осенний свет струится» — строка из стихотворения Тао Юань-мина «Времена года».

Л. Концевич, М. Никитина

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Обложка

Ли Джон (псевд. Тханын; р. 1541—?). Бамбук. Шелк. Тушь. Музей корейского изобразительного искусства (Пхеньян). Из кн.: W. Forman, J. Bařinka. *Alte Koreanische Kunst*. Praha, 1962.

Шмуцтитлы:

- Стр. 27. Танец Чхоёна. Период Объединенного Силла. Из кн.: Церемониал на государственных банкетах (Чинчхан ыйгве). [Б. м.], 1878 (ксилограф D-67 из Корейского фонда Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР).
- Стр. 28. Ким Сэн (711—791). Стихотворение «Водопад в горах Лушань». Образец каллиграфии периода Объединенного Силла. Из серии «Искусство Кореи» («Хангук мисуль чонджип»). Т. 11. Сеул, 1975.
- Стр. 41. Танец вокруг вазы с райскими цветами. Период правления династии Ли. Из кн.: Церемониал на государственных банкетах.
- Стр. 42. Ким Хондо (псевд. Танвон; ок. 1760—1820). Возвращение Уи на паруснике домой. Бумага. Тушь и краска бледных цветов. Кансонская картинная галерея (Сеул). Из серии «Искусство Кореи». Т. 11.
- Стр. 205. Танец с мечами. Периоды Объединенного Силла — правления династии Ли. Из кн.: Церемониал на государственных банкетах.
- Стр. 206. Ли Мёнук (2-я половина XVII — начало XVIII в.). Рыбак и дровосек за беседой. Бумага. Тушь и краска светлых тонов. Кансонская картинная галерея (Сеул). Из серии «Искусство Кореи». Т. 11.
- Стр. 237. Квандонский танец. Период Корё. Из кн.: Церемониал на государственных банкетах.
- Стр. 238. Кисан (XIX в.). Игра в пашки на берегу горного потока. Бумага. Краска светлых тонов. Из кн.: K i - S a n. *Alte Koreanische Bilder*. Hrsg. von H. Junker. Lpz., 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Никитина.</i> Предисловие	3
---	---

ПЕСНИ ДРЕВНОСТИ. ХЯНГА И КОРЕ КАЁ

<i>Синчхун.</i> Песня о туге	29
<i>Вольмён.</i> Плач по умершей сестре	30
<i>Чхундам.</i> Песня о хваране Кипха	31
<i>Химён.</i> Молитва слепого ребенка перед ликом тысячерукой и тысячеокой печальницы	32
<i>Чхоён.</i> Песня	33
<i>Кюнё.</i> Молю о том, чтобы повернулось Коле- со Закона	34
<i>Неизвестный автор.</i> В зеленых горах буду жить	35
<i>Неизвестная поэтесса.</i> В городе Согёне	37

КОРОТКИЕ ПЕСНИ СИДЖО

<i>У Тхак.</i> «В одной руке сжимаю посох свой...»	43
«О ветер, ты повеял над землей...»	43
<i>Син.</i> «Туда, где галки черные кружатся...»	44
<i>Чон Монджу.</i> «Пусть Небом суждено мне умереть...»	45
<i>Ли Джоно</i> «Нет истины в словах, что обла- кам...»	46
<i>Вон Чхонсок.</i> «Кто говорит, что зимнею по- рой...»	47
«Судьба определяет смерть и гибель!...»	47
<i>Киль Джэ.</i> «Объехал я руины городов...»	48

<i>Мэн Сасон.</i> Песни о временах года на реках и озерах	49
<i>Ли Джик.</i> «Скажу я, цапля белая, тебе...» . . .	51
<i>Тхэджон.</i> «Так поступить, как поступаешь ты?..»	52
<i>Ким Джонсо.</i> «Здесь свет луны холодный на снегу...»	53
«Над Чанбэксаном взвили мы знамена...» . . .	53
<i>Пак Пхэннён.</i> «Когда летит на землю белый снег...»	54
<i>Сон Саммун.</i> «Что после смерти станется со мною?..»	55
<i>Ли Гэ.</i> «В окошке — одинокая свеча...» . . .	56
<i>Лю Сонвон.</i> «Под голову пристроив комун- го...»	57
<i>Ю Ынбу.</i> «Мне люди говорят: минувшей ночью...»	58
<i>Вон Хо.</i> «В журчанье волн речных, бегущих мимо...»	59
<i>Нам И.</i> «Взошел я на вершину Пэктусана...» . . .	60
<i>Вольсан-тэгун.</i> «Ночь опустилась над рекой осенней...»	61
<i>Сонджон.</i> «О, если бы ты все-таки остался!..» . . .	62
<i>Ли Хёнбо.</i> «Вниз посмотрю — внизу спнеет речка...»	63
<i>Ким Гу.</i> «Покамест эта утка-коротышка...» . . .	64
<i>Ан Джон.</i> «За горы западные солнце село...» . . .	65
<i>Ли Хван.</i> Из цикла «Двенадцать напевов То- сана»	66
«Бесчисленные пики Чхоннянсана...» . . .	68
<i>Хон Сом.</i> «О яшме люди говорят: „Булыж- ник!“..»	69
<i>Хван Джини.</i> «Ты не гордись своим теченьем быстрым...»	70
«Когда ты разуверился во мне?..» . . .	70
«Ночь ветренная зимняя длинна...» . . .	70
<i>Ли Тхэк.</i> «Над тем, что пташка черная мала...»	71
<i>Ян Саон.</i> «Хоть говорят, что высока Тай- шань...»	72
<i>Сон Ин.</i> «Все, что я слышу, — лучше бы не слышал!..»	73
<i>Ян Ынджон.</i> «В своей одежде из холстины грубой...»	74

<i>Ли Хубэк.</i> «На отмель опустился дикий гусь...»	75
<i>Лим Джин.</i> «Свой меч я наточил и в ножны спрятал...»	76
<i>Квон Хомун.</i> «Сияние луны и плеск ручья...»	77
«На перекате дождик прошумел...»	77
«Зеленый холм у синего ручья...»	77
«Когда вокруг темнеет, я обычно...»	78
«Луна стремглав пронзила облака...»	78
<i>Лю Джасин.</i> «Гряда осенних гор в лучах закатных...»	79
<i>Сон Хон.</i> «Всегда молчит зеленая гора...»	80
<i>Ли И.</i> Девять излучин Косана	81
<i>Чон Чхоль.</i> «Зачем, старик, несешь ты эту ношу?..»	84
«Как весело двум бабочкам порхать...»	84
«Дождь, хмуро моросящий над полями...»	84
«Одну струну на комунго я тронул...»	85
«Над тихою водою тень скользнула...»	85
«Что знаем мы, что помним о Лю Лине?..»	85
Одинокий журавль	86
«Простой народ провинции Канвондо...»	86
«О, как безжалостно в густом лесу...»	87
О верности	87
«Пусть у меня всего одна рубаха...»	88
«Мой добрый конь с обвислыми ушами...»	88
«Вчера сказал мне кто-то, что вино...»	88
«Из горьких горных трав похлебку ем...»	88
«Бывает, что и дерево зачахнет...»	89
«Вот ритм судьбы — падения и взлеты...»	89
«В столице, где любовь моя живет...»	89
«Из сердца своего луну и звезды...»	89
«Когда умру, пускай речные волны...»	90
«О том, что я среди других — дурнушка...»	90
«Неужто лес, пригодный на стропила...»	90
«Зачем поплыл ты, утлый наш корабль...»	90
«Мне ли завидовать чужому смеху...»	91
«Неужто окоlesiцу я нес...»	91
«Я вижу, как в единый цвет заката...»	91
«Все разошлись. Закончена игра»	91
«Вчера сказать изволил государь...»	92
«Я знаю, это осень наступает...»	92
«Ты проводил меня, и я уехал...»	92

«К пятидесяти жизнь моя подходит...» . . .	92
«Всего одной струны на комунго...» . . .	93
«Бездельником я жил и шалопаем...» . . .	93
«Пить будем кислое вино с тобой...» . . .	93
«Приятель Ко свой камышовый домик...»	93
«По нежным листьям лотоса весь день...»	94
«Зачем ты встала, стройная сосна...» . . .	94
«Любуюсь яшмовым старинным кубком...»	94
«Я ничего не слышу левым ухом...» . . .	94
«Два будды каменных всю жизнь стоят...»	95
«Наверное, великому Цзя И...»	95
«С высокой башни, что парит доньне...»	95
«Два тела из единого создав...»	95
«Твой сын, я слышал, „Сяоцзин“ прочел...»	96
«Покамест живы мать с отцом твоим...»	96
«Когда сопровождаешь старика...»	96
«Правитель — словно Небо над людьми...»	96
«Журавль уже куда-то улетел...»	97
<i>Хан Хо.</i> «Не надо нам соломенной циновки...»	98
<i>Чо Хон.</i> «Над берегом в листве плакучей ивы...»	99
«На озеро и дамбу дождь закапал...» . . .	99
«Закинув удочку, весь день сижу...» . . .	99
<i>Ли Сунсин.</i> «Мечом вооруженный, в эту ночь...»	100
<i>Ли Воник.</i> «Ветвями-нитями зеленой ивы...»	101
<i>Чан Гёнсе.</i> «Вчера минуло двадцать лет с тех пор...»	102
<i>Лим Дже.</i> «В долину, где зеленая трава...»	103
<i>Чо Джонсон.</i> «Эй, мальчик! Принеси мне плащ и шляпу!...»	104
<i>Ли Ханбок.</i> «Твердят, что времена пошли такие...»	105
«С мольбою к вам я обращаюсь, тучи...»	105
«И Цзя-тайфу, правителю Чанша...» . . .	105
<i>Ли Докхён.</i> «Я вижу: в синей высоте небесной...»	106
<i>Ким Санъён.</i> «Дождь беспощадно хлещет целый день...»	107
<i>Нак Инно.</i> Родители	108
Стоит утес	109
За высокими горами	110

Терраса Мирного Уединения	110
Хурма на блюде	110
Гряда Чонуллёна	111
Дружба	111
Ворона в стае фениксов	111
Рыбки в ручье	112
Луна над горой	112
У подножья Кансансана	112
Супруги	113
Воспоминание	114
Правитель и его советник	114
За травами	115
Шаги на Яшмовом мосту	115
Хижина в горах	115
Уйдем отсюда...	116
Братья	116
Воды реки Мило	117
С Террасы Кегудэ	117
<i>Син Хым.</i> «Деревню нашу снегом занесло...»	118
«Конечно, плохо пьянствовать всегда...»	118
«Когда бы кровью сердца своего...» . .	118
«В ночь накануне Дня Холодной Пищи...»	119
<i>Ким Доннён.</i> «Ты, чайка белокрылая, не бойся...»	120
<i>Чхонгым.</i> «Ночь наступила в горной деревушке...»	121
<i>Сори.</i> «Я слышу, как зовут меня: „Сосна“» .	122
<i>Куджи.</i> «Я смастерила лодку из сосны...» . .	123
<i>Чон Он.</i> «Закрыл я книгу, отворил окно...»	124
<i>Ким Санхон.</i> «Я уезжаю, о гора Самтак...»	125
<i>Ли Аннуль.</i> «Шатер из Неба и Земли построю...»	126
<i>Хон Собон.</i> «В тот день, когда любимый уезжал...»	127
<i>Чон Чхунсин.</i> «Стоит в горах пустынных тишина...»	128
<i>Ким Гванук.</i> «Пока в разгаре жаркий летний день...»	129
«Родного края реки и холмы...»	129
«На речке под осеннею луною...»	129
«Подул восточный ветер над землею...»	130
«Давно забыты почести и слава...» . . .	130
<i>Юн Сондо.</i> Из цикла «Новые песни в го-	

рах». Песни о пяти друзьях	131
Времена года рыбака	133
<i>Ли Мёнхан.</i> «Держась за твой рукав, рыдаю громко...»	147
<i>Чон Дугён.</i> «Вновь наполняя чашу золотую...»	148
<i>Сон Сирёль.</i> «Зеленые горы — в согласье с природой...»	149
<i>Понним-тэгун.</i> «Садится солнце, и вокруг стемнело...»	150
<i>Ли Хваджин.</i> «Я пробудился в хижине своей...»	151
<i>Ли Джонхван.</i> «В низине под обильными дождями...»	152
<i>Пак Квон.</i> «Мальчишка вслед за мной нажив- ку нес...»	153
<i>Ю Сун.</i> «Стоящая у синего ручья...»	154
<i>Юн Дусо.</i> «У обочины дороги яшму...»	155
<i>Юн Сун.</i> «Мой дом стоит в предгорье Пэкха- сана...»	156
<i>Сил Джонха.</i> «Пусть люди ценят званья и чины...»	157
<i>Ку Джиджон.</i> «Не хвастайся и не гордись, о коршун...»	158
<i>Ким Самхён.</i> «Ни славы, ни почета не ищи...»	159
«Здесь, у кумирни старой, под сосной...»	159
<i>Чу Ыйсик.</i> «Конечно, небо далеко от нас...»	160
«Луна, поднявшаяся в высоту...»	160
<i>Ким Юги.</i> «Поднялся я на пик горы Тай- шань...»	161
<i>Ким Дусон.</i> «Взяв птицу ловчую с собой, иду...»	162
«Зачем ты, дикий гусь, кричишь так скорбно...»	162
<i>Ким Суджан.</i> «Черным-черно, а говорят — бело...»	163
«В долине Хвагэдона под горой...»	163
«Над теми, кто внизу, ты не шути...»	163
«Домишко у соседа — как гнездо...»	164
«Все думы стариковские и чувства...»	164
«Перед глазами — десять тысяч сосен...»	164
«Пойдем, друзья, цветами любоваться!...»	164
«Живу непринхотливо я, как жил...»	165
«То, что друг другу люди говорят...»	165
«Ты станешь пить вино или не станешь...»	165

«Ты о лазурном облаке мечтаешь...» . . .	165
«Земля и Небо мне — отец и мать...» . . .	166
«Вы, жаждущие власти и чинов...» . . .	166
«Мой дом — не больше домика улитки...» . . .	166
«Цветы опали — и весна минует...» . . .	166
«Чтоб покормить быков, я рано встал...» . . .	167
«На скуку и на бедность не пеняй...» . . .	167
<i>Ли Джонбо.</i> «С тех пор как я живу на белом свете...»	168
«Когда Ли Бо навеки нас оставил...» . . .	168
«Цвет груши с дерева стряхнуло ветром...» . . .	168
«Ответь мне, хризантема, почему...» . . .	169
«За горы западные солнце село...» . . .	169
«Стоял высоко в небе Млечный Путь...» . . .	169
<i>Чо Мённи.</i> «Гусь одинокий мимо пролетел...» . . .	170
«В глухую ночь заезжий двор в Сонджине...»	170
«Я встретил странника, он шел неспешно...»	170
<i>Ли Джэ.</i> «Звезда зашла, и жаворонок взмыл...» . . .	171
<i>Ким Чхонтхэк.</i> «У шумной славы спутник есть — позор...»	172
«Возьми наполненную мною чашу...» . . .	172
«Окутаны ущелья мглой густой...» . . .	172
«Слуге одежду отдал я, чтоб он...» . . .	173
«В оконной раме из бамбука — ночь...» . . .	173
«Сказав „иду“, иди, но не беги!..» . . .	173
«Не радуйся четверке лошадей...» . . .	173
«Проснувшись, всякий раз вино я пью...» . . .	174
«К заре рассветной утки взмыли ввысь...» . . .	174
«Кисть для письма и меч — не для меня...» . . .	174
«Кувшин с широким горлышком наполню...»	174
«Рыбачья песня, и свирели звуки...» . . .	175
«Что слава громкая или почет?» . . .	175
<i>Ким Джинтхэ.</i> «Когда луна восходит молодая...»	176
«Вон та ворона, что кричит вдали...» . . .	176
«Над тем, кто очевидно слеп и глух...» . . .	176
«Подобное воде, уходит время...» . . .	177
<i>Сон Джонвон.</i> «В ночи, когда осенний ветер дул...»	178

«Когда морозной ночью светит месяц...»	178
«Уже по гнездам разлетелись птицы...»	178
<i>Ли Донсан.</i> «Кто отрезает от луны краюшку?..»	179
<i>Сонге Енворон.</i> «Поднявшись на вершину Мачхоллёна...»	180
«Луна взошла. Пробили третью стра- жу...»	180
<i>Чон Сугён.</i> «Пригнал баранов я, привел бы- ков...»	181
<i>Син Химун.</i> «На ближних кручах — поздняя весна...»	182
I. «В штанах коротких, на плече мо- тыга...»	182
II. «Вспахал я поле, сорняки я выбрал...»	182
<i>Хо Соккюн.</i> «Там, где расцвели уже цветы...»	183
«Челнок уходит по реке осенней...»	183
<i>Ким Ен.</i> «Луна отшельника восходит снова...»	184
<i>Пак Енсу.</i> «Он обещал прийти в восточный флигель...»	185
<i>Ким Минсун.</i> «Зеленый посох у меня в ру- ках...»	186
«Поднялся птичий гомон за окном...»	186
«О суете мирской забыл давно я...»	186
«Нет, никаких болезней я не знаю...»	187
«Я посадил цветы, чтобы всю жизнь...»	187
<i>Пак Хёгван.</i> «В те дни, когда опять пахнёт весной...»	188
<i>Ан Минён.</i> «Вчера я снова видел тот же ме- сяц...»	189
«Взошла и разметала облака...»	189
«Я вам не верил, тоненькие ветки...»	189
«Скажи мне, хризантема, почему...»	190
«Цветы у каждой хижины цветут...»	190
<i>Неизвестные авторы.</i>	
«Мы соберем кинжалы и мечи...»	191
«О светлая луна, ты заглянула...»	191
«Когда бы мы на свет родились снова...»	191
«Рукою знак мне подает соседка...»	192
«Зачем ты передал письмо с чужим?..»	192
«Две бабочки летают средь цветов...»	192
«И захотела на луну взглянуть...»	192

«Со мною рядом ты — и так далеко!..» . . .	193
«Чем жить, как я живу, о нем тоскую...» . . .	193
«Лишь слово написал я — и вздохнул...» . . .	193
«И на степе звенит мой меч тяжелый...» . . .	193
«Один твердит, что вороп слишком чер- рен...»	194
«Луна, что светит над жемчужной што- рой...»	194
«Пока луна, что встала над сосной...» . . .	194
«Мой вол, с которого я спял ярмо...» . . .	194
«Хочу к луне с вопросом обратиться...» . . .	195
«Цветы ли расцветают на лугах...» . . .	195
«Ссудили люди мне немного риса...» . . .	195
«На снег ложится ясный свет луны...» . . .	195
I «Набрала молодая редька сок...» . . .	196
II «Я в поле скороспелый рис полью...» . . .	196
«Не бойся, чайка белая, меня...»	196
«О бабочка тигровая! С тобою...»	197
«Ты не меняешься, моя душа...»	197
«О всех восьми красотах Кымгансана...» . . .	197
«Мир вечной суеты и пустословья...» . . .	197
«Наверно, милого будить пора...»	198
«О том, что опадает вешний цвет...»	198
«Любимого лишилась — и теперь...»	198
«Я говорил не раз, что брошу пить...»	198
I «На поле и в сады пришла весна...»	199
II «На поле и в сады пришла весна...»	199
«Гордясь своей весенней красотой...»	199
«На цвет весенний груши капал дождь...» . . .	200
«Неужто предназначено судьбой...»	200
«Гусь закричал — я глянула в окно...» . . .	200
«В долине горной, где ручей струится...» . . .	200
«О заяц яшмовый, куда бежишь ты?...» . . .	201
«Хотя уже пробили третью стражу...»	201
«Предназначение ль у меня такое?...»	201
«Дождь моросил весенний. Ехал я...»	201
«Мой милый появляется, как гром...»	202
«Вчера, а может быть, позавчера...»	202
«И свет луны, что на снегу, блеснул...» . . .	202
«Трудился я усердно десять лет...»	202
«Как посмотрю я на тебя, ворона...»	203
«Я посадил у дома хризантемы...»	203
«Возьми чигэ и выведи вола...»	203
«От ветра, что подул минувшей ночью...» . . .	203

<i>Чон Чхоль.</i> Время пить вино	207
<i>Ли Джонджин.</i> «Смастерив сачок из пау- тины...»	209
<i>Ким Минсин.</i> «Ох, ох! Замучили меня недуги!..»	210
«Я вспоминаю молодость свою...» . . .	210
<i>Неизвестные авторы.</i>	
«С чем молодую девушку сравнить?..» .	211
«Скажите-ка, друзья, как жить на свете...»	211
«Там, за рекою, на крутой скале...» . . .	212
«Остановить коня на всем скаку...» . .	213
«Сколько бы ни каркала ворона...» . . .	213
«Ты улыбнешься — зубы хороши!..» . .	213
«Слепой пезрячего взвалил на спину...»	214
«Ох, эта любовь, любовь...»	214
«Пускай мне грудь продырявят...» . . .	215
«В том доме, что стоит в тени софоры...»	215
«Ох, беда! Беда пришла...»	216
«Эй, жаба! Эй, кривая и хромая...» . . .	216
«Беда тебе, поблекшая краса!..»	217
«Эй, косматый парень, погоди-ка...» . .	217
«Когда любовь захочется купить...» . .	218
«Монах схватил за волосы монашку...»	218
«Ну что ты так настойчиво стучишься?..»	218
«Водку хлещет, словно воду бык...» . .	219
«Как ни гони ты черную корову...» . .	219
«Когда ты меня добивался...»	220
«Ты, как арбуз,— со всех сторон округ- лый...»	220
«Покупайте мои белила!..»	221
«Кто объяснит, как выглядит любовь?..»	221
«Пауков больших и круглых...»	222
«Мой милый, уезжая в дальний край...»	222
«В славный день восьмой луны чет- вертой...»	222
«Я думаю о милом так же часто...» . . .	224
«Тридцать ударов по заду...»	224
«Сколько б ни читал монах молитву...»	225
«Слушай-ка, любезная монашка...» . . .	225
«Монах с монашкой встретились в го- рах...»	226

«Крабы в соусе! Берите крабов!..» . . .	226
«Нить крутится вокруг веретена...» . . .	227
«Моя любимая — как тот цветок...» . . .	227
«Эй, дочка потаскушки в синей юбке...»	227
«На ширме я рисунок увидал...»	228
«Стать бы снова, снова молодой...» . . .	228
«Монашескую одежду...»	228
«Тень промелькнула за моим окном...»	229
«Я всем расскажу, соседка...»	229
«Вороны то друг друга догоняют...» . . .	230
«Эй, филин, ухающий среди ночи...» . . .	230
«Домик свой соорудил я...»	230
«Цвет грушевый роса уже покрыла...»	231
«Кричал за окном лудильщик...»	231
«Мой старый муж в лиловой ходит шляпе...»	232
«Уподобившийся человеку...»	232
«Корабельщики и моряки...»	233
«Из тварей, что живут на белом свете...»	234
«Если пряжу из моси прядут...»	234
«Сначала стемнеет, потом рассветет...»	235
«Почему ты ко мне не приходишь?..» . . .	235

НАПЕВНЫЕ СТРОФЫ. КАСА И ЧАПКА

<i>Чон Гыгин.</i> Славлю веспу	239
<i>Чон Чхоль.</i> Тоскую о милом	242
Разговор двух женщин	247
Путешествие в Квандон	251
Сонсанские напевы	262
<i>Пак Инно.</i> Песня о Ённаме	268
<i>Хо Нансорхон.</i> Тоска на женской половине дома	272
<i>Ли Банъик.</i> Скитания по морю (Отрывок)	276
<i>Неизвестные авторы.</i>	
Песня о Скале Долга	279
Белая чайка	281
Желтый петушок	283
<i>Л. Концевич, М. Никитина.</i> Примечания	285
Список иллюстраций	316

БАМБУК В СНЕГУ

Корейская лирика VIII—XIX веков

Редактор А. А. Янгаева. Младший редактор Г. А. Бурова. Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор И. Р. Бескин. Технический редактор Л. Ш. Береславская. Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 13043

Сдано в набор 14/XI 1977 г. Подписано к печати 4/V 1978 г. Формат 70×90^{1/32}. Бум. № 1. Печ. л. 10,25. Усл. п. л. 11,99. Уч.-изд. л. 9,85. Тираж 10 000 экз. Изд. № 3938. Зак. № 2287. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»

Москва, Краснопролетарская, 16